

МАХ-ШАРАФ ХАНУМ КУРДИСТАНИ

ХРОНИКА ДОМА АРДАЛАН

ТАРИХ-И АРДАЛАН

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее издание представляет собою перевод хроники курдской поэтессы и историка первой половины XIX в. Мах Шараф-ханум Курдистани, более известной под литературным псевдонимом Мастуре (перс, “спрятанная”, “целомудренная”). Книга написана на персидском языке и называется *Та'рих-и Ардалан* — “История Арделана”. Сочинение посвящено истории сравнительно небольшой, но крайне интересной области Восточного Курдистана и правившей там династии курдских эмиров.

Курдистан, поделенный в начале XVI столетия между Османской Турцией и Сефевидским Ираном, оставался под властью этих стран до конца XIX в. Однако значительная часть курдских областей фактически пользовалась независимостью¹ признавая то шахскую, то султанскую власть, а временами не признавая ни той и ни другой даже номинально. Ирано-турецкое соперничество в Курдистане, регулярно повторяющиеся попытки установить реальную власть над курдами в XIX столетии обрели особую остроту, что привело к росту национального самосознания. Центрами этнической консолидации выступали эмираты Арделан, Бабан, Рувандуз, Хаккари, Бахдинан, Бохтан, и там вспыхивает целый ряд крупных восстаний. В Курдистане к этому времени в политическое и экономическое соперничество помимо Турции и Ирана включились развитые европейские державы. Общими усилиями заинтересованных сторон восстания были разгромлены, и к первому десятилетию второй половины XIX в. курдские эмираты прекратили свое существование.

Многовековое существование курдских эмиратов с могущественными, временами почти независимыми правителями во главе способствовало созданию местных исторических традиций и школ. События конца XVIII—XIX в. также не могли не содействовать пробуждению патриотизма, возрождению преданий и легенд о былой мощи княжеских родов. В Арделане, одном из крупнейших центров консолидации курдского этноса, возникла целая школа местных [9] историографов, представленная рядом имен авторов. В библиографической литературе по курдам зафиксированы названия четырех значительных исторических произведений, принадлежащих перу курдских авторов, уроженцев Арделанского Курдистана: *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи* Мухаммада Шарифа *Казии*, хроника Хусрава ибн Мухаммада Бани Ар-далана, *Та'рих-и Ардалан* Мах Шараф-ханум Курдистани и *Хадике-йи Насирийе* Али Акбар-хана Садик ал-Мулка².

Самая ранняя из известных нам арделанских хроник является сочинением Мухаммада Шарифа *Казии* и завершена в ۱۲۱۵/۱۸۰۰-۱ г. В хранилищах мира она представлена единственной рукописью, которая ныне находится в библиотеке Кембриджского университета³. Другие списки в каталогах не упоминаются, но существуют в частных коллекциях несомненно. Доказательством этому служит рукопись, принадлежащая курдскому ученому Мухаммаду Мукри, с которой он любезно дал возможность автору этих строк познакомиться и снять фотокопию.

Сочинение Мухаммада Шарифа *Казн* написано по типу “всеобщих” историй и в списке Кембриджского университета состоит из введения, двенадцати глав и заключения. Арделану и курдам вообще посвящена лишь предпоследняя, 11-я глава, которая в списке Кембриджского университета составляет около 1/3 части всего сочинения. Эту главу можно назвать первой известной нам записью местной исторической традиции. Последующие ⁴ авторы, несомненно, использовали это произведение. Мах Шараф-ханум при этом ссылается на своего предшественника. Хусрав ибн Мухаммад и автор *Хадике-йи Насирийе* обходятся без всяких ссылок. Хусрав ибн Мухаммад даже заверяет читателей, что до него история правителей из дома Бани Ардалан оставалась сокрытой “за завесой тайны” ⁵.

Арделанской историографии до самого последнего времени не уделялось большого внимания ни в отечественной, ни в зарубежной научной литературе. Не привлекалась к [10] исследованию *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи* Мухаммада Шарифа Казн и, кроме краткого описания рукописи из библиотеки Кембриджского университета в каталоге Э. Брауна ¹ и упоминания в библиографическом труде Ч. А. Стори, другие сведения об источнике в научной литературе до 1988 г. отсутствовали ².

Рукопись сочинения Хусрава ибн Мухаммада в хранилище Национальной библиотеки Парижа до 1979 г. считалась уникальной. В этом году в Тегеране по рукописи из частного собрания было осуществлено издание хроники под названием *Лубб-и таварих. Та'рих-и Ардалан, та'лиф-и Хусрав ибн Мухаммад ибн Манучихр Ардалан маишхур ба Мусаннаф дар сал-и 1299 х. к.*, и через пять лет, в 1984 г., издан текст парижского манускрипта вместе с переводом на русский язык, введением, примечаниями и приложением, выполненными автором этих строк ³.

Сочинение Мирза Али Акбар-хана Садик ал-Мулка *Хадике-йи Насирийе* существует в нескольких списках ⁴, однако издание текста до сих пор не осуществлено, и хроника не нашла научного освещения ни в отечественной, ни в зарубежной литературе. Краткий и местами не совсем точный пересказ текста одной из рукописей *Хадике-йи Насирийе* содержит статья В. П. Никитина под названием “Les valis d'Ardelan”.

Каждая из арделанских хроник ценна по-своему, и ни одна не дублирует другую. Публикации и исследования заслуживают все произведения арделанских историографов, которые при бедности источниковедческой базы по истории курдов представляются бесценным кладом информации по Юго-Восточному Курдистану.

Судьба хроники Мах Шараф-ханум Курдистани и ее поэтического наследия сложилась сравнительно удачно. Интерес к творчеству и неординарной личности автора — поэтессы, жены арделанского князя Хусрав-хана Накама (1240/1824-25—1250/1834-35)—побудил курдского ученого и “попечителя просвещения в Курдистане” ⁵ Хаджи Шайх Йахью Ма'рифата предпринять в 1926 г. издание персидских стихов Мастуре под названием *Диван-и Мах Шараф-ханум Курдистани мутахаллис ба Мастуре*. В подготовке издания участвовали Мирза Асадаллах Курдистани и владелец библиотеки “Шарк” Мухаммад-ака Рамазани ⁶. Книга содержит [11] небольшую вводную статью Йахью Ма'рифата, несколько заключительных замечаний (*хатиме*) Абу-л-Бака Му'тамади Курдистани и заканчивается весьма примечательным объявлением: “Деньги, вырученные от продажи этого дивана [стихов], под руководством господина Ма'рифата будут потрачены на издание и публикацию других диванов [стихов] и сочинений курдских авторов” ⁷.

Хроника Мастуре увидела свет через двадцать лет, в начале 1946 г., после провозглашения Северного Курдистана автономной областью в пределах Ирана и

установления там демократического режима. События в Северном Курдистане нашли горячий отклик в других районах Иранского Курдистана, способствовали росту национального самосознания курдов и интереса к своему историческому прошлому.

Издание “Истории Арделана” Мах Шараф-ханум Курдистани осуществил курдский ученый Насир Азадпур. “Хотя,— писал он в своем предисловии,— по истории Арделана было написано много книг и сочинений, следует признать, что хроника Мастуре с точки зрения давности [ее написания], личности [автора] и родственных связей с домом Бани Ардалан привлекает больше внимания, нежели любая [другая] книга”¹².

Издание хроники выполнено в Сенендедже типографским способом по рукописи, которую Насиру Азадпуру удалось получить с большим трудом и после долгих поисков¹³. Насир Азадпур предпослал авторскому тексту небольшое предисловие и снабдил его примечаниями, в которых помимо этнолингвоисторических сведений содержатся отрывки стихотворений Махди-бека Шиккаки, курдского поэта второй половины XVIII в.¹⁴. Существенным недостатком издания представляется отсутствие указаний, по какой рукописи воспроизведен текст хроники и какие были допущены исправления при прочтении отдельных мест манускрипта.

Сочинение Мах Шараф-ханум Курдистани до самого последнего времени оставалось вне поля зрения исследователей курдской истории¹⁵, как и ее поэтическое творчество¹⁶. Книга [17] не переведена ни на один из восточных и европейских языков. При подготовке настоящего издания для сравнительного анализа текста были привлечены все перечисленные выше произведения арделанских историографов. Особое внимание было уделено сравнению *Ta'rix-i Ardalan* с сочинениями предшествующих авторов, которые послужили для Мастуре первоисточниками при написании книги. Перевод выполнен по тегеранскому изданию 1947 г. Книга к настоящему времени стала библиографической редкостью, и получить ее фотокопию удалось благодаря любезному содействию Ю. Е. Борщевского и М. А. Дандамаева. Пользуюсь случаем выразить также свою признательность за помощь в работе О. Ф. Акимушкину, О. Г. Большакову, Л. Т. Гюзальяну, С. Г. Кляшторному и Дж. Хайдари.

Все собственные имена и названия сочинений переданы на основе транслитерации, принятой в публикациях серии “Памятники письменности Востока”, цитаты из Корана приведены в переводе Г. С. Саблукова.

ОБ АВТОРЕ

О Мах Шараф-ханум Курдистани известно немного. Издатели хроники и дивана ее стихов Насир Азадпур и Йахйя Ма'рифат о ее жизни говорят кратко. Целый ряд ценных сведений можно почерпнуть из текста книги, хотя специально для осведомления читателей Мастуре ничего о себе не сообщает.

Мах Шараф-ханум Курдистани¹⁸ родилась в столице Арделанского княжества городе Сенендедже в 1220/1805-06 г.¹⁹, в правление грозного Аманаллах-хана (1214/1799-80—1240/1824-25), отца ее будущего мужа Хусрав-хана Накама. Могущество правящего дома Бани Ардалан, чьи владения в XII—XIV вв. С. Х. Лонгригг называет империей²⁰, к тому времени было основательно подорвано. Однако эмирам Хусравхану (1170/1756-57—1200/1790-91) и его сыну Аманаллах-хану удалось весьма укрепить свое положение, расширить пределы владений и ослабить степень зависимости от центральной власти.

И отца и сына арделанские историографы назвали великими эмирами. Хусров-хан Великий принимал активное [13] участие в межкоалиционной борьбе за иранский престол, разгоревшейся после смерти Карим-хана Занда в 1779 г. Военная помощь Хусрав-хана и одержанные им победы над тремя претендентами на корону — Исма'ил-ханом, Джа'фар-ханом Зандами и Аллах-Кули-ханом Зангане — помогли утвердиться Ага Мухаммад-хану Каджару [14]. По мнению иранского историографа Мирза Мухаммада Садика Нами Мусави, Хус-рав-хан и сам выступал претендентом на иранский престол [15].

Аманаллах-хан также достиг весьма высокой степени централизации ханской власти с помощью суровых мер по пресечению сепаратистских тенденций, подавления выступлений арделанской знати и глав племен. По словам очевидцев, он занимал положение почти королевское и был независим в полном смысле этого слова [16]. Таким образом, ко времени рождения Мастуре и в первые десятилетия ее жизни Арделанское княжество и его правитель играли заметную роль в стремительном развитии событий в Юго-Восточном Курдистане, который стал центром освободительной борьбы курдов.

Мах Шараф-ханум Курдистани была знатного происхождения. В ней соединились линии двух могущественных родов Арделанского Курдистана — рода потомственных везиров со стороны матери и семейства Кадири со стороны отца.

Прадед Мастуре по материнской линии Мирза 'Абдаллах везир был могущественным и влиятельным человеком при дворе Хусрав-хана Великого, выполнял ответственные поручения князя и в его отсутствие поддерживал порядок в столице княжества и в крепости Хасанабад [17]. Как можно понять из текста хроники Мах Шараф-ханум, объединенные усилия Мирза 'Абдаллаха везира, Мухаммада Рашид-бека *вакила* и Мирза Садика *мустауфи*, составивших в середине 70-х годов XVIII в. мощную антибабанскую коалицию, помогли упрочить положение пошатнувшегося было трона арделанских эмиров и противостоять претензиям Бабанов на Курдистан-и Сенне [18].

В хронике Мастуре упоминаются многочисленные сыновья Мирза 'Абдаллаха везира. Старший сын Мирза Ахмал был захвачен в плен во время сражения с турками и бабанцами, Мирза 'Али и Мирза Махди убиты. Мирза Ахмад и Мирза Йусуф вместе с Мухаммадом Рашид-беком *вакилом* позднее выступили против Хусрав-хана и после неудавшейся попытки его сместить бежали в Шахризур. Впоследствии Мирза Иусуф поступил на службу к Аллах-Кули-хану Зангане и в [19] авангарде его войска участвовал в походе на Хусрав-хана [20].

Верно служили княжескому дому сыновья Мирза 'Абдаллаха везира Мирза Фатхаллах, назначенный после победы над Исма'ил-ханом Зандом правителем Туй-Саркана, и Мирза Лутфаллах, родной дядя матери Мастуре. Последний отличался богатырской силой и воинской доблестью. Во время сражения с племенем билбас он, по словам Мастуре, “выбил из седла и [поверг] на землю семнадцать билбасских витязей” [21]. В 1722/1807 г. Мирза Лутфаллах участвовал в заговоре арделанской знати против Аманаллах-хана, однако вскоре на заговорщиков донес и всех поголовно выдал [22]. Таким образом, родственники Мастуре по материнской линии играли видную роль в борьбе за власть в Арделанском Курдистане, то активно поддерживая правящую фамилию, то выступая против нее с оружием в руках.

Семейство Кадири, к которому принадлежал отец Мах Шараф-ханум, судя по тексту хроники, проявляло большую лояльность к княжескому дому, и члены этой семьи неизменно занимали видные должности при дворе. Весьма незаурядной личностью представляется дед Мастуре по отцу, Мухам-мадака [23], проживший долгую, насыщенную

кипучей деятельностью и бурными событиями жизнь и занимавший около полувека должность *назира* ¹⁷ Курдистана, при четырех арделанских правителях. Арделанский *назир* имитировал, по всей видимости, пост одного из “столпов иранской державы”, который именовался *назир-и буйутат* и был начальником всех хозяйственных учреждений шахского двора: придворных ремесленных мастерских, бань и складских помещений. Полномочия арделанского *назира* выходили далеко за пределы княжеских кладовых, и Мухаммад-ака принимал самое активное; участие в политической борьбе и обогащался столь интенсивно, что не единожды вызывал у своих покровителей желание несколько уменьшить его состояние.

На страницах хроники Мастуре Мухаммад-ака впервые упоминается при описании событий начала 80-х годов XVIII столетия. Он входил в ближайшее окружение Хусрав-хана Великого, участвовал в военных походах, исполнял [18] ответственные поручения князя. Победы Хусрав-хана над правителем Керманшаха Аллах-Кули-ханом Зангане и Исма'ил-ханом и Джа'фар-ханом Зандами способствовали быстрому обогащению Мухаммад-ака за счет военных трофеев и добычи. “Говорят,— рассказывает Мастуре,— [моему] благородному деду выпали на долю несметные [богатства] из награбленного тем войском ¹⁹. Поскольку он счел себя не в праве [присвоить] добычу, то преподнес все Хусраву. Однако тот справедливый с присущим ему великодушием Хатима заниматься имуществами не стал и изволил оставить [моему деду]. До сих пор в нашей семье хранится на счастье дорогой цены зеркало из тех богатств” ²⁰.

Мухаммад-ака сохранил свое положение и должность на-зира Курдистана в правление преемников Хусрав-хана, Лутф 'Али-хана (1200/1790-91—1209/1798-99) и его сына Хасан 'Али-хана (1209/1798-99—1218/1799-800) и сына Хусрав-хана Аманаллах-хана Великого. До глубокой старости оставался он в гуще событий, потрясавших эту сравнительно небольшую область Иранского Курдистана. При этом сам Мухаммад-ака и все семейство Кадири продолжали интенсивно богатеть. В 1206/1791-92 г., когда Лутф 'Али-хаи по приказу иранского шаха наводил порядок в Хузистане, арделанское войско, по словам Мастуре, завладело значительными богатствами, а Мухаммад-ака, которому поручалось доставить казну правителя Шуштера 'Аббас-Кули-хана, пополнил свое состояние на тысячу туманов ²¹.

К началу XIX в. Мухаммад-ака настолько усилился, что позволил себе примкнуть к сыновьям Мухаммада Рашид-бека *вакила*, которые в начале правления Аманаллах-хана возглавили группировку арделанской знати, стремившуюся ограничить его власть. В наказание Аманаллах-хан “на несколько дней отвратил от него милостивый взор”, “взыскал с него пять тысяч туманов, но через восемнадцать дней снова назначил его на пост *назира* и отметил почетным халатом, и вознесся тот выше прежнего” ²².

Аманаллах-хан еще не мог тогда расправиться с сыновьями Мухаммада Рашид-бека окончательно и притворно сменил гнев на милость. Однако в лице Мухаммад-ака ему, по-видимому, выгоднее было иметь влиятельного сторонника. Поэтому, не отказывая себе в удовольствии оштрафовать его на крупную сумму, Аманаллах-хан “простил” провинившегося и взял в свой гарем его дочерей, теток Мастуре. Сын Аманаллах-хана и одной из дочерей Мухаммад-ака, [19] Хусайн-Кули-хан отличался литературными талантами и получил известность под поэтическим псевдонимом Хави Санандаджи ²³. Двоюродному брату Мастуре Хусайн-Кули-хану довелось сыграть заметную роль в ее жизни, в особенности в самом ее конце, о чем будет рассказано ниже.

После описанных событий Мухаммад-ака стал исполнителем особо ответственных поручений Аманаллах-хана. В 1221/1806 г. он доставил к шахскому двору захваченного в

плен “войсками Ирана и Аманаллах-хана” Сулайман-пашу Багдадского и ٧٠٠ пленных румийцев ^{٣٦}. Вскоре “прославленный дед сочинительницы” хроники ездил в Тегеран по делу нескольких представителей арделанской знати, которые “из злодейских побуждений снова подняли смуту” ^{٣٧}. Миссия Мухаммад-ака закончилась успешно, и заговорщиков, направившихся было с жалобой к шаху, возвратили в Арделан. После конфискации имущества все они подверглись наказанию.

В ١٢٣٤/١٨١٨-١٩ г. Мухаммад-ака направили в Бане для подавления восстания Фатх 'Али-султана Банейи ^{٣٨}. Разгромленный правитель Бане обратился в бегство, и область предали ограблению ^{٣٩}. Мухаммад-ака был ханом награжден, “вознесен и отмечен среди равных” и некоторое время занимался наведением порядка в Бане, а по возвращении его направили в Тегеран — доложить шаху о восстании старшего княжеского сына, которое закончилось гибелью его и многих представителей дома Бани Ардалан ^{٤٠}.

До конца правления Аманаллах-хана и в первый год власти Хусрав-хана Накама Мухаммад-ака оставался при дворе и пользовался значительным влиянием. Несмотря на уже, по всей видимости, преклонный возраст, он продолжал принимать активное участие в военных походах. Однако богатство Мухаммад-ака не давало покоя молодому князю, будущему мужу Мастуре, и все члены семейства Кадири неожиданно подверглись опале, аресту и были оштрафованы на тридцать тысяч туманов ^{٤١}. На одной и той же странице хроники Мастуре дважды упоминает “о разладе в делах” ее деда и отца, однако, более подробно останавливаясь на этих событиях двумя страницами ниже, среди потерпевших называет “отца сочинительницы Абу-л-Хасан-бека и еще братьев отца и племянников” ^{٤٢}. Мухаммад-ака при этом не упоминается, как [١٧] не указан он и в числе родственников Мастуре, которые были освобождены и снова снискали княжескую милость.

Такое умолчание трудно объяснить случайностью и приписать забывчивости автора. Можно предположить, что Мухаммад-ака, подобно своим сыновьям и внукам закованный после ареста в кандалы и подвергнутый унижению и пыткам, скончался в тюрьме. К тому времени он был уже в преклонном возрасте. Мастуре могла умолчать о дальнейшей судьбе своего деда, и решающую роль при этом сыграло ее положение вдовы Хусрав-хана Накама в то время, когда писались эти строки. Предполагаемая смерть Мухаммад-ака могла носить и насильственный характер, что вполне вписывается в социально-политическую ситуацию описываемого периода.

Абу-л-Хасан-бек, отец Мастуре, заметно отличался наклонностями и чертами характера от своего воинственного родителя. Интеллектуальные занятия его интересовали, по всей видимости, гораздо более, нежели дела ратные. В особенности охотно, по словам Мастуре, он занимался воспитанием детей и самое большое внимание уделил обучению и воспитанию дочери, которая была его первенцем и, без сомнения, предметом его гордости и самой горячей любви. “После того как из материнского чрева, — рассказывает Мастуре, — я утвердилась под опекой отцовского воспитания”, “с помощью той звезды апогея просвещения и светила небосвода разума [или моего родителя], который питал естественную любовь и настоящую страсть к воспитанию детей и [их] закаливанию, в особенности меня, [поскольку я была] первой розой в том цветнике и первенцем-побегом с той лужайки, рука моя познакомилась с пером, а глаза прозрели [для прочтения] написанного” ^{٤٣}.

Абу-л-Хасан-бек выполнял обязанности наставника при княжеском сыне Хусайн-Кулихане, который приходился ему племянником, и Мах Шарах-ханум воспитывалась, как можно понять из текста ее хроники, при княжеском дворе ^{٤٤}. Ама-наллах-хан не только доверил отцу Мастуре воспитание одного из сыновей, но и оставлял своим заместителем в

столице. В ۱۲۳۴/۱۸۱۸-۱۹ г., когда взбунтовался старший княжеский сын и двинулся было на Сенендедж, Абу-л-Хасан-бек руководил обороной города ⁴⁰.

Арест Абу-л-Хасан-бека, его отца, братьев и племянников по приказу Хусрав-хана Накама имел место, по всей видимости, в ۱۲۴۱/۱۸۲۵-۲۶ г., поскольку Мастуре связывает это событие со смещением Хусайн-Кули-хана с поста правителя [18] Исфадабада, а смещен он был через год после смерти Аманаллах-хана и утверждения его наследника ⁴¹, который приходился Хусайн-Кули-хану сводным братом. Со смещенным Хусайн-Кули-ханом попытались сговориться Акбар-бек, сын Мухаммада Заман-бека *вакила*, и его родственники, которые во время русско-иранских военных действий в Азербайджане примкнули к русскому войску. Враги Хусайн-Кули-хана тотчас доложили об этом князю, и, поскольку семье Мастуре приписывали, по ее словам, владение “наличными деньгами и сокрытыми ценностями”, “было дано указание втянуть в ту историю” отца сочинительницы хроники Абу-л-Хасан-бека, которому Хусайн-Кули-хан приходился племянником, и “под тем предлогом забрать все, что у них хранилось в тайниках” ⁴².

“Дознание” поручили племяннику и воспитаннику Абу-л-Хасан-бека Хусайн-Кули-хану, и в случае благоприятного исхода Хусрав-хан обещал ему вернуть управление Исфадабадом. Будучи свидетелем того, как жестоко Хусрав-хан обошелся с остальными братьями ⁴³, Хусайн-Кули-хан исправно выполнил поручение. Он пригласил к себе Абу-л-Хасан-бека под предлогом болезни племянника и устроил перед людьми князя, спрятанными за занавеской, целый спектакль. Ничего не подозревавший отец Мастуре за два часа беседы, по-видимому, что-то сказал о своих тайниках, и на следующий день произошел арест. Абу-л-Хасан-бека, его братьев и племянников вскоре освободили, пожаловав “различными милостями”, а двадцатилетняя красавица Мах Шараф-ханум ⁴⁴ стала женой Хусрав-хана.

О судьбе отца после освобождения из-под ареста Мастуре ничего не сообщает. Можно лишь заключить, что к ۱۲۶۲/۱۸۴۵-۴۶ г., когда было закончено написание хроники, Абу-л-Хасан-бека в живых не было, поскольку на страницах книги он неоднократно именуется покойным ⁴⁵.

Стараниями своего родителя Мах Шараф-ханум получила воспитание несколько иное, нежели большинство женщин ее круга. В знатной курдской среде основное внимание уделялось умению женщин петь национальные песни, танцевать, искусству верховой езды, различным рукоделиям и, лишь в последнюю очередь, письму. Курдские женщины, какое бы высокое положение они ни занимали, великолепно ездили верхом, “не боясь при этом перешеголять мужчин” ⁴⁶. [19] Абу-л-Хасан-бек, по-видимому, основное внимание уделил интеллектуальному развитию дочери. Успеху содействовали “естественный интерес” и “врожденное желание изучать книги” ⁴⁷, присущие Мастуре. Жадно вслушивалась она в предания, в легенды о “благих деяниях” предков. Более всего привлекали к себе диваны стихов поэтов прошлого и записи давних хронистов, “достоверные сведения о Курдистане”. Абу-л-Хасан-бек не ограничивал пылкий ум дочери чтением книг. Старинные курдские крепости, могучие цитадели арделанских эмиров, разрушенные по приказу турецких и иранских властителей, тоже привлекали ее внимание ⁴⁸.

По мере ознакомления с “сочинениями древних” у Мах Шараф-ханум крепло желание самой когда-либо взяться за описание исторических судеб Арделанского Курдистана: “Изучая и делая записи, убедилась я, что положение правителей вилайета Курдистан изъяснено и описано. Однако, хотя рассказано обстоятельно, по той причине, что от того остались [лишь] краткие [сведения], [история Курдистана] оставалась неперсверленной

жемчужиной”^{o4}. Внутреннюю потребность, “необходимость завершить” написанное предшествующими историками Мастуре осознала после того, как стала женой Хусрав-хана, украсив, по ее словам, стан своих дарований “убранством родства с той высокой династией, а гордые плечи и грудь — нарядом приобщения к тому прославленному семейству”^{oo}.

Мастуре вышла замуж, по всей вероятности, в конце 1241/1220-22 или в начале 1242/1226-27 г. Освободив членов семьи Кадири из-под ареста, Хусрав-хан взял старшую дочь Абу-л-Хасан-бека в свой гарем, закрепив женитьбой свое примирение с одним из знатных арделанских родов. Хусрав-хан наследовал своему отцу Аманаллах-хану в 1240/1224-25 г. в возрасте около двадцати лет. С 1230/1219-20 г. он был женат на кадjarской принцессе, дочери Фатх 'Али-шаха Хусн Джихан-ханум^{oi}. От Хусн Джихан, согласно *Та'рих-и Ардалан*, у Хусрав-хана было три сына: Риза-Кули-хан, Аманаллах-хан [20] (Гулам-шах-хан), Хан Ахмад-хан и три дочери: Ханум-и Ханумха, 'Адиле-султан и Аге-ханум^{ov}.

При Хусрав-хане, согласно хронике Хусрава ибн Мухамм; да Бани Ардалан, местная арделанская знать из курдов была оттеснена на задний план и при княжеском дворе усилилось кадjarское влияние. В Курдистане, по словам историк стали распоряжаться “чужие” — “те, что говорили по персидски”^{oa}.

Женившись на Мастуре, Хусрав-хан вел себя при это точно так, как двадцать лет тому назад его отец Аманалла: хан, который, прежде чем взять в свой гарем дочерей Мухамад-ака, подверг будущего тестя немилости и крупному штрафу^{oi}. Действия Хусрав-хана легкообъяснимы элементарным деспотизмом, но, по нашему мнению, могла существовать и иная, более тонкая подоплека событий. Настораживает роль, отведенная в этой истории Хусрав-ханом своему сводному брату Хусайн-Кули-хану.

Воспитанник и племянник Абу-л-Хасан-бека, двоюродный брат Мастуре Хусайн-Кули-хан тоже отличался литературными талантами и был ее ровесником. Возможно, именно ему прочил в жены свою горячо любимую дочь Абу-л-Хасан-бек, поскольку двоюродные брат и сестра, по курдским обычаям, считались оптимально подходящей парой. Мастуре уделила судьбе Хусайн-Кули-хана достаточно внимания в своей хронике, последние дни своей жизни провела в его доме в Сулеймании и пережила Хусайн-Кули-хана не более чем на месяц. Быть может, в юности их связывали чувства более нежные, нежели родственные, и именно поэтому расчетливый Хусрав-хан заставил Хусайн-Кули-хана предать своего наставника и дядю, а вместе с ним и Мастуре. Однако такое предположение носит умозрительный характер и не подтверждается ни одним конкретным свидетельством хроники.

Мастуре, по-видимому, не была несчастлива в браке, хотя детей у нее не было^{oi}. Старшей женой Хусрав-хана была шахская дочь Хусн Джихан-ханум, и Мастуре до последней страницы своей книги упоминает о ней с неизменным почтением, соблюдая разделявшую их по положению дистанцию. Однако князь, несомненно, выделял дочь Абу-л-Хасан-бек; среди своих жен и оказывал ей предпочтение. По ее словам она была “вознесена до должности везира эндеруна”, или “министра” женской половины дома^{oi}. Именно ей “принадлежала честь делить ложе с тем благородным”, и она “была [21] удостоена общения с ним днем и ночью”^{oi}. Однако, хотя Мастуре пользовалась особой любовью Хусрав-хана, он, по-видимому, не оставлял без внимания и других обитательниц гарема. Ревнивые нотки часто звучат в стихах поэтессы.

Лирика Мастуре позволяет заглянуть в интимнейший мир ее чувств и переживаний. Стихи ее, как тончайший инструмент, передают все переливы ее настроений, и доминирует в поэзии Мастуре тема любви. В качестве образца ее любовной лирики приведем одно из лучших, на наш взгляд, ее стихотворений, которое условно, по рефрену, можно назвать “Сегодня ночью”¹³:

От свечи твоего появления в жилище моего сердца светло сегодня ночью,
Ангелы ликуют от блеска моего пиршества сегодня ночью;
От ланит [твоих], стана и писаного лика охвачена я страстью
Исполнения обет[ов] нарцисса и [стройной, как] тополь, лилии сегодня ночью;
Своим Аврангу [подобным] завитком [волос] ты напомнил гребню розу,
Мир будто наполнился мускусом и ладаном сегодня ночью;
Хвала Богу, благодаря лучам твоего солнц[у подобного] лика
Для меня развалины сердца внушают зависть тихому переулку сегодня ночью;
Когда при его прибытии разбрасывали деньги, положила я монетку на ладонь [на счастье],
Потому что для того солнца жилищем служит обитель души моей сегодня ночью;
Не требуй от меня теперь тонкости изъяснения,
От радости соединения с ним, любимым, перо мое косноязычно сегодня ночью;
Еще удивительнее, что возлюбленный у тебя, Мастуре, в объятиях. Так
Отчего же от крови сердца подол твой вызывает зависть розового сада сегодня ночью?¹⁴

Возможно, Мастуре приходилось страдать от вспыльчивого нрава мужа. Незначительная размолвка, и ее горю нет предела: “Посмотри, как обижаешь ты Мастуре!”¹⁵ Ранимость любящего сердца этой женщины, ее способность прощать удивительны:

Хотя от твоей несправедливости потеряла я власть над собой,
Душа и сердце Мастуре [да будут] жертвой за твои сердце и душу!
Пока ты — солнце в моем израненном сердце,
Мне не[ведомы] терпение и покой; [17]
Только не я одна убита любовью к тебе,
Таких, как я, твоих жертв тысяча;
Для нас, как глазная мазь [для раненого ока],
Прах, по которому ступает твоя нога!¹⁶

Мастуре оставалась любимой женой князя вплоть до его, преждевременной кончины 1-го раби' ал-аввала 1200/9 июля 1834 г. Он умер от болезни печени в возрасте около тридцати лет, за что и получил прозвище Накам (перс, “несчастливый”, “не насладившийся жизнью”¹⁷). Мастуре “не знала покоя и сна, ухаживая за больным”, и была безутешна в горе, которое она излила в многочисленных стихах и элегии на смерть Хусрав-хана:

Не знаю, как оба глаза мои взрыдали от горя,
Если его молодость подоает оплакать [самой] смерти!¹⁸

Новому князю, старшему сыну Хусрав-хана и Хуси Джихан-ханум Риза-Кули-хану, было всего одиннадцать лет, и бразды правления безраздельно забрала в свои руки Хусн Джихан, двадцать первая дочь Фатх 'Али-шаха от его сорок третьей жены. В Сенендеджском Курдистане она получила известность под именем Валийе-ханум (“госпожа правительница”), или Валийе. Около семи лет она правила Курдистаном, но чем старше становился сын, тем больше возникало в семье разногласий. Вскоре умер Фатх 'Али-шах, и в 1207/ 1841 г. Риза-Кули-хан добился “от обители царствования” своего назначения “правителем и полновластным владетелем” Арделана¹⁹.

Отстраненная от власти Валийе не примирилась и всячески старалась очернить сына в глазах “столпов державы”, прибегая к интригам, подкупу и клевете, пока в 1263/1847 г. стараниями своей матери Риза-Кули-хан не оказался в тюрьме. Правителем Арделана назначили грузина Хусрав-хана (Хусрав-хана Гурджи²⁰), прославившегося своей жестокостью еще в бытность губернатором Гиляна и Исфахана²¹. Такова [22] канва основных событий 1834—1847 гг. Как в это время складывалась судьба Мастуре? Хроника на этот счет не содержит ни малейшего намека или указания. Мастуре ни словом не обмолвилась о своей жизни вплоть до упоминания об отъезде в Бабан, о Валийе

отзывалась с неизменным уважением, отдавая должное ее уму, проницательности и искусственности в делах — “уже в начале дела она предвидела его исход”^{УУ}. Единственный раз Мастуре позволила себе назвать действия Валиие интригами, то есть так, как они того заслуживали в действительности. О Риза-Кули-хане тоже рассказано с большим тактом, даже с попытками оправдать молодого князя, нередко терявшего самообладание. Лишь в одном месте Мастуре, по-видимому, не в силах удержаться, рассказывая о том, как обманутый Хусрав-ханом Риза-Кули-хан оказался в Тегеране под арестом. Она восклицает: “Воистину и не стыдно льву за [свой высокий] род!”^{УУ}.

Однако при внимательном прочтении этих страниц хроники можно почувствовать незаметную на первый взгляд сдержанность автора, отсутствие обычных в таких случаях благопожеланий в адрес Валиие и Риза-Кули-хана. В хронике отсутствует перечисление их “достоинств и добродетелей”, трафаретный, но обязательный список которых прилагается при описании правления почти всех остальных арделанских властителей прошлого.

Все они могущественны, как легендарный царь Джамшид, великодушны, как прославившийся своей щедростью Хатим-Тай, и справедливы, как Хусрав Ануширван.

В главах книги, посвященных сумбурному и смутному времени правления Валиие и ее старшего сына, даже упоминается об актах несправедливости и неоправданной жестокости^{УУ}. Мастуре явно не симпатизирует ни Риза-Кули-хану, ни его родительнице, ни их ожесточенной грызне за власть.

В какой-то степени положение Мастуре в этот период времени нам помогает представить одно ее стихотворение, написанное явно после смерти мужа и до отъезда в Бабан:

Я женщина, что избрана главой в царстве целомудрия,
Из племени затворниц в [наш] век нет мне равной;
Под чадрой у нас голова, достойная короны,
Однако что [от того за] польза, если коловратная [судьба] так меня принизила;
Мне стыдно теперь очень за царство Соломона,
Потому что печатке, вправленной в мой перстень, подвластна [целая] страна скромности
С десят[ками] женщин в [ней]. Хвала и благодарение Богу,
Мне подобает сказать, что я — гордость [своего] времени; [УУ]
Мне стыдно за корону и трон Джама и Кай-[Кауса],
однако [Ваша покорная] служанка лишена всего [и стоит] у порога вилайета^{УУ}.

В стихотворении необычные, характерные для персоязычной поэзии и историографии жалобы на не знающий сострадания рок, хотя “коловратная судьба” упоминается. Мастуре унижена, по всей видимости, конкретными людьми, которые поставили ее “у порога вилайета”. И поступили так с нею не кто иные, как Валиие и пасынок Мастуре Риза-Кули-хан. Она продолжала жить при княжеском дворе. Во всяком случае, когда по приказу шаха Хусрав-хан Гурджи схватил Риза-Кули-хана и отослал в Тегеран, а княжеские обозы и домочадцы “знатными людьми Арделанского вилайета” были отправлены в Мариван, Мастуре находилась среди тех беженцев, насчитывавших тысячу человек^{УУ}. Среди сопровождающих обозы был дядя Мастуре Мирза 'Абдаллах *муниш-баши*, составитель антологии *Тазкире-йи Хадике-йи Аманаллахи* и дополнения к *Та'рих-и Ардалан*.

Держали путь через Авроман в Сулейманию, столицу Бабанского княжества, которое переживало последние годы своего существования. Именно там, у своих соперников Бабанов, члены княжеской семьи рассчитывали найти надежное укрытие и пристанище. Шли, “отчаявшись в жизни”, и таким трудным путем, “что, пролети там орел небесный, [и] у него бы осыпались перья, а пройди там быстрый месяц [с] небосвода, и тот бы упал в самую преисподнюю”^{УУ}. Разный прием они встречали по дороге. Авроманский султан

оказал гостеприимство и “подобающим образом исполнил обычаи племени курдов”. Родной же брат Риза-Кули-хана, младший сын Валие, поспешил в Авроман, чтобы захватить беженцев и свести счета с родственниками ⁴⁴.

После злключения трудного пути беженцы прибыли в одну из деревень Шахризур и там остановились. Мирза 'Абдаллах и еще один представитель арделанской знати выехали в Сулейманию и были приняты бабанским пашой “с подобающим уважением и почетом”. Всех беженцев расселили по деревням Шахризур, Мастуре же вместе с дядей нашла пристанище в доме своего двоюродного брата Хусайн-Кули-хана, который выехал в Сулейманию из Арделана задолго до этих событий и “проживал там в полном почете” ⁴⁴.

“При нем (Хусайн-Кули-хане.— Е. В.) мы жили в радости”,— пишет Мастуре. Наконец, казалось бы, после [20] приниженности существования бездетной вдовы при княжеском дворе обрела она душевную теплоту, участие и понимание близкого ей человека, после трудных скитаний — желанный покой и возможность работать, продолжить написание своей хроники. Но благополучие оказалось недолгим. ° зи-л-хидж-жа ۱۲۶۳/۱۴ ноября ۱۸۴۷ г. после непродолжительной болезни скончался Хусайн-Кули-хан, и на странице хроники появляется первая и последняя жалоба на одиночество: “Со смертью его надорвалась [от рыданий] грудь, а глаза наполнились слезами. Я, Мастуре, тоже одинока в разлуке с тем дорогим” ⁴⁴.

Через несколько дней слегла и Мастуре: “Два-три дня уже душа и тело в огне из-за болезни”. Недомогание затянулось, и Мах Шараф-ханум не суждено было поправиться. В мухарраме ۱۲۶۴/декабре ۱۸۴۷ г. на сорок четвертом лунном году жизни, или в возрасте сорока двух солнечных лет, поэтесса скончалась “вдали от друзей и родных мест” ⁴⁴. Похоронена Мастуре на кладбище Гирди Сайван ⁴⁴, где покоится прах большинства известных курдских поэтов XIX столетия.

Перу Мах Шараф-ханум принадлежит не только *Ta'rix-i Arđalan*, одно из интереснейших произведений арделанской историографии. По сведениям, которыми располагал издатель хроники Насир Азадпур, ею было написано сочинение о верованиях и шариате, рукопись которого, однако, ему найти не удалось ⁴⁴. Но наибольшую известность Мастуре получила как автор изящных, отмеченных тонким вкусом, мастерством и истинным талантом поэтических произведений: касыд, газелей, кит'а, руба'и, элегий и маснави.

В первой половине XIX в. в Арделанском и Бабанском княжествах, Южном и Восточном Курдистане, наблюдается невиданный доселе расцвет литературы. В антологиях XIX в. встречается целый ряд имен поэтов — современников Мастуре, живших и творивших в Арделане: Мирза Муртаза Афсар ⁴⁴ Курдистани (умер в ۱۲۶۲/۱۸۴۵-۴۶ г.) ⁴⁴, Асадаллах-бек Амир-и Синне Ардалани (умер в ۱۲۶۲ г. х.) ⁴⁴, Акбар-бек Курдистани ⁴⁴, Мирза 'Абдалбаки Шийда-йи Курдистани (умер в ۱۲۴۴/۱۸۲۸-۲۹ г.) ⁴⁴, двоюродный брат Мастуре [26] Хусайн Кули-хан, или Хави Санандаджи, который, по словам Риза-Кули-хана Хидайата, “был силен в стихах и в прозе и весьма красноречив” ⁴⁴.

На этот же исторический период приходится жизнь и творчество трех великих курдских поэтов, уроженцев Южно го Курдистана: 'Абдаррахман-бека Салима (۱۸۰۵—۱۸۶۹) Мустафа-бека Курди (۱۸۱۲—۱۸۵۰) и Мулла Хизра Нали (۱۸۰۰—۱۸۵۶), названных автором очерка истории современной курдской литературы Маруфом Хазнадаром основоположниками поэзии на южном диалекте курдского языка, официальном языке Бабанского эмирата ⁴⁴. Нали, по всей видимости, был знаком с Мастуре и посвятил ей большую касыду, в которой отдавал должное ее таланту и обаянию ⁴⁴.

Диван стихов Маіх Шараф-ханум Курдистани насчитывал, по свидетельству автора *Хадике-йи Насирийе*, около двадцати тысяч бейтов ⁴². По сведениям Насира Азадпура, основанным на сочинении под названием *Тухфе-йи Насирийе*, которое, по словам издателя *Та'рих-и Ардалан*, “служит еще одним источником по истории Курдистана”, диван стихов Мастуре не превышал десяти тысяч бейтов ⁴³. Большая часть стихов поэтессы написана на горанийском ⁴⁴ диалекте курдского языка. На горани, названном В. Ф. Минорским придворным языком династии Бани Ардалан ⁴⁵, развивалась богатая литература и писали такие известные курдские поэты как Хане Кубади (1700—1709) и современник Мастуре Мулла 'Абдаррахим Тайджузи, известный под литературными псевдонимами Ма'дум или Маулави (1807—1882) ⁴⁶.

Йахйя Ма'рифат еще в молодости занялся собиранием стихов курдских поэтов и вскоре убедился, что “по беззаботности” “большая часть их творений предана забвению” и в памяти не осталось ничего, кроме небольших отрывков, [передаваемых] из уст в уста” ⁴⁷. В результате кропотливых изысканий Йахйе Ма'рифату удалось обнаружить часть произведений этих “курдских самородков”. Усилиями ученого был собран диван маснави на персидском и курдском языках Мулла 'Абдаррахима Тайджузи и диван газелей Нали ⁴⁸. Занимаясь творчеством этих поэтов, изучая многочисленные [27] хроники и антологии, Йахйя Ма'рифат познакомился с несколькими стихотворениями Мастуре, мало кому к тому времени известной поэтессы, и был поражен их изысканностью и красотой. Восхищение стихами побудило его заняться поисками биографических данных и сбором произведений.

Йахйе Ма'рифату принадлежит честь быть первооткрывателем поэтического наследия Мастуре. “Насколько [это] было в моих силах,— писал он,— я возродил имя этой курдской поэтессы и присоединил к [другим] прославленным [именам]” ⁴⁹

Личность Мастуре, ее творчество вызвали изумленное восхищение современников Йахйи Ма'рифата. Около ста лет тому назад, по словам автора послесловия к изданию Дивана Абу-л-Бака Му'тамади Курдистани, когда грамотность женщин воспринималась как большой грех, появление такой женщины, как Мастуре, с талантом и светлым умом воспринималось как чудо ⁵⁰.

Издание дивана стихов Мастуре получило широкий общественный резонанс в Иранском Курдистане. Именем Мастуре в 1927 г. была названа первая в Арделане школа для девочек. Губернатор Курдистана предложил основательнице этой школы Марйам Ардалан (1893—1967), чтобы школа носила ее имя. Марйам Ардалан, талантливый педагог, много сделавшая для обучения курдских девушек и женщин, отказалась и назвала школу именем Мастуре Ардалан, “чтобы все знали: если кто обладает талантом, совершенством и познаниями, то и через сто лет после его смерти его таланты и совершенства сделают бессмертным его имя” ⁵¹.

Через двадцать лет к творчеству Мах Шараф-ханум обратился Насир Азадпур, издатель ее исторического труда, написанного, по его словам, с совершенством ясности и изящества стиля, с легкостью приятной и чарующей во времена, когда в азиатской среде обучение и образование женщин даже казалось бессмысленным. В мусульманском обществе, заключает ученый, появление такой образованной женщины, как Мастуре, было в диковинку. И это “само по себе придаст книге особую ценность и значимость” ⁵².

Историки и литературоведы, писавшие о Мастуре, как ее современники, так и те, что жили во второй половине XIX и в XX в., были единомышленны, отдавая должное ее литературному таланту, и воспринимали личность и творчество этой женщины как чудо.

По словам Мирза 'Али Акбар-хана [٢٨] Садик ал-Мулка, Мастуре “заслужила того, чтобы ее имя историки мира запечатали на страницах своих хроник” [٢٩].

Мах Шараф-ханум признавала собственную исключительность и оценивала свои сочинения, по-видимому, достаточно высоко. В газели, перевод которой приведен нами выше [١٤] она называет себя единственной женщиной своего времени “из племени затворниц в [наш] век нет мне равных” [١٥]. Мах Шараф-ханум и в хронике чужд самоуничижительный то характерный для персидских историографов. Этой женщине присуще врожденное чувство собственного достоинства, которое не смогли растоптать пережитые ею горести и невзгоды.

Имя Мах Шараф-ханум Курдистани по праву занимает достойное место среди имен прославленных поэтов и хронистов, украшающих историю культуры курдского народа, и огромная заслуга в том, что ее творчество не стало “жертвой брэнности” и “не было предано забвению”, принадлежит курдским ученым и просветителям Йахйе Ма'рифату, Асадаллах-хану Курдистани, Абу-л-Бака Му'тамади Курдистани и Насиру Азадпуру.

ХРОНИКА МАХ ШАРАФ-ХАНУМ КУРДИСТАНИ

Хроника Мах Шараф-ханум Курдистани, по-видимому, условно при издании была названа *Ta'рих-и Ардалан* (“История Арделана”), хотя, по существу, в сочинении описывается не столько история области Арделан, сколько правление княжеского дома Бани Ардалан. В тексте название не встречается, неизвестно оно было и Йахйе Ма'рифату, упоминавшему сочинение как “книгу по истории Курдистана с описанием жизни и правления *валиев* Арделана с основания этой династии до времени автора...” [١٦].

В описанных рукописных собраниях труд Мах Шараф-ханум Курдистани не представлен ни одной рукописью. В конце ٢٠-х годов Р. Леско на страницах журнала “Bulletin d'Etudes orientales” сообщил о существовании списка хроники Мах Шараф-ханум в библиотеке доктора Са'ид-хана в Тегеране (рукопись датирована ١٣٣٩/١٩٢٠-٢١ г.) [١٧]. Ценная рукопись *Ta'рих-и Ардалан* (которая, возможно, представляла собою автограф) принадлежала В. Ф. Минорскому, но была им утрачена [١٨]. В Курдистане в частных коллекциях [٢٩] существуют другие списки этого сочинения, которые ждут исследования.

Когда Мах Шараф-ханум начала писать свой труд, по изданному тексту хроники установить невозможно, хотя в первом разделе, посвященном происхождению рода Бани Ардалан, текущим годом называется ١٢٦٢/١٨٤٥-٤٦ г. [١٩]. Заключить из этого, что работа над книгой началась в названном году, не позволяют следующие обстоятельства.

Во-первых, по сведениям, которыми располагал Насир Азадпур, первоначально автором было задумано описать правление лишь трех представителей семейства Бани Ардалан: Аманаллах-хана, Хусрав-хана и Риза-Кули-хана, которые были ее современниками, или начать изложение истории Бани Ардалан с того, на чем остановился Мухаммад Шариф *Кази*. По словам Насира Азадпура, Мах Шараф-ханум взялась “за завершение истории Арделана” [٢٠], но впоследствии от такого плана отказалась. По всей вероятности, именно таким образом следует понимать и слова самой сочинительницы о намерении “завершить подробное изложение [прежних историков]” [٢١]. Следовательно, первыми были написаны главы хроники, посвященные Аманаллах-хану и Хусрав-хану.

Во-вторых, из авторского вступления можно понять, что оно составлено после смерти отца Мастуре Абу-л-Хасан-бека и деда Мухаммад-ака [٢٢], но при жизни мужа Хусрав-хана Накама, т. е. до ١٢٥٠/١٨٣٤-٣٥ г.: “[Ваша] покорная служанка теперь украсила стан

[своих] дарований убранством родства с той высокой династией, а гордые плечи и грудь — нарядом соединения с тем прославленным семейством...”¹¹³. Подтверждением того, что Мах Шараф-ханум начала свой исторический труд при жизни мужа, служит существование тегеранской рукописи, на основании которой годом написания сочинения Р. Леско назвал ۱۲۴۷/۱۸۳۱-۳۲ г.¹¹⁴.

Расхождение в датах, указанных в тегеранской рукописи и в изданном тексте, объяснимо существованием по крайней мере двух авторских редакций сочинения. Изданная Насиром Азадпуром книга Мах Шараф-ханум, по всей вероятности, основана на более поздней авторской редакции.

В главе “О правлении Сурхаб-бека и событиях, [что] случились [в его время]” на двадцатой странице книги текущим [۳۰] назван ۱۲۴۲/۱۸۲۶-۲۷ г. Как ни соблазнительно, памятуя о том, что Мастуре стала женой Хусрав-хана в конце ۱۲۴۱ или в начале ۱۲۴۲ г. х., и сопоставив эти даты с тем, что сказано во вступлении, заключить, что написание указанной главы падает на ۱۲۴۲ г. х., от такого предположения приходится отказаться. Девятнадцать страницами ниже, в разделе “О правлении Хан Ахмад-хана, сына Халу-хана, и коротко о доблести того властелина-миропокорителя”, текущим годом снова назван ۱۲۶۲ г. х.¹¹⁵. Поэтому появление в хронике ۱۲۴۲ г. х. как текущего можно объяснить либо допущенной при издании книги опечаткой (хотя в списке опечаток это место не указано), либо ошибкой переписчика рукописи, по которой готовился текст. Наконец, эта дата может указывать на время составления предварительных записей автора.

Последний раз текущий год, тоже ۱۲۶۲ г. х., упомянут в одной из заключительных глав хроники при описании правления Риза-Кули-хана¹¹⁶. В той авторской редакции, которая представлена изданием, разделы книги, посвященные Аманаллах-хану II, второму правлению Риза-Кули-хана и Хусрав-хану Гурджи, написаны в ۱۲۶۳/۱۸۴۶-۴۷ г. в Сулеймании, поскольку, упоминая о составленной Хусайн-Кули-ханом хронограмме насмерть Мирза'Абдалмаджида, Мах Шараф-ханум на странице ۱۹۱ книги называет своего двоюродного брата покойным. ۴ зи-л-хиджжа ۱۲۶۳/۱۳ ноября ۱۸۴۷ г., время начала его болезни, — последняя дата на последней странице хроники. Следовательно, Мах Шараф-ханум писала свою книгу до конца ноября — начала декабря ۱۸۴۷ г. Смерть помешала ей завершить сочинение, рассказ обрывается обращением больной сочинительницы к Богу. “Что же до написания и завершения этой книги, — писал Мирза 'Абдаллах Санандаджи в своем „Дополнении к книге“, — то на устах ее остались речи недосказанные, прерывистые и невнятные”¹¹⁷.

Хроника Мах Шараф-ханум Курдистани, как и рукопись труда ее предшественника Хусрава ибн Мухаммада Бани Ардалана, не начинается с оглавления или плана сочинения, как было принято в персидской исторической литературе. В ней также отсутствует довольно сложная система деления текста на разделы, главы, части, параграфы и т. д., которая наличествует, например, в *Шараф-наме* Шараф-хана Бидлиси.

Книга содержит пятьдесят авторских заголовков, предваряющих описание правления арделанских эмиров.

۱. О происхождении [рода] Баба Ардалан.

۲. Правление Баба Ардалана.

۳. Правление Кулула Бани Ардалана. [۳۱]

- ξ. Властвование Хизра, сына Кулула.
- ο. Правление Илйаса, сына Хизра.
- Ϛ. О Хизре II, сыне Илйаса.
- ϛ. О господстве Хасана, сына Хизра II.
- λ. О правосудии Баблула, сына Хасана.
- ϝ. Предание о могуществе Мунзира ибн Баблула.
- ϟ. О правлении Ма'мун-бека ибн Мунзира.
- Ϡ. О независимости Биге-бека.
- ϡ. О правлении Ма'мун-бека II.
- ϣ. О правлении Сурхаб-бека и [о том], что с ним происходило.
- Ϥ. Правление Султан 'Али-бека, сына Сурхаб-бека.
- ϥ. Правление Басат-бека, сына Сурхаб-бека.
- ϧ. Тимур-хан ибн Султан 'Али.
- Ϩ. Халу-хан.
- ϩ. О правлении Хан Ахмад-хана, сына Халу-хана, и коротко о доблести того властелина-миропокорителя.
- ϫ. Сулайман-хан ибн Мир 'Аламаддин-хан ибн Тимур-хан и неполное описание того эмира достохвальных устоев.
- Ϭ. Калб 'Али-хан ибн Сулайман-хан.
- ϭ. О правлении Хан Ахмад-хана II и [о том, как была] утрачена власть по неопытности и незнанию.
- Ϯ. Хусрав-хан ибн Сулайман-хан.
- ϯ. Правление Тимур-хана Аджарлу в вилайете Курдистана.
- ϰ. Хан Ахмад-хан II (во второй раз).
- ϱ. О правлении Мухаммад-хана ибн Хусрав-хана и о сражении его с армией Бабана.
- ϲ. Правление Мухаммад-хана Гурджи в Сенендедже.
- ϳ. Правление Хасан 'Али-хана, сына Мухаммада Му'мин-хана И'тимад ад-Дауле.
- ϴ. О правлении Хусайн 'Али-хана, другого сына И'тимад ад-Дауле.

٢٩. 'Аббас-Кули-хан.
٣٠. 'Али-Кули-хан.
٣١. 'Аббас-Кули-хан (во второй раз).
٣٢. Субхан-Вирди-хан.
٣٣. Правление Мустафа-хана.
٣٤. Хан Ахмад-хан II.
٣٥. Правление Маула-Вирди-хана.
٣٦. Хасан 'Али-хан ибн 'Аббас-Кули-хан.
٣٧. Правление Мухаммада Риза-бека Гурджи.
٣٨. Правление Субхан-Вирди-хана (в восьмой раз).
٣٩. Хасан 'Али-хан.
٤٠. Правление Карим-хана б. 'Аббас-Кули-хана.
٤١. Хусрав-хан II.
٤٢. Хусрав-хан II (во второй раз).
٤٣. Лутф 'Али-хан ибн Субхан-Вирди-хан. [٣٢]
٤٤. Хасан 'Али-хан.
٤٥. Аманаллах-хан.
٤٦. Хусрав-хан III.
٤٧. Риза-Кули-хан.
٤٨. Аманаллах-хан II.
٤٩. Риза-Кули-хан (во второй раз).
٥٠. Хусрав-хан Армани.

Приведенные авторские заголовки отличаются от оглавления в книге Хусрава ибн Мухаммада Бани Ардалана большей краткостью, однако при всем своем лаконизме позволяют заметить, что в целом (хотя и недостаточно последовательно) Мах Шарафханум приняла введенное ее предшественником разделение правителей Арделана на законных властителей из рода Бани Ардалан и на тех, кто не принадлежал к этому семейству. Правление Бани Ардалан в обеих хрониках называется не иначе, как *хукумат*, *имарат*, *рийасат*, *айалат*, *сар вари* и даже *джиханбани* (перс, “миродержание”). Не Бани Ардалан Тимур-хан — аджарец, Мухаммад Риза-бек — грузин и другие для Мастуре и

Хусрава ибн Мухаммада всего лишь *забиты* ¹¹⁸. Тем самым историки подчеркивали временный и незаконный характер власти этих “чужаков” ¹¹⁹.

Книга Мастуре начинается с традиционного для средневековой персидской историографии восхваления Аллаха и пророка Мухаммада. Вместо посвящения или славословия царствующему монарху или эмиру Арделана автор упоминает причины, побудившие ее взяться за перо: “Эта несчастная бедняжка Мастуре, благородная дочь покойного Абу-л-Хасан-бека и добропорядочная внучка покойного Мухаммад-ака Курдистани... я довожу до сведения красноречивых мудрецов и искусных знатоков... теперь я украсила стан [своих] дарований убранством родства с той высокой династией... [Всей своей] пламенной натурой и придирчивым умом осознала я необходимость завершить подробное изложение [прежних историков] и взялась за написание этих нескольких строк” ¹²⁰.

Таким образом, по словам самой сочинительницы хроники, став женой князя, она считала своим долгом продолжить начатое первыми арделанскими историографами описание истории дома Бани Ардалан. Хроника Мах Шараф-ханум, как и сочинения ее предшественников Мулла Мухаммад Шарифа и Хусрава ибн Мухаммада, нацелена на укрепление идеологических позиций дома Бани Ардалан и пронизана острым чувством ностальгии по минувшим временам независимого “царствования” первых правителей княжеской фамилии. [33]

Все сочинение Мах Шараф-ханум Курдистани с точки зрения тех материалов, которые послужили автору источниками при его написании, можно разделить на две примерно равные части. Первая часть, охватывающая сорок глав хроники, написана с привлечением нарративных источников, из которых в первую очередь следует упомянуть *Шараф-наме* Шараф-хана Бидлиси, хотя Мастуре ни разу на это сочинение не ссылается. Из *Шараф-наме* заимствованы приведенная в главе “О происхождении [рода] Баба Ардалан” версии о происхождении курдских племен и разделение всех курдов на четыре *таифе*. В сочинении Мах Шараф-ханум это разделение претерпевает те же изменения, что и в труде Хусрава ибн Мухаммада: первым и величайшим (вместо племени калхур в *Шараф-наме*) назван *иль* Бани Ардалан, “который от остальных курдских *таифе* отличается благонравием и благородством...” ¹²¹. Бани Ардалан, под которыми оба автора в данном случае, по-видимому, понимали всех арделанских курдов, отличая их от курманджей, горанов и луров, оказались возведенными, таким образом, в разряд четырех основных групп курдских племен.

Кроме *Шараф-наме* Шараф-хана Бидлиси Мах Шараф-ханум использовала в качестве первоисточников хроники Мулла Мухаммад Шарифа и Хусрава ибн Мухаммада, и первые шестнадцать глав основаны на трудах этих трех историографов. Последующие двадцать четыре раздела, включая главу о правлении деда Хусрав-хана Накама Хусрав-хана, написаны главным образом на основании сочинений Мулла Мухаммад Шарифа и Хусрава ибн Мухаммада.

Мах Шараф-ханум иногда ссылается на этих авторов ¹²², однако чаще не называет источники, а в отдельных случаях ограничивается неопределенными указаниями, как-то: “писали также, что...”, “прославленные [историки] рассказывают...”; “историки [так] написали...” ¹²³. Из этого можно заключить, что Мастуре обращалась и к другим произведениям арделанской и иранской историографии, однако исторические сочинения, послужившие ей первоисточниками, несомненно, сводятся к трем: *Шараф-наме* Шараф-хана Бидлиси и хроники Мулла Мухаммад Шарифа и Хусрава ибн Мухаммада.

Характер заимствований в книге Мах Шараф-ханум и степень зависимости ее книги от названных источников можно представить при детальном сопоставлении текстов сочинений. В качестве примера приведем отрывки из трех хроник. В первом случае речь идет о правлении основоположника [34] династии Бани Ардалан — Баба Ардалана, и Мах Шараф-ханум предваряет свой рассказ ссылкой на Мулла Мухаммад Шарифа и Хусрава ибн Мухаммада.

“Их дед Баба Ардалан принадлежит к внукам Мухаммада б. Марвана,— рассказывает Мулла Мухаммад Шариф, — Баба Ардалан поселился в местечке Паланган, что служило местом обитания горанов мир-зийаддини. По приказу эмира Тимура Гургана он управлял Шахризуром до самой смерти” 124.

“...А начало их правления,— читаем мы в хронике Хусрава ибн Мухаммада,— приходится на время царствования Чингиз-хана. Подробности этих кратких [сообщений] таковы. Долгое время они были полновластными падишахами в Диарбекире, Мосуле и в тех пределах. Волнения эпох и превратности месяцев и лет побудили их покинуть *или* и *таифе*, судьба и божественное предопределение привели их в земли Шахризур, и после независимого управления тем местом они прибыли оттуда в Паланган. Некоторое время они были правителями среди горанов, а в конце правления Чингиз-хана снова завладели Коем, Хариром, Шахризуром и Бабаном” 125.

“...Начало власти и правления этой прославленной семьи, — начинает свой рассказ Мах Шараф-ханум Курдистани,— [приходится] на время царствования Чингиз-хана. [Находились они] в Мосуле и Диарбекире и тех пределах. Из-за превратностей времени и бедствий, [ниспосланных] Небом, Баба Ардалан покинул [свои] род и племя и направился в Шахризур... стал в той стране независимым властелином. Еще [через] некоторое время он прибыл в окрестности Палангана. и в том месте, что служило пристанищем племени горан, он обрел покой и стал управлять им. В конце царствования Чингиз[-хана]... [Баба Ардалан] снова завладел Коем, Хариром, Шахризуром и Бабаном” 126.

Как видно из приведенных отрывков, хотя Мах Шараф-ханум ссылается на обоих хронистов, ее рассказ ближе к повествованию Хусрава ибн Мухаммада. Достаточно показателен и второй пример сопоставления текстов этих сочинений, где говорится о событиях времени правления Сулайман-хана (1638-39—1607-08).

Зубдат ат-таварих-и Санандаджи, л. 1906:

“[Сулайман-хан] очистил крепость Хасанабад и Паланган от населения и разрушил, а в Сенендедже заложил основу [35] обитания: построил там мечети, базар и дворец. Поньше Сенендедж — резиденция правителей и *вали* Арделана... Султан Мурад... в то время осадил крепость Багдада и за короткое время ее захватил, направил Хусрав-пашу с войском, и во владение рода 'Усмана перешли Шахризур, Шахрбазар, Карадаг, Кызылдже, Саруджик и относящиеся к ним районы... С того времени Шахризур и относящиеся [к нему] районы были утрачены правителями Арделана, и Сулайман-хан уже на них не посягал, удовольствовавшись вилайетом Арделана, как-то: Саккызом, Бане, Мариваном, Авроманом, Джаванрудом и [покорностью] джафского племени”.

Хроника Хусрава ибн Мухаммада, л. 326—327а:

“[Сулайман-хан] разрушил крепости Залм, Хасанабад и Паланган, утвердил Сенендедж столицей области и [резиденцией] правителя, заложил цитадель, дворец, бани, мечети и базары и закончил их [строительство]... Тем временем повелитель Рума султан Мурад-хан

вместе с отрядами армий той страны прибыл с намерением возвратить Обитель мира — Багдад, отобрал [город] у Ирана, присоединил к Румской державе и послал на Иран великого везира Хусрав-пашу с неисчислимыми войсками. [Хусрав-паша]... завладел Шахри-зуром, Кызылдже, Карадагом и Шахрбазаром”.

Та'рих-и Ардалан, с. ٥٠—٥٢:

“[Сулайман-хан] разрушил крепости Залм, Хасанабад и Паланган и в Сенендедже, который в те времена был деревней... воздвиг дворец и построил мечети и медресе, пока постепенно [Сенендедж] не стал городом. И с того времени поныне он является столицей высокодостойных *вали*... Султан Мурад... выступил с намерением завоевать и покорить Багдад и отобрал у Ирана ту цитадель... Затем он поручил великому везиру Хусрав-паше с неисчислимыми войсками завоевать те крепости и местности, которые в правление Хан Ахмад-хана были присоединены к его владениям... [Хусрав-паша] завладел вилайетами Залм, Шахризур, Карадаг, Шахрбазар и Другими. С того времени и поныне упомянутые области входят во владения Румской державы”.

Историки рассказывают об одном из поворотных моментов в истории Юго-Восточного Курдистана, об уменьшении владений дома Бани Ардалан почти вдвое. В утраченных ими областях, по-видимому, именно в это время утверждается другой могущественный курдский княжеский род, Бабан ¹²⁴, и Арделанское княжество уже никогда не достигнет [125] былых размеров. Сопоставление приведенных отрывков свидетельствует, что рассказ Мах Шараф-ханум основан более на *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи*, нежели на хронике Хусрава ибн Мухаммада.

Для характера заимствований Мах Шараф-ханум Курдистани особенно показателен третий пример сопоставления текстов сочинений, где речь идет об организованной Хусрав ханом обороне крепости Хасанабад, осажденной Азад-ханом Афганом.

Хроника Хусрава ибн *Та'рих-и Ардалан*, с. ١٠٨
Мухаммеда, л. ٥٦٨—٥٦٦

[Хусрав-хан] послал к нему личного стремянного Мухаммад-ака... повелел ему передать: “Если ты пробудешь здесь год и будешь занят осадой крепости, если весь обратишься в огонь и сожжешь [даже] себя, если поднимешь все ветры, [и тогда] не сможешь разжечь [в крепости] пламя и [даже] единую искорку; если обратишь все в прах, [и то] до крепости не достанешь; если обратишь все в воду, и то не сможешь эту крепость окружить. Лучше сразу отказаться от всего... [чем]	Из сочиненной Хусрав-беком хроники выясняется, что Мухаммад-ака... по приказу Хусрав-хана ездил посредником в лагерь Азад-хана и с их слов Азад-хану сказал “Хан изволил [передать]: пребывание ваше у подножия горы бесполезно, а твое старание и сопротивление тогда бессмысленны, несмотря на многочисленное войско. Пока я жив и могу двигаться, крепость завоевать не удастся и дело ваше не продвинется. Поэтому лучше тебе больше не затруднять себя и не мучить тех мусульман, которых вокруг
---	---

стать скитальцем в долине себя собрал. [Если же ты] бедствий и чужим в любой останешься стоять возле стране. Итак, какой смысл крепости, [это] в конце выполнять дело никчемное, концов принесет тебе неуместное и бесчестье. Одумайся и уходи неосуществимое? восвояси. Эта просьба обречена на неуспех, лишь причинит вам [одно] беспокойство

Сопоставление этих отрывков позволяет заметить отсутствие текстуального тождества при наличии определенной сюжетной тождественности. Даже в тех случаях, когда Мах Шараф-ханум предваряет свое повествование ссылкой на первоисточник, она рассказывает своими словами и использует свои литературные образы.

Та'рих-и Ардалан существенно отличается от трудов предшествующих арделанских хронистов и тем, что сочинительница вплотную подошла к критическому восприятию исторического источника. Если Хусрав ибн Мухаммад совершенно не обращал внимания даже на несогласование страниц, написанных со слов другого историографа, с его собственными ¹¹⁴, то Мах Шараф-ханум по возможности стремилась проверить сведения одного первоисточника по другим ^[115] сочинениям и в ряде случаев указывает, чему отдает предпочтение: “У меня больше доверия к первому рассказу. Почему?..” ¹¹⁶. И хотя сомнения в достоверности тех или иных сведений выражены в хронике с большим тактом, позиция Мах Шараф-ханум заметно контрастирует с наивной верой во все написанное, свойственной ее предшественникам.

Критерием оценки сообщаемых в источниках сведений для историка служили местная устная традиция и семейные предания. Такие предания, значительная часть которых была известна лишь узкому кругу семейства Бани Ардалан, Мах Шараф-ханум услышала, в частности, от своего мужа Хусрав-хана Накама: “Он иногда вспоминал о своем детстве, о [том, как] семья *вали* останавливалась в Хамадане, рассказывал [семейные] предания” ¹¹⁷.

Устная местная традиция, предания и сказы до появления хроник арделанских историографов были главными хранителями исторического прошлого и послужили источником первостепенной важности при написании этих сочинений. При этом первоначальные версии зачастую подвергались, замене и сознательному пересмотру. Достаточно показателен пример с описанием участия арделанского князя Хан Ахмад-хана б. Халу-хана (1020/1116—1048/1138-39) в завоевании Багдада. В книге Мухаммад Шарифа *Кази* мы находим лишь краткое упоминание, что во время покорения Багдадской крепости войсками шаха 'Аббаса Хан Ахмад-хан “воспользовался моментом и завладел областями Шахризура и относящимися к нему районами”, а также Амадией, Керкуком и Мосулом ¹¹⁸. В трудах же Хусрава б. Мухаммада, Мах Шараф-ханум Курдистани и Мирза 'Али Акбар-хана Садик ал-Мулка весьма красочно и подробно описывается завоевание Багдада силами арделанского князя ¹¹⁹.

Мах Шараф-ханум приводит и самостоятельные версии исторической традиции, предваряя в таких случаях свой рассказ оговоркой вроде: “Хотя я не читала в исторических сочинениях, но слышала от достойных доверия...” ¹²⁰. Мастуре сообщает, например, сведения по истории округов Эйлак и Мариван. Согласно *Та'рих-и Ардалан*, сын Ма'мун-бека Сурхаб-бек, в первой половине XVI в. унаследовавший треть отцовских владений, в свою очередь, разделил свои области между сыновьями... “Округ Эйлак он

изволил утвердить за Асламас-беком. Вышеупомянутый построил там высокие [٣٨] дворцы и баню, а деревню Асламас, которая во время написания [этих строк] пребывает в полном благополучии, о застроил и утвердил резиденцией правителей и султанов Эйлака. И племя сулеймани, что ныне по приказу султана проживает в Эйлаке, принадлежит к его потомкам” ١٣٤. О том что округ Эйлак имел свою династию правителей, именованных султанами, и резиденцией им служил Асламас, не сообщает ни Мухаммад Шариф, ни Хусрав ибн Мухаммад.

Любопытен навеянный устной традицией рассказ Мах Шараф-ханум о женитьбе Хан Ахмад-хана б. Халу-хана на сефевидской царевне Заррин Кулах, сестре грозного шаха 'Аббаса I: “Хотя в хрониках подробно не описано, но слышала я от стариков, что после свадьбы Заррин Кулах... уклонялась и отказывалась спать с Хан Ахмад-ханом и [быть его] супругой. Его величество государь... украсил [своим] присутствием зал [с] парадными воротами, призвал в то прекрасное место, что служило обиталищем небес на земле, Заррин Кулах и усадил рядом с собой. Затем последовал приказ через дверцу с площади впустить Хан Ахмад-хана, а через другую дверь [ввести] льва, которого долгие годы шахские охранники держали в оковах, и отпустить” ١٣٥. Храбрость Хан Ахмад-хана, немедленно расправившегося с хищником, настолько покорила царевну, что она “была счастлива стать женой того феникса, [парящего] в зените вознесения” ١٣٦.

Мах Шараф-ханум приводит ценные сведения, связанные с хитросплетениями фамильных родословных. Весьма примечательно сообщение историка о семье *вакилов*, занимавшей временами по своему влиянию второе место после семейства Бани Ардалан: “Говорят, родословная семейства Мухаммада Рашид-бека *вакила* через несколько поколений тоже восходит к Халид-беку, который был эмиром Хушнава. Во время правления Хан Ахмад-хана некоторые из них приехали в Курдистан и постепенно возвысились до должности *вакила*” ١٣٧.

Таким образом, если первые девять глав книги не приносят значительного пополнения сведений по ранней истории рода Бани Ардалан, то последующие разделы первой половины хроники, написанные, как упоминалось выше, с привлечением нарративных первоисточников, содержат немало существенно значимой, новой и параллельной информации самого разнообразного характера — от сообщения о введении Хан Ахмад-ханом особого покроя мужской одежды, [٣٩] названного курди ١٣٨, до упоминания, что развалины арделанской крепости Хасанабад осматривали во времена Аманаллах-хана английский и русский посланники ١٣٩.

Несмотря на наличие ценной исторической информации в первой половине книги Мах Шараф-ханум Курдистани, значение *Ta'rix-i Ardalān* как оригинального источника связано с последними шестью главами сочинения. Для воссоздания истории смутного периода правления последних Бани Ардалан труд Мах Шараф-ханум служит важнейшим и единственным в своем роде первоисточником. Книга написана женщиной талантливой, эрудированной и эмоциональной, женой арделанского князя, свидетельницей и непосредственной участницей многих описываемых событий и дышит страстями и волнениями той эпохи.

Мах Шараф-ханум — не придворный хронист, ожидающий за свой труд богатое вознаграждение или милость повелителя, не равнодушно фиксирующий события бесстрастный наблюдатель. Она стремится запечатлеть, сохранить в памяти, потомков, спасти от забвения исполненные трагизма события последних десятилетий правления дома Бани Ардалан. Красочной кистью художника слова в *Ta'rix-i Ardalān* нарисована яркая картина затянувшейся агонии, которую переживало владычество Бани Ардалан. И

основными источниками; информации при написании этой части книги для Мах Шарафханум служили свидетельства очевидцев и личные наблюдения.

Хроники Мах Шарафханум Курдистани, Хусрава ибн Мухаммада и Мирза 'Али Акбархана Садик ал-Мулка принадлежат к достаточно редкому и самобытному жанру мусульманской историографии — локально-династийным хроникам, представляющим, по мнению исследователя мусульманской исторической литературы Ф. Розенталя, особый интерес ¹⁴⁰. Все три сочинения рисуют прежде всего и главным., образом политическую историю Арделанского княжества, которая находит свое воплощение в основном в “деяниях и свершениях” представителей господствующего класса феодалов. Мах Шарафханум не посвящает ни страницы своей хроники положению трудовых слоев населения, но об этом красноречиво свидетельствуют акты произвола и тирании правителей, многочисленные голодные годы и жестокие эпидемии, которые уносили тысячи жизней. Арделанских хронистов роднит презрительное отношение к низам общества, именуемым “подонками и чернью” ¹⁴¹, сословная спесь, [40] характерная и для автора *Шараф-наме* Шарафхана Бидлиси. Однако ни один из историков Арделана, в том числе и Мах Шарафханум Курдистани, не смог сравниться со своим выдающимся предшественником ни масштабами описания, ни кругозором, ни своими общественно-политическими взглядами. На всем этом у них лежит печать локальной ограниченности.

Хроника Мах Шарафханум Курдистани написана в манере, близкой для средневековой персидской историографии ¹⁴². Однако, хотя в тексте хроники мы встречаемся с Хатим-Таем, на многие века воплотившим в себе для мусульманских историков щедрость и великодушие, с Рустам-и Залом, чье мужество служило эталоном отваги, и с Аврангом, олицетворившим собой красоту, в книге дается характерное для средневековой иранской историографии гиперболизированное описание сражений и битв. Тем не менее традиционные штампы персидского красноречия в *Та'рих-и Ардалан* уступают в значительной мере собственным образам автора. Как материал первоисточников предстает в сочинении Мах Шарафханум не простой компиляцией, а подается в виде параллельного повествования, так и устоявшиеся литературные образы обретают в ее хронике новизну и изысканность.

Для *Та'рих-и Ардалан* и для Хроники Хусрава ибн Мухаммеда характерно обилие арабизмов и цитат из Корана ¹⁴³. Мах Шарафханум часто цитирует стихи, которые имеют непосредственное отношение к описываемым событиям и отражают позицию автора. В *Та'рих-и Ардалан* ¹⁴⁴ стихотворных отрывков, насчитывающих 107 строки, и десять из них принадлежат перу самой сочинительницы ¹⁴⁵. Приведенные в хронике стихи Мастуре представляют особый и самостоятельный интерес, поскольку они не вошли в издание Йахьи Ма'рифата и существенно дополняют поэтическое наследие автора *Та'рих-и Ардалан*.

В книге есть глава, не принадлежащая Мах Шарафханум Курдистани,— весьма ценное дополнение, составленное дядей Мастуре Мирза 'Абдаллахом *мунши-баши* Санандаджи, который известен также как составитель антологии произведений арделанских поэтов под названием *Тазкире-йи Хадике-йи Аманаллахи*, завершенной в 1270 г. х. ¹⁴⁶. “Дополнение к книге” Мирза 'Абдаллаха Санандаджи занимает в [41] издании хроники 12 страниц и доводит описание истории арделанских правителей до джумади-л-аввала 1277/марта 1861 г. По тому, что в 1277 г. х. дважды назван автором текущим ¹⁴⁷ можно заключить, что “Дополнение” написано в 1277/1861 г., т. е. через четыре года после смерти Мах Шарафханум Курдистани. Материалы, содержащиеся в “Дополнении” освещают политическую ситуацию в Арделанском княжестве в 1247—1861 годах.

Публикация перевода *Ta'рих-и Ардалан* вместе с “Дополнением” откроет новые возможности для изучения целого ряда проблем, связанных с исследованием истории Юго-Восточного Курдистана.

Комментарии

¹ Аверьянов, с. ۳.

² Список арделанских хроник насчитывает значительно большее количество сочинений, которые находятся в частных собраниях. Диссертация, защищенная в ۱۹۸۸ г. в Сорбонском университете Парижа уроженцем Арделанского Курдистана 'Абдаллахом Мардухом, вводит в научный оборот имена арделанских историков Исма'ила ибн Мулла Мухаммада Хусейна Ардалани, 'Абдулкадира ибн Рустама ал-Бабани, Мирза Шукруллаха Санандаджи и других, рукописи сочинений которых остаются в частных собраниях. См.: Abdollah Mardukh, с. ۲۶, ۳۴, ۴۰, ۰۲—۰۴.

³ Стори, т. ۱, с. ۴۶۰.

⁴ Хроника Хусрава ибн Мухаммада Бани Ардалана датируется ۱۲۴۹-۱۲۰۰/۱۸۳۳-۳۰ гг., сочинения Мах Шараф-ханум Курдистани и 'Али Акбар-Хана Садик ал-Мулка написаны: первое — в ۱۸۴۷ г. и второе — в ۱۸۹۱-۱۸۹۳ гг.

⁵ Хроника Хусрава ибн Мухаммада, с. ۹۹.

⁶ Browne, ۱۰۳—۱۰۴.

⁷ Хроника Хусрава ибн Мухаммада, с. ۳۴—۴۱.

⁸ См.: Хроника Хусрава ибн Мухаммада, с. ۹—۱۴.

⁹ Стори, т. ۲, с. ۱۱۰۲—۱۱۰۶.

¹۰ *Кар-наме-йи энан-и маишур-и Иран*, с. ۹۰.

¹¹ Там же, с. ۹۶.

¹² *Диван-и Мах Шараф-ханум Курдистани*, с. ۲—۴, ۱۰۰, ۱۰۶.

¹³ *Ta'рих-и Ардалан*, с. “джим”.

¹⁴ Там же, с. “ге”.

¹⁵ Там же, с. ۱۲۶—۱۳۰, ۱۳۴—۱۳۰.

¹⁶ Хроника Мах Шараф-ханум Курдистани использована автором этих строк при подготовке издания труда Хусрава ибн Мухаммада. См.: Хроника Хусрава ибн Мухаммада, с. ۱۶, ۲۰, ۲۲, ۲۶, ۴۳, ۴۴, ۴۶, ۴۷, ۰۹; Васильева. Жизнь и творчество Мах Шараф-ханум Курдистани; она же, О жизни Мах Шараф-ханум Курдистани “Мастуре”. Весьма плодотворно использовано сочинение Мах Шараф-ханум в диссертации 'Абдаллаха Мардуха. См.: Abdollah Mardukh, с. ۳⁸ и сл.

17 Поэтическому творчеству Мастуре посвящено сообщение Ж. С. Мусаэлян “Курдская поэтесса Махшараф-ханум Курдистани „Мастуре””.

18 Ее называют также Мах Шараф-ханум Санандаджи или Мастуре-йи Курдистани. На страницах хроники автор называет себя только своим литературным псевдонимом.

19 Маруф Хазнадар, издатель дивана стихов курдского поэта первой половины XIX в. Нали. датирует рождение Мастуре 1800 г. См.: *Диван-и Нали*, с. 361.

20 Longrigg, с. 6.

21 См.: Хроника Хусрава ибн Мухаммада, с. 88—90.

22 *Ta'рих-и гитигуша-йи Зандийа*, с. 282—283.

23 Malcolm. *Histoire de la Perse*, t. 3, с. 302; Kinneir, с. 143.

24 *Ta'рих-и Ардалан*, с. 108.

25 Там же, с. 111.

26 Там же, с. 114, 121, 126.

27 Там же, с. 142.

28 Там же, с. 107.

29 Мухаммад-ака был отцом Мирза 'Абдаллаха Санандаджи Раунака (1218/1803—1281/1866—67), написавшего дополнение к *Ta'рих-и Ардалан*, и дедом Мирза 'Али Акбар-хана Садик ал-Мулка, автора *Хадике-йи Насурийе*. См.: *Стори*, т. 2, с. 1102—1103.

30 Перс, “смотритель”, “надзиратель”. По словам Йахьи Ма'рифата, Мухаммад-ака занимал должность “смотрителя кладовых Курдистана” (*назир-и сундук-хане-йи Курдистан*). См.: *Диван-и Мах Шараф-ханум.-Курдистани*, с. 4.

31 Войском Хусрав-хана после победы над Исма'ил-ханом Зандом.

32 *Ta'рих-и Ардалан*, с. 140.

33 Там же, с. 144.

34 Там же, с. 103.

35 *Маджма' ал-фусаха'*, т. 2, с. 98.

36 *Ta'рих-и Ардалан*, с. 107.

37 Там же, с. 160.

38 Там же, с. 162.

39 Там же, с. 164—165.

- ❶ Там же, с. 160—161.
- ❷ Там же, с. 171.
- ❸ Там же, с. 178.
- ❹ Там же, с. 2.
- ❺ Там же, с. 2, 89, 112.
- ❻ Там же, с. 162.
- ❼ Там же, с. 171.
- ❽ Там же, с. 178.
- ❾ Там же, с. 171.
- ❿ О том, что при своих талантах Мастуре обладала прекрасной внешностью, упоминается в *Маджда' ал-фусаха'*, т. 2, с. 406.
- ⓪ См.: *Та'рих-и Ардалан*, с. 2.
- ⓫ Никитин, с. 168, 170.
- ⓬ *Та'рих-и Ардалан*, с. 2.
- ⓭ Там же, с. 28.
- ⓮ Там же, с. 2—3.
- ⓯ Там же, с. 3.
- ⓰ Это не позволяет согласиться с припиской, сделанной рукой В. Ф. Минорского на с. 94 оттиска статьи В. П. Никитина “Les valis d'Ardelan” из фонда В. Ф. Минорского библиотеки ИВ АН СССР (Ленинград): “Очевидно, Хосров и бросил Мах Шереф для Валийе”. Во-первых, допущена хронологическая неточность, Хусрав-хан женился на Мастуре через шесть лет после брака с Хусн Джихан. Во-вторых, мнение, что при повторной женитьбе князю приходилось кого-либо из прежних жен “бросать”, вызвано перенесением европейских норм быта и морали на мусульманскую среду.
- ⓱ *Та'рих-и Ардалан*, с. 167.
- ⓲ Хроника Хусрава ибн Мухаммада, л. 1076.
- ⓳ *Та'рих-и Ардалан*, с. 103.
- ⓴ *Карнаме-йи занан-и маишур-и Иран*, с. 110.
- ⓵ *Та'рих-и Ардалан*, с. 180.
- ⓶ Там же.

٦٣ В *Занан-и суханвар* (с. ١٧٥-١٧٦) стихотворение приводится под названием “Зависть розового сада”.

٦٤ *Диван-и Мах Шараф-ханум Курдистани*, с. ٩—١٠.

٦٥ Там же, с. ٩.

٦٦ Там же, с. ١٣.

٦٧ Так называют тех, кто умер до ٤٠ лет. См.: Abdollah Mardukh, с. ٣٣.

٦٨ *Та'рих-и Ардалан*, с. ١٨٠.

٦٩ Там же, с. ١٨٧.

٧٠ Мастуре его называет то грузином (Хусрав-ханом Гурджи), то армянином (Хусрав-ханом Армани), по-видимому, считая эти два этнонима синонимичными.

٧١ Бамдад, т. ١, с. ٤٧٩—٤٨٠. Мастуре не датирует этих событий. Год ареста Риза-Кули-хана помогает восстановить указание Махди Бамдадана то, что назначение Хусрав-хана правителем Курдистана имело место в ١٢٦٣/١٨٤٧ г. Сведения Е. И. Чирикова, что “Валие-ханум упрягала Риза-Кули-хана в тегеранскую тюрьму в ١٢٦٥/١٨٤٨-٤٩ г.” (Чириков, с. ٢٩٨—٢٩٩, ٣٢٨), представляются неточными.

٧٢ *Та'рих-и Ардалан*, с. ١٨٧.

٧٣ Там же, с. ٢٠٩.

٧٤ См. там же, с. ٢٠٥.

٧٥ Там же, с. “джим” (*Диван-и Мах Шараф-ханум Курдистана*, с. ٥٥).

٧٦ Там же, с. ٢٠٩.

٧٧ Там же.

٧٨ Там же.

٧٩ Там же, с. ٢١٠.

٨٠ Там же.

٨١ Там же, с. ٢١١. Риза-Кули-хан Хидайат и, по-видимому, следом за ним Иахйя Ма'рифат неверно датируют смерть Мастуре ١٢٦٣ г. х. См.: *Маджма' ал-фусаха'*, т. ٧, с. ٤٥٦; *Диван-и Мах Шараф-ханум Курдистани*, с. ٤.

٨٢ *Диван-и Нали*, с. ٣٦١.

٨٣ *Та'рих-и Ардалан*, с. “те”.

٨٤ Литературный псевдоним поэта.

- ᠕᠑ *Маджма' ал-фусаха'*, т. Ү, с. Ү᠑—Ү᠒.
- ᠕᠒ Там же, т. Ү, с. ᠖᠒.
- ᠕᠓ Там же.
- ᠕᠕ Там же, с. ᠒᠔᠖
- ᠕᠙ Там же, с. ᠑᠕.
- ᠑᠐ Маруф Хазнадар, с. ᠒᠖, ᠒᠕, ᠒᠑.
- ᠑᠑ *Диван-и Нали*, с. ᠑᠖᠒—᠑᠖᠓.
- ᠑᠒ *Хадике-йи Насирийе*, л. ᠒᠑᠑.
- ᠑᠓ *Та'рих-и Ардалан*, с. “се”.
- ᠑᠔ Там же, с. “джим”.
- ᠑᠑ Minorsky. The tribes of Western Iran, с. ᠓᠑.
- ᠑᠖ *Диван-и Мах Шараф-ханум Курдистани*, с. ᠒ (Маруф Хазнадар, с. ᠒᠐, ᠕᠑).
- ᠑᠗ Там же, с. ᠒.
- ᠑᠘ Там же.
- ᠑᠑ Там же.
- ᠑᠐᠐ Там же, с. ᠑᠐᠐.
- ᠑᠐᠑ *Карнаме-йи занан-и маишур-и Иран*, с. ᠑᠑᠐.
- ᠑᠐᠒ *Та'рих-и Ардалан*, с. “алиф”.
- ᠑᠐᠓ *Хадике-йи Насирийе*, л. ᠒᠑᠑.
- ᠑᠐᠔ См. выше.
- ᠑᠐᠑ *Диван-и Мах Шараф-ханум Курдистани*, с. ᠐᠐.
- ᠑᠐᠖ Там же, с. ᠐.
- ᠑᠐᠗ Lescot, с. ᠒᠕᠒.
- ᠑᠐᠘ Minorsky, с. ᠒᠐᠐.
- ᠑᠐᠑ *Та'рих-и Ардалан*, с. ᠖.
- ᠑᠑᠐ Там же, с. “джим”.

- 111 Там же, с. 3.
- 112 На с. 2 хроники они оба названы покойными.
- 113 *Ta'рих-и Ардалан*, с. 3.
- 114 Издатели биобиблиографического труда Ч. А. Стори приняли эту дату за время написания всего сочинения (см.: Стори, т. 2, с. 1102), хотя страницей ниже упоминается, что описание событий в хронике доведена до смещения Риза-Кули-хана в 1263/1847 г.
- 115 *Ta'рих-и Ардалан*, с. 39.
- 116 Там же, с. 184.
- 117 Там же, с. 211.
- 118 *Забит* — перс, “староста, управляющий”.
- 119 *Ta'рих-и Ардалан*, с. 22; Хроника Хусрава ибн Мухаммада, с. 29.
- 120 *Ta'рих-и Ардалан*, с. 2—3.
- 121 Там же, с. 0.
- 122 См. там же, с. 6, 16, 34, 42, 52, 66, 76, 82, 89, 100, 101, 108, 117.
- 123 Там же, с. 101, 17, 14.
- 124 *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи*, л. 1806.
- 125 Хроника Хусрава ибн Мухаммада, с. 100.
- 126 *Ta'рих-и Ардалан*, с. 6—7.
- 127 Относительно времени прихода Бабанов к власти в Шахризуре мнения исследователей не совпадают.
- 128 Хроника Хусрава ибн Мухаммеда, л. 416—42а, 466.
- 129 *Ta'рих-и Ардалан*, с. 89. См. также с. 66, 76, 101.
- 130 Там же, с. 89.
- 131 *Зубдат ат-таварих-и Санандаджи*, л. 1936.
- 132 См.: Хроника Хусрава ибн Мухаммада, л. 28а—29а; *Ta'рих-и Ардалан*, с. 41—42; *Хадике-йи Насирийе*, л. 108—109.
- 133 *Ta'рих-и Ардалан*, с. 20.
- 134 Там же, с. 21.

۱۳۵ Там же, с. ۳۱—۳۲.

۱۳۶ Там же, с. ۳۱.

۱۳۷ Там же, с. ۳۹—۴۰.

۱۳۸ Там же, с. ۴۷—۴۸.

۱۳۹ Там же, с. ۲۸.

۱۴۰ Rozenhal, с. ۵۷.

۱۴۱ *Ta'рих-и Ардалан*, с. ۷۹, с. ۱۶۱.

۱۴۲ В персидской исторической литературе XIX в. господствовали каноны историографии средневековья, следование и подражание образцам мастеров XV—XVII вв., стилю их литературного этикета.

۱۴۳ *Ta'рих-и Ардалан*, с. ۱, ۸—۱۱, ۱۴, ۱۵ и сл.

۱۴۴ Там же, с. ۱۰۴—۱۰۵, ۱۱۲, ۱۳۰, ۱۳۱, ۱۳۵—۱۳۶, ۱۴۳, ۱۶۵, ۱۸۰—۱۸۱.

۱۴۵ *Тазкире-йи Хадике-йи Аманаллахи. Та'алиф-и Мирза' Абдаллах-и Санандаджи. Табриз, азармах, ۱۳۴۴*. Мирза Абдаллах Санандаджи был известен под литературным псевдонимом Раунак Курдистани. См.: *Мадж-та' ал-фусаха'*, т. ۲, с. ۱۵۰.

۱۴۶ *Ta'рих-и Ардалан*, с. ۲۱۹, ۲۲۱.

МАХ-ШАРАФ ХАНУМ КУРДИСТАНИ

ХРОНИКА ДОМА АРДАЛАН

ТАРИХ-И АРДАЛАН

В этой книге я описала благие деяния высоко династии Бани Ардалан так, как довелось выясним по хроникам, слышать от стариков и увидеть самой

Мастуре

/ ۱/ Во имя Бога милостивого и милосердного!

Подобает в начале [книги] воздать хвалу Господу, что не рождается и не умирает, остается [вечно сущим] и не подвергается бренности,— Творцу, не имеющему равных [себе] по чистоте своей сущности; Дарителю средств пропитания, Который по всем [своим] свойствам единственный и бесподобный; Всевышнему, Который не рожден и Которому нет [на земле] никого равного,— при возблагодарении Его немеют пальцы, [держачие] *калам* ^۱; достопоклоняемому, при восхвалении Которого стыдятся [своего бессилия] перо и язык. Похвала Ему — украшение на челе слово [изречения], для ланит

речи славословие Ему [служит] убранством. [Еще] никто не выдумал *касыды* ^۱, достойной восхвалять Его; ни один мыслящий не сложил *ким'a*, которым бы мог Его восславить. Разум мудрецов в изумлении от прославления Его; талант одаренных в растерянности от Его описания.

Для предисловия утра свет, излучаемый сиянием Его святости, [служит] *унваном* ^۲, солнце [заимствует свою] лучезарность от света, исходящего от Его облика — “Бог есть свет небес и земли. Свет Его подобен светильнику в стене” (*Коран XXIV, ۳۰*). При невысоких познаниях болтать о Его качествах не подобает; при тех мыслительных способностях, что присущи нам, не придет на ум восхвалять Его. Описание Его не измерить мерою мысли, восхваление Его не уместится в рамках (*Букв, “структуре”*.) помышления. Хвала Тебе! Неисчислима похвала Тебе! Как сам Ты восхвалил себя, так я славлю Тебя, пока Ты не будешь доволен, и благодарю Тебя, пока Ты не удовлетворишься.

Стихи:

Поскольку восхваление Его бесконечно,
Лучше замолчать (*Букв, “убрать язык в рот”*.)

/ * / Бесчисленные благословения первенцу *калама* могущества из дома пророков, причине сотворения обоих миров, царственному всаднику ристалища обеих твердынь — [небесной и земной]; благородному — если бы не задумано было Его существование, не существовало бы ни одно существо; счастливцу — если бы [Господь] не вознамерился сотворить Его **[۴۰]** счастливую сущность, перо судьбы не начертало бы ни одно творение на скрижалях способности к существованию; причине сотворения Адама и Евы, создания скрижали и пера. Если бы не Ты! Если бы не Ты, то не были бы сотворены рай, люди и небосводы.

Стихи:

Мухаммад — государь мира и веры,
Заступник провинности, ходатай провинившихся;
О Боже! Благослови своего посланника, возвещающего радостную весть, и его прославленный чистый род!

Эта несчастная бедняжка Мастуре, благородная дочь покойного Абу-л-Хасан-бека и добропорядочная внучка покойного Мухаммад-ака Курдистани — да облегчит Аллах для них землю! — доводит до сведения красноречивых мудрецов и искусных знатоков: после того как из материнского чрева милостью всевышнего Бога и милосердием несравненного правосудного [Господа] я утвердилась под опекой отцовского воспитания —

полустишие:

Да пребудет милость [Господа] над его чистой могилой! —

благодаря счастью, [ниспосланному] той белой отметине (*Букв, “белому пятну”*.) на челе мудрости и зоркости великодушия, и с помощью той звезды апогея просвещения и светила небосвода разумения, что питал естественную любовь и настоящую страсть к воспитанию детей и [их] закаливанию (*Букв, “укреплению печени”*.) — в особенности меня, [поскольку я была] первой розой в том цветнике и первенцем-побегом с той лужайки,— рука моя познакомилась с пером, а глаза прозрели [для прочтения] написанного. Какое-то время я следовала (*В тексте: “продолжался”*.) естественному интересу и врожденному желанию к изучению книг, пока однажды мне не попались *диваны* древних [поэтов] и записи давних [хронистов]. Получила я представление об

истории курдов и достоверные [сведения] об этой стране. Изучая и делая записи, убедилась я, что положение правителей вилайета Курдистана /ʃ/ изъяснено и описано. [Но] хотя [рас] сказано обстоятельно, однако по той причине, что от того сохранились [лишь] краткие [сведения], [история Курдистана] оставалась (Букв. “была”.) несверленной жемчужиной.

[Ваша] покорная служанка, что была ничтожнейшей пальмой из цветника этого райского сада и — из поколения в поколение — молодым деревцем, произраставшим под сенью [ʃʷ] этого семейства, теперь украсила стан [своих] дарований убранством родства (Букв, “несколько связей”.) с той высокой династией, а грудь и плечи гордые — нарядом соединения с тем прославленным семейством. [Всею своею] пламенной натурой и придиричивым умом осознала я необходимость завершить подробное изложение [прежних историков] и взялась за написание этих нескольких строк. В этой книге я описала благие деяния высокой династии Бани Ардалан так, как довелось выяснить по хроникам, слышать от стариков и увидеть самой, и уповаю с мольбой на читателей.

О происхождении [рода] Баба Ардалан

Об их происхождении существует много различных мнений, и некоторые относительно происхождения того высокого рода придерживаются такого убеждения. Когда нечистый Заххак, по причине дьявольских наваждений и искушаемый плотскими желаниями, убрал голову из [ошейника] повинования славному и великому Господу и шум от его мятежа разнесся по всему миру, в возмездие за его деяния на обеих лопатках того злодея выросли два куса мяса в виде двух змей. Муки и страдания того исчадия зла перешли все границы. Проклятый Иблис явился в меджлис под видом и обличем доброго лекаря излечить неизлечимую болезнь того презренного безбожника.

[Для] излечения и усмирения тех двух змей предписал он мозг из человеческой головы. Чтобы проверить [это предписание] и испытать, тут же обезглавили человека, а мозги безвинно пострадавшего приложили к змеям. Боль полностью затихла, а затем началась [снова]. Каждый день в течение долгого времени повару того коварного злодея поручали двух несчастных. Мозги их он скармливал тем двум змеям и [перед тем] показывал [Заххаку].

Поскольку стольник того главара негодяев был юношей добродушным и похвального нрава, он каждый день одного из них (Обреченных на смерть.) спасал от оков смерти, вместо него закалывал овцу и, добавив ее мозги к мозгам преданного заклятию юноши, показывал тому несчастному. Избежавшие карающего меча, страшась нечистого Заххака, темными ночами убегали и направлялись к вершинам гор, скрывались в уединенных местах, в пустыне и в глухой гористой местности. Так они и жили долгие годы и [с] давних веков. Самое известное предание гласит (Букв, “таково”.): одного из них звали Курдом. /ə/ [ʃʷ] После [того как] число [их] возросло и они переженились (Букв, “после размножения и браков”.), от того благородного произошли все курды ⁴.

Великими и уважаемыми [историками] то славное племя (Т. е. курды.) поделено на четыре *таифе* ⁵. Первым и величайшим из них является славный *иль* Бани Ардалан, который от остальных курдских *таифе* отличается благонравием и благородством, великодушием, образованностью и щедростью. Себя они (Бани Ардалан.) считали и считают для остальных *таифе* благодетелями. Второе из [курдских] *таифе* составляют лур[ы], которые [проживают] затворниками в Луристане, и некоторые из них станут правителями. Третья группа — курмадж[и] ¹, которых в народе называют бабанами. Четвертое *таифе* — горан[ы] ², проживающие в настоящее время в Керманшахане.

Из них (Из курдов.) вышли смельчаки и храбрецы, и с большинством правителей они начинают враждовать. Однако большая часть [наших] предшественников была убеждена /ʃ/ и верила (В тексте: “убеждены и верят”)., что родословная высокого рода Бани Ардалан восходит к Ардаширу Папакану ⁴. [Гонимые] превратностями времени, они прибыли в Сирию и там проживали.

Во времена имама рода человеческого Имам Хасана Муджтаба (Избранного.) — над ним благословение [Господне] и мир! — согласно повелению имама эпохи они были вознесены до управления вилайетом Курдистана ⁴. С того времени поныне, [т. е. до] ١٢٦٢/١٨٤٥-٤٦ года хиджры, из поколения в поколение они будут правителями и властелинами на той земле под счастливым знаменем прибегания к таинству того владыки. Истинность этих слов подтверждает перстень с опалом, на котором куфийским письмом начертано, что достался он от его святости Баба Ардалан как доброе предзнаменование и благословение. И остается он в семействе высокодостойных вали до [сих] времен. Даст Бог, их власть пребудет до [дня] воскресения [из мертвых].

В хронике сочинения покойного Мулла Мухаммада Шарифа, кази Арделана, и в рукописи, составленной благочестивым Хусрав-беком, сыном Мухаммад-бека Ардалан, так написано пером изъяснения, что начало власти и правления этой прославленной семьи [приходится] на время царствования Чингиз-хана. [Находились они] в Мосуле и Диарбекире и тех /ʃ/ пределах. Из-за превратностей времени и бедствий, [[٤^] ниспосланных] Небом, Баба Ардалан покинул свой род и племя (В тексте: “иль и таифе”). и направился в Шахризур. После того (В тексте: “после того как ...”). милостью справедливого Бога, вспомоществуемый [счастливой своей] звездой, он стал в той стране независимым [повелителем] и властелином. Еще [через] некоторое время он прибыл в окрестности Палангана в том месте, что служило пристанище племени горан, он обрел покой и стал им управлять

В конце царствования Чингиз-[хана] благодаря своей отваге и нравственной чистоте [Баба Ардалан] снова завладел Коем, Хариром Шахризуром и Бабаном ⁴. Долгие год он (В тексте: “они”). был полновластным хозяином в большинстве [областей] Курдистана. Говорят, впоследствии [при] эмире Тимур Гургане Баба Ардалану препоручили управление [всем] Курдистаном (В тексте: “Курдистанами”)., однако [при] здоровом уме и рассудительности [человек] воздержится согласиться с этим, поскольку о правления Чингиз-хана до всемогущества эмира Тимура прошло много времени. А истинное положение дел лучше знает Аллах!

Правление Баба Ардалана

Баба Ардалан был эмиром чистым помыслами и добропорядочным, властелином благонравным /ʃ/ и здравомыслящим Он проводил время, [занимаясь] поклонением славному и всевышнему Господу и совсем не помышлял о постыдных деяниях и предосудительных поступках. Вилайет благодаря его правосудию стал процветать, *райяты* радовались его щедрости. Среди простого народа получил он известность величием и похвальными качествами. При [всем своем] могуществе он не нарушал установлений Творца и не стремился к греховному. Несколько лет занимался он в Курдистане де лом правления, в конце концов испил из рук кравчего смерти напиток кончины и унес пожитки в потусторонний мир “У него власть над всем, и к нему вы возвращены будете” (Коран XXVIII, ٧٠.)

Правление Кулула Бани Ардалана

После смерти Баба Ардалана на престоле эпохи утвердился его сын Кулул и очистил свою владетельную об часть от гнета и притеснения. С его существованием утвердилось основание справедливости, стали неколебимыми устои щедрости благодаря его счастливому нраву. Тень его милости осенила головы *раййатов*, Хума (*Сказочная птица, приносящая якобы счастье тому, на кого падает ее тень.*) его милосердия [**٤٩**] воссияла] над теменем подданных [как] корона и венец. Весь мир обрадовался его величеству, все были вынуждены служить ему. Щедрая его десница закрыла врата алчности, благодаря множеству его щедрот мир освободился из оков нужды. Был он счастливцем, [наделенным] щедростью и великодушием, блюстителем правосудия, [исполненным] правдивости и чистоты.

Следуя обычаю и обыкновению родителя, [Кулул] превзошел [его] и не помышлял о недостойных деяниях. Законы управления державой благодаря ему укрепились, установления похвального поведения тому благородному упрочились. Несколько лет он управлял страной таким образом и в конце концов, следуя [изречению]: “Каждая душа вкусит смерть” (*Коран III, ١٨٢.*), прошествовал в рай и почил, отстранившись от своих дел.

/٩/Властвование Хизра, сына Кулула

Он воссел после отца на престоле владычества и закрыл пред челом своих подданных врата смуты и мятежа. Был [он] эмиром, [кому] сопутствовало счастье, и властелином щедрым, великодушным и благородным, который следовал путем отцов и дедов; повелителем справедливым и милосердным с низшими, общался с учеными и просвещенными, враждовал с притеснителями и злодеями; *раййаты* и [все] твари [Божьи] благоденствовали под сенью его милости; высочайшие и низшие радовались счастьем его благодеяний. Правосудный господин и несравненный покровитель *раййатов*, он [был] благоразумен и мудр в [разрешении] дел правления. Следуя обычаю справедливости, он превзошел прежних (*Букв, “покойных”.*) правителей; его подданные благодаря красоте его деяний [испытывали] удовлетворение и благодарность.

Он правил некоторое время и затем унес пожитки из этого бренного мира во дворец вечности. “Мы во власти Бога, и к Нему мы возвратимся” (*Коран II, ١٥١.*).

Правление Илйаса, сына Хизра

Когда пришло время Хизру умереть, правителем после него стал его сын Илйас. Был он украшен обычаями правосудия и справедливости, убранством из щедрости и добропорядочности, [была] ему присуща беспристрастность. Среди знатных и благородных славился он похвальными [**٥٠**] качествами. Благородные и знать вилайета гордились высотой его помыслов и чистотой натуры. Неизменно он стремился вершить справедливость и правосудие — наделенный похвальным нравом и качествами, [вызывавшими] одобрение. Непомерна его щедрость заставила свернуть ковер Хатим-Тая; пышность его величия побуждала смеяться над убранством Джама и Кай-[Кауса] ^{١١}. Покровительствуя воинам и *раййатам*, [проявлял] он чрезмерное усердие, на измену подданных совершенно не обращал внимания. В распространении [установлений] шариата ^{١٢} он [был] единственным [своего времени], [следуя] обычаям правления, [был] мудр и благоразумен. Похвальными деяниями закончил он [свою] жизнь (*Букв, “в конце концов зачеркнул жизнь”.*) и отправился в райский сад. Милость Господа над ним!

/١٠/ О Хизре II, сыне Илйаса

Он тоже твердо и неколебимо следовал обычаям отцов и дедов, постоянно общался и беседовал с людьми учеными и просвещенными, неизменно водил дружбу с мудрыми и знающими, во время правления пользовался полной независимостью и неопишуемой властью — благословенный правитель и счастливый властитель. Гнет во времена его власти [стал вымыслом, как] сказка [о птице] Симург, и небылицей; насилие в его правление [превратилось в выдумку, как] рассказы о кесарях и философском камне. Был он украшен в убранство разума, вид его изобличал мудрость. Мир и все, что в нем есть, в глазах его были ничто (Букв, “ветром”), высшие и низшие радовались его существованию, веселились и ликовали. При всей этой справедливости и правосудии, согласно [изречению]: “Все, что есть, гибнет, кроме его существа” (Коран XXVIII, ٨٨), он распростился с бренным миром, пошел путем, [предначертанным] смертью.

О господстве Хасана, сына Хизра II

После смерти отца тот правосудный властитель ступил на ступени владычества и распахнул перед [своими] приверженцами врата милостей и благодеяний. Говорят, он был эмиром похвального нрава и властителем, [чьи похвальные] качества вызывали одобрение. Именем [своим] он был подобен наивысочайшим (В тексте: “наиважнейшим”), образом правления превзошел прежних *вали*.

Поскольку [Хасан б. Хизр] был юношей мудрым, [٥١] разумным и красноречивым, не имел себе подобных и равных, он не стал противиться обычаю своих дедов, не знал и часа покоя, покровительствуя подданным. Каждого он обладал, [пожаловав] подобающее звание, вознес до достойной степени. Не имел он склонности к греховным поступкам, не раскрывал пред сердцем [своим] врата развлечений ^{١٢} . / ١١/ Любил он поклоняться бессмертному [Богу], усердствовал в покорности всемиловитому Творцу, был известен правдивостью и безупречностью. Слух о его справедливости дошел до дальнего и ближнего; в храбрости он не имел себе подобных, в отваге — себе равных. В конце концов он направился из мирского обиталища в [мир] потусторонний, исполнил приказ единственного правосудного судьи.

Стихи:

Не отвернусь я от приятного другу,
Мы любим то, что желанно ему.
Таково предопределение Сильного, Знающего (Коран VI, ٩٦).

О правосудии Баблула, сына Хасана

Рассказывают, Баблул, будучи украшен убранством отваги, изволил пожаловать большую часть денег и сокровищ отцов и дедов [своим] подданным, благородным и знати. Гора и солома в его глазах были равноценны. Большую часть времени он проводил в походах на врагов державы и возвращался с победой и триумфом.

Население вилайета и эмиры державы под знаком его высоких помыслов и мощи пребывали в страхе и уповании. Был он мудрым властелином, поборником справедливости, наделенным великолепием и познаниями. [Своей] щедростью и великодушием заставил он забыть о Му'ине Шайбани ^{١٤}, в дарении был вторым Иахйей и Джа'фаром ^{١٥}, в чаше [военных] хитрост[ей] — рыкающим львом, на поле брани — острым кинжалом. Храбростью и отвагой прославился он на все страны; мир при нем ликовал и радовался правосудию и справедливости. Когда он прожил какое-то время добродетельно и с чистыми помыслами, рука смерти ухватилась за воротник его души, и он вступил в райский дворец.

/ ١٢ / Предание о могуществе Мунзира ибн Баблула

Когда после смерти отца благородный Мунзир, сопутствуемый победой и счастьем, украсил трон эмирата своей особой, жители вилайета, границ и окрестностей — [все] приготовились служить ему и быть рабами. Отовсюду великие [٥٢] отважились послать ему дары и приношения и выразить радость и удовлетворение. Эмиры и управители изволили к нему прибыть с подобающими дарами, обратили чело к его двору и были вознесены царственными подарками и отмены государевыми милостями.

Поскольку он превзошел праотцев непомерной мягкостью и прозорливостью, обычаями величия и могущества и был единственным по [своей] добропорядочности и чистосердечию, вилайет благодаря его справедливости и правосудия стал весьма процветать и твари [Господние] пребывали в величайшем удовольствии и удовлетворении благодаря благому его помышлению. В [следовании] обычаю мужества он не имел равных, в отваге [был] самым первым. Благородные знать непреложному его приказу [были] покорны и послушны, радовались хорошему и дурному от его добродетельности. Под сенью его справедливости ягненок кормился рядом с волком, под покровом его милосердия зяблик с соколом были супругами. Когда настал назначенный [Господом] смертный час и он узрел в себе признаки [надвигающейся] кончины, наследником он назначил своего сына Ма'мун-бека и изволил вознести его до наследственной власти. Некоторое время спустя птица его души поспешила в небесный сад, успокоилась и почилла возле пройденного ею [пути].

/ ١٣ / О правлении Ма'мун-бека ибн Мунзира

При счастливом гороскопе, под счастливой звездой и в счастливый час заключил он в объятия невесту царствования, припал к возлюбленной правления. Он очистил страну от скверны существования врагов и низверг противников во прах смерти. Друзья державы обрадовались его величеству, *асха-бы* (*Асхабами* именовались сподвижники пророка Мухаммеда.) того благородного от благодати его высокого помышления [были] счастливы и удовлетворены. Слух о его великодушии разнесся по всему миру, о его щедрости прослышали стар и млад. Его сверкающий меч сразил [неустршимый] дух Рустама и Исфандийара, искрометная его стрела прервала жизнь подлого врага.

Своей ученостью и мудростью [Ма'мун-бек] превзошел своих великих отцов, обычаем снисходительности и разумения— всех людей. *Раийят* и воин обрели опору в счастливом его существовании, обрадовались милости его величества. Великий и малый кормились у его стола, тюрки и таджики подбирали колоски на ниве его благородства. Много благих и похвальных деяний осталось после него на память на [страницах] эпохи, стал он властителем и повелителем в большей части отцовских владений. [٥٣]

После того как [Ма'мун-бек] тридцать два года при полной независимости властвовал как наследник отца и следовал путем искренности, праведности и величия, он призвал [к себе] великих державы и знатных государства и изволил [произнести] рассыпающими перлы устами (*Букв, “языком”*): “Наступило ныне время нам отправляться из [этого] мира, десница судьбы ухватилась за воротник души! Желание [наше] таково: уберечь подданных, что перейдут под охрану Господа, повелителя двух миров, от тягот раздора, [даровав им] покой и порядок, / ١٤ / дабы были они избавлены от смуты и беспокойства. Поэтому лучше всего и разумнее разделить принадлежащий нам вилайет между благородными сыновьями, дабы после нас каждый занимался своим делом справедливого правления без препирательства и заставил благодарить себя подданных, [соблюдая]

обычай правосудия, дабы угнетенные не пострадали от смуты и бунта и население не гибло от их гнета и раздора”.

По усмотрению мудрецов он разделил свои владения между благородными сыновьями и препоручил им защиту и опеку *раййатов* и тварей [Господних], таким образом Биге-бек, что из сыновей его был самым старшим, мудрым и благоразумным, стал правителем Залма, Гуламбара, Самирана, Хавара, Дудана и Навсуда. Его средний сын Сурхаб-бек стал повелителем округов Нуй, Мариван, Тануре, Авроман, Мих-рибан, Калу, Калас и, по преданию, [областей] Калаш и Ншекас. Ныне те вилайеты неизвестны, однако, поскольку историки [так] написали, мы тоже упомянули те названия.

Саручак, Карадаг, Алан и Шахризур [Ма'мун-бек] изволил препоручить своему младшему сыну Мухаммад-беку ¹³. Разделив области между сыновьями, он еще некоторое время занимался правосудным и справедливым правлением и возвестил [всему] миру о своем добром имени. Поскольку был он справедливым эмиром и правосудным покорителем стран, высокий род Бани Ардалан до настоящего времени известен как [род] Ма'муни благодаря его прославленному имени.

В конце концов ушами разума он внял обращению [Господа]: “Все, что на ней (Т. е. на земле.), исчезнет” (Коран LV, 26.) и отвечал ангелу-провозвестнику: “Я готов!”

[Полустишие]:

Да будет милость [Бога] над той чистой могилой! [•••]

/ 1 • / О независимости Биге-бека ¹⁴

Когда Ма'мун-бек свернул ковер жизни и направился в рай, его сыновья стали править каждый в своих вилайетах, согласно завещанию [отца]. Биге-бека, который превосходил их летами и величием, они признали старшим и [свои] помыслы устремили на подчинение ему и покорность. Каждый занялся справедливым правлением во вверенной ему области, пожелал [вершить] дело правосудия. С дозволенного отцом пути они не отступили, славу обычая [его] правления не пустили на ветер дурными деяниями. От их справедливости вилайет стал процветать, благодаря их щедрости *раййаты* радовались и были довольны. Постоянно они старались вызвать удовлетворение своего старшего брата Биге-бека и не забывали об обязанностях, [налагаемых его] старшинством. Биге-бек тоже обращался с ними как подобает старшему и не совершал ничего противного их мнению. Он правил в своей области в продолжение сорока двух лет, пока не покинул бранный мир: “Из нее Мы сотворили вас, и в нее возвращаем вас, и из нее изведем вас в другой раз” (Там же, XX, 57.).

О правлении Ма'мун-бека II

После смерти Биге-бека на престоле правления воссел его сын Ма'мун-бек и закрыл перед людьми всего мира врата смуты и мятежа. Был он юношей прекрасноликим, добронравным и добропорядочным, великодушным и добродетельным, известен щедростью и наделен отвагой. Юной красой [своей] (Букв, “юностью и красотой”) он был бесподобен, в благонравии и красноречии не имел равного. Подданные радовались его существованию, веселились и ликовали. Домочадцы неизменно пребывали в радости благодаря его благому нраву. / 1 • / После отца в течение двух лет управлял отцовскими владениями при полной независимости и неопишемом великолелии и величии, пока государь Рума султан Салим ¹⁵ не пожелал завоевать [области] Курдистана (В тексте: “Курдистанов”) и Шахризур.

По словам Хусрав-бека, автора [исторического сочинения], [султан Салим] изволил поручить завоевание тех областей прославленному Хусайн-паше с неисчислимыми войсками. Достигнув земель Шахризур, [Хусайн-паша] сразился с Ма'мун-беком, [но] ни один из противников ничего не добился. Однако Ма'мун-бек, не находя в себе сил для [новой] битвы и стойкости для сражения, был вынужден укрыться в крепости Залм. [°°]

Хусайн-паша некоторое время ту могучую крепость и неприступную твердыню держал в осаде, с огромным войском стоял вокруг крепости, закрыл перед жителями крепости врата входа и выхода. Ма'мун-бек, доведенный в конце концов до крайности затянувшейся осадой и не находя в себе готовности [продолжать] войну, был вынужден от битвы отказаться. Он неожиданно выехал из крепости и с небольшим отрядом направился ко двору государя Рума. Султан, вопреки обычаю государей и хаканов, того юношу лишил надежды [на милость], заточил и держал под надзором. Согласно сочинению Мулла Мухаммад Шарифа *Казы*, государь Рума назначил на завоевание вилайета [Курдистана] некоего Султан 'Али-бека.

// Когда Ма'мун-бек бежал [из крепости] и предстал пред султаном, тот его изволил отметить различными милостями, однако относительно управления наследственным вилайетом начертал на странице его упования [письмена отказа] *каلامом* безнадежности. [Султан] пожаловал ему Хиллу из округов Багдада, и остаток жизни [Ма'мун-бек] прожил там, пока не наступил назначенный ему смертный час.

После отъезда Ма'мун-бека в вилайет Рума его дядя Сурхаб-бек присоединил к своим владениям области, принадлежавшие Ма'мун-беку, с войсками Рума пришел к соглашению и обходился с ними с почтением.

О правлении Сурхаб-бека, [о том], что с ним происходило

Поскольку после бегства своего племянника Ма'мун-бека [Сурхаб-бек] присоединил к своему вилайету крепость Залм, Шахризур и другие принадлежавшие [Ма'мун-беку] области, он, сообразно времени, с румийцами тоже пришел к соглашению. Некоторое время спустя, когда [Сурхаб-бек] добился в делах правления полной независимости, он султану Рума повиноваться перестал. Разгневался государь Рума на такое его поведение и решил покончить с ним.

Прославленные [историки] рассказывают, что Ма'мун-бек II до того времени находился у султана в заточении. Прослышав о том, что произошло, султан по здравом размышлении его из заточения освободил, [отправил] правителем в Хиллу, а его сына по имени Исма'ил-бек послал в Саручак. Они правили там долгое время. Говорят, сыновья и внуки Ма'мун-бека оставались правителями в Хилле до 1002 года хиджры/1090-96 г. ¹⁹. Аллах знает лучше.

Сурхаб-бек, завладев наследственными областями Ма'мун-бека, силой захватил и владения своего брата Мухаммад-бека, стал властелином и повелителем во всей унаследованной [°°] от отца державе. Слух // о его высоких помыслах разнесся по всему миру, слава о его величии донеслась до слуха юноши и старца.

В 900/1043-44 году ²⁰ Алкас-мирза, брат шаха Тахмасба, отвратил [свое] чело от иранской державы и прибег к покровительству державы рода 'Усмана. Государь Рума посчитал его присутствие выгодным, весьма постарался оказать ему почет и уважение и послал с ним на Курдистан, рубежи Ирана и на ту страну видного военачальника с большей частью румского войска и армией, [много]численностью превосходившей созвездия и звезды.

После многих усилий и бесчисленных походов [тот] ничего не добился, поскольку звезда его счастья закатилась, а [предначертанное] высоким гороскопом не было принято к исполнению. Войска отказались ехать в Рум. Алкас-мирза прибеж к покровительству Сурхаб-бека, дабы, излив его величеству государю просьбу о прощении, [сделать его своим] заступником (Букв, “заступником его вины”).

Сурхаб-бек, со своей стороны, выступил посредником [для испрошения] ему помилования и ходатаем. Шах Тахмасб из уважения к Сурхаб-беку избрал путь помилования и простил Алкас-мирзе его провинность, изволил пожаловать, дабы отметить его, грамоту на управление Ширваном, как и прежде, с подобающими почетными одеждами. Упомянутый выше [Алкас-мирза] выехал в Ширван, пребывая между страхом и упованием. По приезде его в Ширван помыслы государя изменились, и он поручил Шах Ни'маталлаху Кухистани и нескольким доверенным [слугам] государевой державы взять его под стражу. [Алкас-мирзу], закованного в оковы и кандалы, увезли в крепость Кахкахе и [там] заточили. Через год поступил приказ его убить, и его убили, сбросив с крепостной стены.

За выполнение такого дела Сурхаб-бек был вознесен, и ежегодно из государева казнохранилища ему была назначена тысяча туманов до конца жизни. / 19/ Как выше было описано пером изъяснения, Сурхаб-бек насильственно захватил владения своего брата Мухаммад-бека. Мухаммад-бек, не находя в себе сил оказать брату отпор, отправился с жалобой ко двору султана Салима, государя Рума ²¹, изъяснил султану, насколько бесчеловечно [поступил] брат, и султан Рума посчитал своим долгом помочь ему. Оказать Мухаммад-беку помощь и содействие он поручил великому везиру Рустам-паше, еще нескольким пашам и эмиру эмиров 'Усман-паше с войском более многочисленным, чем звезды и созвездия. [20]

Упомянутые войска направились к месту назначения и вступили, [преисполненные] справедливых устремлений, в Шахризур и те области. Сурхаб-бек, будучи не в силах противостоять войскам Рума, был вынужден укрыться в крепости Залм, Шел бой за овладение крепостными стенами, когда несчастный Мухаммад-бек был смертельно ранен пулей жителями крепости и умер. Турецкое войско начало разорять и грабить те области и подняло знамя гнета и притеснения.

Таким образом, осада продолжалась целых два года, пока об обстоятельствах похода румского войска не стало ведомо шаху Тахмасбу. На помощь Сурхаб-беку он послал некоего Хусайн-бека с несметным войском и неисчислимой армией. Услышав такое известие, румский военачальник и паши сняли осаду, а 'Усман-паша *амир ал-умара* тут же переселился в мир иной. Жители же крепости, терпевшие тяготы осады, подняли головы из воротника приниженности и возродились к жизни.

В это время некий Мухаммад-паша, из румских военачальников, посчитал момент / 20/ благоприятным и случай подходящим — со своим войском в 969/1061-62 году вставил стопу отваги в стремя мужества и бросился на крепость Залм. Всех врагов он обратил в бегство, о [своей] храбрости возвестил далекому и ближнему и завладел полновластно Залмом, Шахризуром и относящимися [к нему округами] ²². Сурхаб-бек спешно пришел с турецкими властями к соглашению, и часть его областей вошла в османские владения.

У Сурхаб-бека было одиннадцать детей мужского пола, а именно: 1) Хасан-бек; 2) Искандар-бек; 3) Султан 'Али-бек; 4) Йа'куб-бек; 5) Бахрам-бек; 6) Зулфикар-бек; 7) Асламас-бек; 8) Шахсуар-бек; 9) Сарухан-бек; 10) Касим-бек; 11) Басат-бек.

Говорят, из [всех] сыновей Сурхаб-бека мужеством и отвагой, храбростью и неустрашимостью отличился Султан 'Али-бек. [Еще] при жизни отца ударом богатырской десницы он отомстил за содеянное, отобрал от Османов Залм и относящиеся [к нему округа] и сам стал правителем. Другой сын Сурхаб-бека, Бахрам-бек, при жизни отца стал править в Рувандузе и Амадии и тем удовольствовался. С того времени поныне, т. е. [до] ١٢٤٢/١٨٢٦-٢٧ [года] хиджры, сыновья и внуки его будут там править.

Хотя я не читала (Букв, “не видела”.) в исторических сочинениях, но слышала от достойных доверия [людей], [что] Сурхаб-бек при жизни разделил вилайет между сыновьями. / ٢١/ Округ Эйлак ^{٢٢} он изволил утвердить за Асламас-беком. Вышеупомянутый построил там высокие дворцы и баню, а деревню Асламас, [٥٨] которая во время написания [этих строк] пребывает в полном благополучии, он застроил и утвердил резиденцией правителей и султанов Эйлака. И племя сулеймани ^{٢٤}, что ныне по приказу султана проживает в Эйлаке, принадлежит к его потомкам.

Из числа [тех округов] Мариван был передан его (Сурхаб-бека.) другому сыну, Искандар-беку, и его потомки тоже до сих пор остаются в Мариване. Аллах знает лучше. Сурхаб-бек независимо правил в вилайете Курдистана и Шахризура шестьдесят, а согласно одному преданию, шестьдесят семь лет, пока не внял призыву ангела-провозвестника: / ٢٢/ “Возвратись ко Господу своему, будучи удовлетворенною и удовлетворившею!” (Коран LXXXIX, ٢٨.) — простился со всем преходящим.

Правление Султан 'Али-бека, сына Сурхаб-бека

После своих справедливых, одаренных отцов он украсил своей великодушной особой трон владычества и в продолжение трех лет владел и управлял Арделаном и Шахризу-ром совершенно независимо, пока в расцвете молодости тот юный побег (Букв, “первый плод”.) из сада могущества не распрощался с бранным миром и не отбыл во дворец вечности. После него на память остались два рожденных под счастливой звездой сына по имени Тимур-хан и Халу-хан, которые по младости лет не могли взять на себя дела правления. Поэтому по ступеням власти восшествовал младший брат Султан 'Али, Басат-бек, и своим появлением украсил и озарил трон правления.

Правление Басат-бека, сына Сурхаб-бека

Юноша благонравный, добропорядочный и эмир прекрасноликий, здравомыслящий, он благоустроил вилайет великолепием своего прибытия, а райийатов благами правосудия воз-радовал и удовлетворил. Большую часть времени он склонен [был] поклоняться святому Дарителю [всех] даров, днем и ночью всечасно он был занят [делами] правосудия и справедливости. Ученостью и познаниями он превзошел всех, не испытывал недостатка в обычаях мудрости и разумения. Вниманию верных [слуг] и эмиров он предложил обычай величия и ему следовал, [в обращении] с райийатами и тварями [Господними] помышлял о справедливости и правосудии. [٥٩]

Некоторое время [Басат-бек] занимался делом правления, следуя благим путем и похвальным обычаям, пока не возмужали Тимур-хан и Халу-хан и не возжаждали власти и могущества. Они направились ко двору шаха Исма'ила Сафави ^{٦٠} для испрошения справедливости / ٢٢/ и там некоторое время находились, пока (Букв, “когда”.) шах Исма'ил не был принят под сень Господней милости.

Тимур-хан и Халу-хан, не достигнув желаемого, покинули сефевидский двор и поспешили к себе на родину. Тогда Тимур-хан занялся в вилайете Арделана разорением и грабежом,

вознамерился устранить дядю и учинил великий разбой на окраинах области. Жителей он предал мечу возмездия, надеясь (В тексте: “быть может”.) таким путем и с помощью раздора вырвать наследственную отцовскую область из достойной десницы Басат-бека.

Поскольку Басат-бек был эмиром благих намерений и нрава и похвального поведения, правителем правосудным, покровителем *раийятов*, пока он был жив, несмотря на усилия и старания Тимур-хана, благороднейшие и ничтожнейшие [из подданных] соблюдали его предначертания, готовые служить и покоряться ему, пока небеса не свернули ковер (Игра слов: Басат — перс, “ковер” и собственное имя правителя.) его радости и не прервали пиршество его жизни. Творцу душ вручил тот юноша свою душу.

Тимур-хан ибн Султан 'Али

После смерти дяди в ۹۸۶/۱۵۷۸-۷۹ году Тимур-хан при счастливом предзнаменовании и в [отмеченное] удачей время украсил наследственный отцовский трон великолепием [своего] великодушного присутствия, а престол величия — благодатью [своего] счастливого прибытия. [Был] он властелином справедливым и правосудным, владыкой, [чьим] оплотом [служила] щедрость. В отваге и храбрости [это был] второй Рустам-и Зал, в мужестве и неустрашимости не [было ему] подобных и равных, утвержденный навечно утверждением правосудного Бога, сопутствуемый содействием великого Творца, лучами своей благосклонности он осенил головы знатных и простонародья, тень его милостей [воссияла] над теменем великого и малого, [как] корона и венец.

Когда [Тимур-хан] закончил покорение Арделана, он пришел к согласию с султаном Рума, сообразно времени заложил устои взаимной дружбы. / ۲۴/ Державой румского султана был он жалован ради его вознесения, как выражаются жители той страны, тремя *туками*, [или ожерельями], и снискал [۶۰] безграничные милости. Стал [Тимур-хан] именоваться *мир-и миран* ^{۲۵}, присоединил к своей области районы Сонкора и Динавера и начал независимо править там, [а также в] Арделане и Шахризуре. За то, что он держал сторону Османской державы, этой державой его высочеству было пожаловано ежегодно сто тысяч *акче*, подати с Шахризуром как награда, на долгие [времена].

Однако вопреки обычаю величия и противно обыкновению правосудия он постоянно был занят разорением и ограблением окрестностей и всегда стремился досадить и навредить соседям. В конце концов он перестал повиноваться Ирану и Турции, стал единоначальным правителем в своей области.

Тимур-хан разделил принадлежавшие ему вилайеты между [своими] прославленными сыновьями. Сенендедж, Хасана-бад, Кызылдже, Залм и Шахризур он изволил передать Султану 'Али, который был его старшим сыном и именовался славным именем [Тимур-хана], благородного родителя. Второй его сын, Будак-бек, стал независимо [править] в районе Карадага; округ Мариван [Тимур-хан] пожаловал Мурад-беку, а эмир 'Аламаддин, что по возрасту был младше всех, стал правителем в Шахрбазаре.

Тимур-хан какое-то время занимался в принадлежащих [ему] областях делами правления и затем простер владетельную десницу в направлении Керманшахана и Заррин-Камара, что / ۲۵/ ныне известен как Гяррус, и те два владения силой подчинил себе. Большую часть [своего] счастливого времени он тратил на разбой и грабеж, пока два-три раза не ограбил племя 'Умар-бека Калхура ^{۲۶} и не оставил тех несчастных без [куска] хлеба на ночь. В последний раз 'Умар-бек прибег к покровительству Шахвирди-хана Лура и попросил у него помощи.

Шахвирди-хан, побуждаемый [добро] соседской приязнью и чувством родового патриотизма, собрал из соплеменников подготовленный и снаряженный отряд и вместе с 'Умар-беком и его *таифе* сел в засаду в ущелье возле дороги, [по которой двигались] Тимур-хан и ревущие, [как] море, войска Арделана. Когда ополчение Тимур-хана отдыхало, занятое разделом награбленного имущества, племена луров и калхоров на него напали, и дело кончилось сражением.

После того как разожгли пламя боя — а поле брани было тесным, прославленные и достойные витязи устали от тягот пути и путь к своему спасению увидели закрытым,— Тимур-хан был вынужден прекратить сражение. Поскольку, согласно предопределениям всемогущего бессмертного [Бога] и предписаниям несравненного правосудного [Владыки], там не было ни пути для бегства, ни выхода из положения, группа благородных и знати вместе с Тимур-ханом была захвачена [ʿʿ] в плен. Награбленное [было арделанцами] добро вместе с огромными богатствами снова досталось его владетелям, и люди [племени] калхор после пережитых трудностей обрели покой.

Несколько дней спустя Шахвирди-хан и 'Умар-бек с величайшим почетом и почестями освободили Тимур-хана и его приверженцев и позволили возвратиться в Арделан. / ʿʿ/ Хотя чело богатырей еще было покрыто пылью раскаяния и они не отдохнули от тягот сражения, поскольку ранее область Заррин-Камар принадлежала тому мстительному эмиру, а сефевидский двор правителем туда назначил Даулат-Йар-султана Сийах-мансура ^{ʿʿ}, его благородие [Тимур]-хан посчитал это оскорбительным для своего сана. В 998/1089-90 году он начал собирать войско. Даулат Йар-султан написал государю (Букв, “государеву двору”.) об обстоятельствах [дела], и в результате в помощь ему было направлено подобающее войско.

Когда Тимур-хан выступил [в поход], Даулат-Йар-султан проявил мужество и поспешил с многочисленной армией на битву с войском Тимур-хана. После того как противники сразились и обе стороны проявили усердие и старание, ветерок победы и торжества подул на победоносное знамя Тимур-хана. Войско Арделана победило, армия кызылбашей и Даулат-Йар-султана потерпела поражение и покинула поле брани. Большинство из них было захвачено в плен и стало жертвой меча. Оставшиеся в живых укрылись в крепости Заррин-Камар и вверили свою жизнь той твердыне.

При [своей] отваге и храбрости Тимур-хан весьма возгордился, никого не стал слушать и крепость осадил. Сколько жители крепости ни просили пощады, [все] было бесполезно. В конце концов, [открыв] ружейный огонь с крепостных стен, они начали сражение. В это время, согласно [изречению]: “Предопределенное [Аллахом] неизменно”, во время суматохи тот просвещенный эмир был сражен пулей и убит.

Сплоченные ряды [исполненного жажды] мщения войска при виде такого опасного положения (Букв. “дела”.) рассеялись. / ʿʿ/ [Войны] прекратили сражаться и вложили в ножны меч мести. Тело Тимур-хана они доставили в вилайет [Арделана]. “Таково было определение Сильного, Всевышнего” (Коран XXI, ʿʿ).

Халу-хан

Поскольку в 998/1089-90 году Тимур-хан был убит на поле брани, его брат Халу-хан ^{ʿʿ} заключил в объятия невесту власти. Луг правления зазеленел благодаря его присутствию, [ʿʿ] цветник владычества обрел свежесть от его великодушия Вилайет в его время стал процветать, *раййаты* возрадовались его справедливости. Отвагой и мужеством он превзошел бра та во сто крат, о его храбрости и неустрашимости рассказы вали в

окрестных [областях] и отдаленных. Войска обрадовались его счастливому прибытию, *райяты* и твари [Господние] благодаря его исполненному благосклонности существованию вкусили отдохновение. Луг управления был орошен [влагой] из облака его правосудия, молодое деревце [всеобщего] благоденствия ожило (Букв, “освежилось”), [политое] чистой водой его благосклонности.

[Халу-хан] же, следуя примеру своего прославленной брата, первым делом заложил основы соглашения с султаном Мурадом, государем Рума ^{۲۰}, и [в отношениях] с шахом 'Аббасом Сафави миролюбиво тоже распахнул врата преданности. За время своего [правления] он скопил много богатств и неисчислимые сокровища. Свое благородное время он боль шей частью изволил проводить, возводя крепости, мечети и медресе. Так, кроме крепости Залм он благоустроил и крепость Паланган, которая первоначально была столицей племени горан и от превратностей времени пришла в запустение. Говорят, [это] была весьма могучая крепость и неприступная твердыня. Из-за трудностей передвижения путь врагам туда был закрыт (Букв, “был маловероятен”), и, когда крепость охранялась, / ۲۸/ злодеи и смутьяны пройти не могли. Крепость Хасанабад [Халу-хан] благоустроил тоже. И воистину, ни в одной стране (Букв, “во всех странах”) творец мира Господь не создавал крепости и места столь возвышенных, [подобного] не созерцало око ни одного зрячего, как написано о ней в хрониках [всех] климатов и рассказано в книгах большей части населенного мира.

Я сама видела, как в правление Аманаллах-хана *вали* посланники русский и английский проезжали через Курдистан, чтобы увидеть ту крепость, ходили [там] и осматривали то, что от нее осталось, несмотря на разрушения ^{۲۱}.

В Мариване он тоже основал могучую крепость, [построил] базар, баню, медресе и мечети, улаждающие сердце. В наше время, как утверждают, сохранились остатки этих строений тоже. Постепенно его, [Халу-хана], могущество и величие достигли таких размеров, что ослабели в нем [чувства] страха и упования. Поэтому [в отношениях] с государями Рума и Ирана он изволил путь взаимному согласию преградить, управлял и властвовал в вилайете независимо, а временами грабил и разорял окрестности. О своем величии он известил далекого и ближнего, пока в ۱۰۱۹/۱۶۱۰-۱۱ году [۱۶۳] хиджры Хусайн-хану Луру не запало в голову желание отомстить. С многочисленным войском прибыл он для встречи с Халу-ханом, и в крепости Хасанабад началось сражение и убийство.

Его высочество [Халу-]хан назначил отряд проучить его за глупость и неразумность, и тот получил по заслугам (Букв, “подобающее наказание”). Увидел Хусайн-хан [знамя своего] счастья поверженным, а стяг желаний ниспровергнутым и / ۲۹/ бежал к себе на родину. [Халу-хан же] стал независим в делах правления более прежнего.

Говорят, шах 'Аббас Сафави несколько раз поручал несметному войску покорить и разрушить крепости в тех областях, а того прославленного властелина захватить. Возвращались они ко двору шаха ни с чем, в отчаянии и [преданные] проклятию. В конце концов это вызвало гнев государя, он выступил [в поход] самолично, драгоценной особой и с неисчислимыми войсками вступил в пределы Курдистана, дабы проучить Халу-хана.

В селении Михам, в окрестностях Исфандабада, [шах 'Аббас] изволил остановиться и поднялся однажды на возвышенность посмотреть на курдистанские горы. Большинство верных [слуг] державы падишаха стояли при [шахе 'Аббасе], и 'Али-Бали Зангане, личный стреманный государя, тоже там находился, чтобы придерживать шахского коня.

Поскольку племена зенгене ^{۲۲} [живут] близ Курдистана, знают [курдов] и соседствуют [с ними], шах 'Аббас расспрашивает 'Али-Бали про мощь крепостей и укреплений, про численность армии и войска Халу-хана. Вышеупомянутый [Али-Бали] поставил стопу отваги на ристалище изречения и, проявив чудеса благоразумия и красноречия, заявляет: “В Курдистане много могучих крепостей и неприступных гор — без счета. Ни птица и ни одна душа (Букв, “ни один обладатель намерения”.) не в силах облететь и обойти [Курдистан], резвый конь мысли ни одного обладателя могущества не может промчаться по его окрестностям и окраинам. / ۲۰/ В той чаще обитают львы и мстительные храбрецы, из которых каждый сравним с легендарным Рустамом и притязает на равенство с богатырем Исфандийаром. А что, если шахское войско выступит, чтобы наказать Халу-хана, а осада, не дай Бог, затянется, возлюбленный [наш государь] из-за неприступности крепости не добьется желаемого, изволит отказаться от [своего] намерения, утратив надежду, и отступит назад, не достигнув [своей] цели! Это покроет позором Халифат и бесчестьем — царство, будет противно интересам державы и вызовет ослабление страны. Поэтому первым [делом] повелителю мира [следует] [۲۴] обласкать его [своими] милостями и за это (Букв, “за его дело”.) взяться благоразумно и по [здравом] размышлении, дабы таким путем [Халу-хан] вошел в число преданных слуг этой державы. С помощью такой уловки он вместе с [другими] рабами Халифата ступит на путь искренности и преданности”.

Шаху понравились пронизательность и стойкость Али-Бали, он возвысил его в должности и изволил отказаться от намерения идти туда ^{۲۲}. Халу-хан же при виде такого оборота дела направил ко двору шаха 'Аббаса с достойными дарами своего сына Хан Ахмад-хана, который выделялся среди [его] сыновей отвагой и великодушием, красотой лица и чистосердечием.

Хан Ахмад-хан, будучи удостоен чести предстать перед светлейшим [государем], снискал всевозможные щедроты и неисчислимые милости. Ежеминутно правосудный властитель его отмечал и возносил выдающимся милостями. Некоторое время спустя, когда шаху 'Аббасу стала ведома сущность нрава, способности и одаренность Хан Ахмад-хана, он вознес его еще выше, пожаловав ему [в жены] блистающий перл из шахского ларца и сияющую звезду из созвездия прибежища султаната — свою благородную сестру, которая именовалась / ۲۱/ ۲аррин Кулах. [Хан Ахмад-хан] удостоился чести породниться с государем.

Хотя в хрониках подробно не описано, но слышала я от стариков, что после свадьбы Заррин Кулах, этот драгоценный перл из раковины счастья, уклонялась и отказывалась спать с Хан Ахмад-ханом и [быть его] супругой. Его величество государь, которому была известна молодость и отвага Хан Ахмад-хана, а мужество того прославленного из семейства [Бани Ардалан] отразилось в зеркале его помышления, украсил [своим] присутствием зал [с] парадными воротами, призвал в то прекрасное место, что служило обиталищем небес на земле, Заррин Кулах и усадил рядом с собой. Затем последовал приказ через дверцу с площади впустить Хан Ахмад-хана, а через другую дверь [ввести] льва, которого долгие годы шахские охранники (Букв, “львиная стража”.) держали в оковах, и отпустить.

Ревущий лев столкнулся на Ристалище Справедливости с Хан Ахмад-ханом и набросился на него, как и подобает льву. Тот исполненный мщения герой нисколько не был озадачен нападением льва. Он обнажил меч отваги и одним взмахом могучей (Букв, “полоняющий льва: десницы и ударом (Букв, “силой”.) доблестного меча поразил льва. [۲۵]

Сефевидский шах, хотя храбрость и отвага Хан Ахмад-хана были для него очевидны, изволил порицать его за убийство льва и за [проявленную] тем героем дерзость. Хан Ахмад-хан в ответ сказал: “Мы, два льва, [перед] справедливым Всевышним судьей напали друг на друга. Счастье сопутствовало, и я победил его”. Красноречие того юноши пришлось шаху по нраву, и Заррин Кулах была счастлива стать женой того феникса, [парящего] в зените вознесения. Затем в соответствии с обычаем, подобающим для государей, при убранстве и украшениях, которые надлежит [иметь] правителям, произошли соединение двух светил и встреча / ۲۲ / двух счастливых звезд ^{۲۴} .

Хан Ахмад-хан (В тексте: “поскольку Хан Ахмад-хан...”.) долгое время отдыхал под сенью государственной заботы, и его величество — прибежище державы изо дня в день умножал возвышение его положения и сана. Уже много лет шах хотел повидать Халу-хана и собирался покорить Курдистан. Мешала тому неприступность крепостей, смуты и распри. В конце концов, [шах 'Аббас] призвал Хан Ахмад-хана в личные покои и, расстелив для него ковер радушия и угощения, оказал милости и проявил расположение, а после приветствий (Букв, “нескольких приветствий”.) изъяснил ему дело и раскрыл его взору [самый] сокровенный из [своих] тайных помыслов: “Уже много лет у меня в сердце желание увидеть твоего отца, а из-за неприступности цитадел[ей] и крепостей Курдистана (В тексте: “Курдиستانов”.) [бродим] мы в смущении по долине мольбы. Теперь, когда у вас [в отношениях] с этой высокой державой совершенная определенность, если ты по отъезде в Курдистан хитроумно направишь Халу-хана к шахскому двору, а сам займешься делами правления, [это] послужит умножению расположения владыки и возвышению твоего положения и сана и ты вознесешь гордую главу до вершины небес”.

Хан Ахмад-хан, поскольку он породнился с государем и жаждал стать правителем и прибежищем державы, обязался [повиноваться] и желание шаха воспринял с покорностью. Таким образом, с бесчисленными ласками, почетными одеждами и множеством милостей ему разрешили покинуть сефевидский двор, и он выехал в Курдистан.

Когда [Хан Ахмад-хан] приехал, Халу-хан, уже давно / ۲۲ / не видевший дорогого сына, заключил его в объятия, как свою (драгоценную) душу, и обрадовался ему, не ведая заботы. Хан Ахмад-хан же по здравом размышлении решил арестовать отца и отослать ко двору [шаха в] Исфахан. Он начал оказывать благоволение знати и благородным и распахнул перед ними врата милостей. Каждого сообразно положению [۲۴] он пожаловал почетными халатами и изволил выразить уважение многочисленными милостями, пока однажды Халу-хан [честь] радостного свидания с сыном не устроил пиршество и не украсил общество присутствием знати.

Хан Ахмад-хан приказал своему управляющему принести на пир много блюд, [наполненных] яствами и сладостями Исфахана, и усладить уста пирующих чудесной розовой водой. Халу-хан понял его намерение, и благородное его сердце, разгадав такой замысел, огорчилось. Они изволили сказать: “Сладостью обмана ты небо моей души сделал горше колоквинта. Похоже, что сладкими речами ты хочешь похитить правление (Букв, “подол правления”.) из моих рук”. Дело дошло до крика и раздора и кончилось взаимной враждебностью.

Хан Ахмад-хан тут же поднялся, сел на своего коня остановился вместе со своими сторонниками возле крепости и решил враждовать с отцом. Пренебрег он обязанностями [в отношении] отца и сыновним [долгом] (Букв, “закрыв перед собой врата обязанностей отца и сыновних”.) и некоторое время оставался в окрестностях цитадели в

растерянности. Из-за данных шаху обещаний бродил он в смущении и попал в затруднительное положение.

Халу-хан же тем временем засел в крепости, и время осады, как видно, затянулось. В конце концов мать Хан Ахмад-хана ввела в заблуждение смотрителей и охрану [крепостных] ворот и башен и с ними сговорилась. Порешили [на том], что в полночь они откроют крепостные ворота и дадут Хан Ахмад-хану пройти, дабы он покончил с правлением (Букв, “с делом”.¹) отца и обещанную услугу исполнил. Чтобы сообщить эту радостную весть, к Хан Ахмад-хану /²/ послали Мулла Йа'куба, высочайшего прародителя его благородия Мулла 'Аббаса Шайх ал-Ислама, порадовали его обещанием и осчастливили предупреждением.

По возвращении Мулла Йа'куба в крепость кто-то из сторонников Халунхана узнал об обстоятельствах дела (Букв, “рассказа”).³ и доложил хану [всю] правду. Халу-хан приказал заточить Мулла Йа'куба, и вышел непреложный указ на следующий день воздать ему должную кару, но (Букв, “поскольку”).⁴ Господь не позволил [еще] утвердить смерть Мулла Йа'куба. Ночью, когда войско мрака атаковало армию государя-солнца и шахиншах-луна с войсками из звезд и небесных светил принялась за грабеж лучей светлейшего светила, Хан Ахмад-хан, [следуя] указанию матери и споспешествуемый правосудным Богом, [11] подошел к подножию крепости. С помощью приставных лестниц милостью Господа они поднялись на крепостные стены. Группу своих (Букв, “державы”).⁵ преданных сторонников [Хан Ахмад-хан] назначил охранять ворота, крепость, башни и крепостную стену, а сам направился в резиденцию правителя и вошел во внутренние покои [дворца].

В то время, когда Халу-хан, опираясь на подушку отдохновения, покоился на ложе сна, [Хан Ахмад-хан] самолично на него напал с небольшим числом своих верных слуг, забыл об обязанностях [в отношении] отца и сын[овнем долге], заковал его в оковы и тотчас отправил в Исфахан в сопровождении отважных охранников и храбрых верных [слуг]. Мулла Йа'куба он изволил из заточения освободить и осчастливил его особыми милостями. Халу-хан по прибытии ко двору государя снискал безграничную милость и бесчисленные щедроты [шаха].

В книге сочинения покойного Мулла Мухаммад Шарифа начертано пером изъяснения так. Халу-хан по приезде в Исфахан был осчастливлен всевозможными милостями государя и проживал в почете и милости до самой смерти. Однако, согласно сочинению Хусрав-бека Бани Ардалан, после щедрот, /⁶/ каковые суть в обычае у миродержцев, и несравненных знаков расположения, которые приняты у властелинов, его в почетных одеждах отправили в назначенное место (Т. е. в Арделан.). И было решено, что в дела правления он вмешиваться не будет. А истинное положение дел знает Аллах!⁷

/⁸/ О правлении (Букв, “миродержании”).⁹ Хан Ахмад-хана, сына Халу-хана, и коротко о доблести того властелина-миропокорителя

Когда в 1020/1116 году Хан Ахмад-хан без мучений и труда, с тысячей нежностей и ласк заключил в объятия невесту правления, на обстоятельства ничтожного и великого подул ветерок радости и веселья. Презреннейший и самый высокопоставленный [были] вознесены всевозможными его милостями, знатный и простолюдин отмечены и возвеличены его безграничной щедростью. Все [свое] время он посвящал [заботам о] благополучии *раийатов* и [всех Господних] тварей, и каждого сообразно его званию и должности обласкал какой-нибудь милостью. Его щедростью пользовались свои и чужие, богач и дервиш в его глазах были [достойны] уважения и почета. [Так продолжалось],

пока не пожелал он захватить Румскую державу ^{тз}. Пустил он вскачь быстрого коня с войском многочисленнее полчища звезд. Первым делом [тз] вознес победоносное знамя для захвата поселений племен злодеев билбасов, обратил [свое] чело к обиталищам те мерзких безбожников ^{тв}.

Прослышав эту весть, племя билбасов собрало войско, численностью превосходившее звезды. С тысячей страхов и опасений ухватились они за свои мечи и копыя и преградил! Хан Ахмад-хану путь. Доблестное арделанское воинство, в страхе перед мощью того эмира страны завоевания, побуждаемое истинными [своими] качествами и руководствуясь душевной преданностью, разом обнажило блестящие мечи и бесстрашно напало на ревущие, как море, армии билбасов.

Совершая смелые атаки и бесстрашно угрожая [врагу] [арделанцы] победили и обратили в бегство то неисчислимое войско. В результате большинство [билбасов]-предводителей было перебито, а большая часть тех злобных злоумышленников захвачена в плен и подверглась унижению. Немногие же, что /тв/спасли душу из того исполненного опасности водоворота, удовлетворившись тем, что остались живы, и поспешили в родные места и к [своим] жилищам.

Билбасы увели свои племена и приверженцев и разместили в укрепленном месте, которое в подобных случаях служило им убежищем и укрытием. Оставшиеся в живых снова с подготовленным войском преградили путь победоносной арделанской армии и решили сразиться. При первой атаке они повергли во прах несколько храбрецов Арделана.

В конце концов арделанцы на них бесстрашно напали и приложили все усилия, дабы прекратить ту смуту, и то сборище злодеев разом уничтожили. При виде такого оборота дела те злополучные несчастливцы выпустили из рук поводья терпения и обратились в бегство. Победоносные герои Арделана, преследуя их, тоже пустили вскачь быстроногих коней и из богатств тех нечестивцев захватили много имущества и добра. Они (Т. е. билбасы.) поскакали оттуда на коне устремления и не отпускали поводьев, пока [не достигли] места, которое служило им укрытием.

Несколько дней [арделанцы] там стояли, осадив [укрепление], закрыли перед ними врата входа и выхода, [не давая ничего] раздобыть и предпринять, надеясь таким путем лишиться их сил и терпения и заставить покориться (Букв, “опустить лицо сверху вниз”). [Но] сколько они ни стояли, в зеркале чаяния арделанцев не показался облик того замысла (Букв, “смысла”).

Поскольку проход в том месте был весьма узок и [отсутствие] простора не давало возможности сразиться и начать военные действия, [арделанцы] не знали, как поправить дело, [тз] и остановились в той пустыне в [полной] растерянности. В конце концов однажды женщина из того племени (Букв, “из женщин того племени”) захотела посмотреть да прогуляться, обходила вокруг [арделанского] войска и армии /тв/ и случайно столкнулась с тем властелином-ханом. Она спросила того владыку эпохи: “Что стоите на этом месте? С таким громадным войском что медлите и от кого ждете помощи?”

Благородный хан изволил сослаться на тесноту прохода и места и невозможность пройти к ним. Несколькими насмешками и милыми шутками красавица разожгла пламя ханского гнева. Он тотчас повелел призвать победоносное войско и поведал им [воинам], что сказала в шутку та просвещенная женщина ^{тз}. Полководец и войско от таких речей тут же отрешились от жизни и вверили себя милости Владыки двух миров. Разящие кинжалом юноши с блестящими мечами заткнули за пояс подол отваги и ухватились за копыя, мечи и

кинжалы. [Уповая] на помощь и содействие всевышнего Господа, они обратили чело к вершинам гор, поднялись по склону вверх и раскрыли перед противником врата сражения и битвы.

То злокозненное племя при виде такого оборота дела без минуты промедления решило сразиться. [Билбасы] начали чистить ружья и перекачивать камни.

Рустаму подобные герои с помощью меча, стрелы и топора проникли в [таящие] опасность укрепления того злобного сборища и предали мечу их женщин и мужчин ³⁹. [Все, что] уцелело из их имущества, пожиток и [военных] трофеев, стало добычей победоносного войска. [Арделанская] армия-победительница с многочисленными пленниками, с победой и триумфом, отказавшись от намерения [продолжать военные действия], возвратилась назад.

Правители Соуджбулага, Мераге и тех областей, прослышав об этих победах, пустились в путь, прибыли к [Хан Ахмад-хану] с подобающими дарами и ценными (Букв, “видными”) подарками, занялись служением и [проявили] душевную преданность.

/ 4 / Владыка-хан захватывал находившиеся [у них] во владении области одну за другой и правителей изволил назначать из преданных друзей державы, отмеченной вечностью. Закончив дела в той стороне, он изволил выехать через Кой и Харир в направлении Рувандуза и Амадии, [сопутствуемый] счастьем и славой.

Некоторые из детей Бахрам-бека, сына Сурхаб-бека, вознесенные в правление отца, как описано выше, до управления Рувандузом и Амадией, устранились от дел власти и скитались в пустыне приниженности, поскольку судьба [им] [V •] не благоприятствовала и [на то было] предопределение Творца. [Хан Ахмад-хан] по [своей] царственной милости их собрал, изволил обласкать и двоих-троих из их предводителей посадил на престол управления теми областями.

В результате благодаря облаку его благосклонности луг их счастья стал процветать и его милостью устои их почитания упрочились. Так, Рувандуз он даровал Кара Хасан-беку. Хушнав — Халид-беку, а Амадию изволил жаловать 'Усман-беку, утвердил их на престоле правления, очистил зеркало их власти от ржавчины несчастья и приниженности.

Поскольку Кара Хасан-бек превосходил остальных [братьев] красотой и обаянием, нравом, [исполненным] совершенства и благородства, обычаями отваги и доблести, храбрости и неустрашимости, [Хан Ахмад-хан] изволил даровать ему почетный халат и [все] регалии (Букв, “приложение, принадлежности”) главы *аширатов* и племени а [также] старшинство над остальными правителями и [той] славной династией. И поныне, до ١٢٦٢/١٨٤٥-٤٦ [года] хиджры, правители Рувандуза принадлежат к его роду.

Говорят, родословная семейства Мухаммада Рашид-бека *вакила* через несколько поколений тоже восходит к Халид-беку, который был эмиром Хушнава. Во время правления / ٤ • / Хан Ахмад-хана некоторые из них приехали в Курдистан и постепенно возвысились до должности *вакила*.

Когда лев из чаши доблести и храбрец из рощи страно-покорения, богатырь ристалища великодушия и королевский сокол из гнезда неустрашимости, или Хан Ахмад-хан Курд, со всем мужеством и самоотверженностью освободился от дел, [связанных] с билбас[ами], Рувандузом и Амадией, и избавился от наведения порядка (Букв, “от вершения дел”) в тех

местах, он изволил пустить вскачь светло-рыжего [коня] отваги, дабы покорить и проучить сборища дасни ^{٤٠} и халиди ^{٤١}, и пошел на племена их.

Как только он достиг окрестностей и окраин земель, принадлежавших тем *таифе*, они узнали о случившемся и о выступлении арделанского войска. Бесстрашно, исполненные дерзости и отваги, собрали они свои отряды и вышли, чтобы сразиться. Жажущие мщения [витязи] Арделана двинулись на их ряды, как саламандра бросается (Букв, “двинулась”.) к огню, и при первой же атаке сокрушили устои их мощи и существования. Оставшиеся в живых были вынуждены разбрестись и рассеяться кто куда (В тексте: “в каждый [из] районов”).

Богатыри ристалища отваги, [рожденные под] счастливой звездой, сутки преследовали [племена] дасни и халиди, [V\'] захватили много пленных, добычи и [военных] трофеев, одержали победу и восторжествовали. Там же его высочество хан сводов небесных [Хан Ахмад-хан] изволил направить правителей в Кой и Харир, а сам, сопутствуемый счастьем и почитанием, направился в Мосул.

Когда до этого города [оставалось] шесть фарсахов, здешний / ٤١ / правитель прослышал о победоносном войске и, не находя в себе сил для сопротивления, был вынужден бежать в сторону Халеба. Старшины и знать Мосула с многочисленными дарами направились к порогу того эмира-миропокорителя, изъявили послушание и покорность и снискали от благородного хана милости и щедрости. Каждый [из них] в отдельности был пожалован дорогими [почетными] халатами и украшениями прекрасными, как солнце. Вместе с новым правителем отправились они восвояси.

Победоносное воинство, следуя за ними без трудностей сражения и битвы, изволило украсить ту область счастливым своим прибытием и удостоилось поклонения [гробнице] его святости пророка Йунуса, мир над ним! Отправил [Хан Ахмад-хан] во все стороны победные реляции и драгоценной своей персоной изволил оставаться там сорок дней. Жителям Мосула он приказал взять свой рабочий скот и обмолотить пшеницу [в] Хасанабаде. Тем временем богатыри отдохнули от тягот пути, отдохнули и пришли в себя их вьючные животные.

Затем подобным Меркурию *мунши* было приказано описать достигнутые победы и проявленную (В тексте: “истину”.) витязями Арделана храбрость и отвагу и представить подробное [изъяснение] исфаханскому двору. В результате двором Исфахана Хан Ахмад-хан был возвеличен пожалованием пояса и кинжала, украшенного драгоценными камнями, и дорогого коня с седлом и сбруей из червонного золота. Ему предложили [также] завоевать Багдад и захватить ту твердыню, что служит оплотом небесной сферы.

Благородный Хан [Ахмад-хан] по наведении порядка в той стране и [после] смотра армии и войска натянул (Букв, “скрутил”.) поводья [выступления] в сторону Багдада (Букв, “места назначения”.) и подпоясался поясом, уповая на помощь вседарующего Бога. [Действуя], как и прежде, он пустил вскачь [исполненного] злобы коня, захватил крепость Керкука и те области вместе с *аширатами* и округами и часа не отдыхал до подножия багдадской крепости.

/ ٤٢ / Хотя Багдад — город весьма заселенный и благоустроенный, могучая крепость и оплот небесной сферы, население [V\'] там весьма зажиточное и многочисленное, и завоевать то место ни в кои времена и веки не могли бесстрашные венценосцы и властители — покорители стран, однако, поскольку слух о мужестве и доблести этого эмира в том походе достиг слуха юноши и старца, жители Багдада при всей [своей]

многочисленности возымели трепет в сердце и в душе ужас пред тем властелином из рода владык. При всей [своей] отваге, многочисленности и подготовленности они не нашли в себе сил сразиться от великого страха и беспокойства. Несмотря на то что вначале они с тысячей опасений и тревог начали было сражаться, однако вскоре ворота вражды закрыли и ступили на путь согласия.

Согласно сочинению покойного Мулла Мухаммада Шарифа, Дарвиш Мухаммад-бек, багдадский *сюбаши* ^{٤٢}, таил в душе (Букв, “в уме”) страстное желание покориться [Хан Ахмад-хану] Согласие с ним содействовало [укреплению] мощи [арделанских] героев, и, таким образом, эта крепость была завоевана, согласно предопределению [Господа], поскольку жители Багдада сочли неразумным вступать в единоборство и посчитали, что враждебные действия сокрушат [их] собственные устои. Они пошли на примирение, и *кахйя* ^{٤٢} Города мира — [Багдада] со всеми сановниками и великими эфендиями, с многочисленными дарами и множеством подношений прибыл к [Хан Ахмад-хану], разверз уста (Букв. “язык”) [с изъявлением] благо[пожеланий] и покорности могущественному властелину, распахнул ворота послушания и рабской покорности.

По [достижении] согласия обеих сторон и налаживания их (В тексте: “обеих сторон”) [отношений] на службу к властелину [Хан Ахмад-]хану поспешил *валий* Города мира — [Багдада] тоже и засвидетельствовал (Букв, “соединил воедино, [как] уток и основу”) любовь, единодушие и покорность, подарив арабских коней и неисчислимые подношения (Букв, “товары, предметы”). Его непокорность кончилась повинованием, а враждебность — согласием.

/ ٤٣ / На следующий день при гороскопе, сулящем счастье и торжество победы, в счастливый час и при счастливом предзнаменовании, сопутствуемый удачей, величием и великолепием, высокорожденный хан вступил в обитель мира — Багдад, изволил удостоить ту обитель, оплот небес, блеска собственного прибытия.

Во время пребывания того благородного [в городе] везир Багдада снова преподнес [ему] достойные дары и верным [слугам] державы и эмирам его высочества тоже воздал [٧٣] много почестей. Через несколько дней, освободившись от забот о делах Багдада и обратившись к собственным нуждам, Хан Ахмад-хан направился в Арделан и осчастливил старца и юношу благодатью своего прибытия. Как написали хронисты, этот поход продолжался семь лет и три месяца.

Когда до шаха 'Аббаса дошла весть о завоевании и покорении Багдада, он посчитал честью для себя родство с тем благородным. Он снова изволил его пожаловать почетными и достойными халатами, проявил явное [свое] благоволение, [Ахмад-хан] управлял наследственными и захваченными областями как хотел. [Так продолжалось], пока ангел-провозвестник не обратился к шаху 'Аббасу с призывом: “Все, что на ней, исчезнет, пребудет вечно только лицо Господа твоего, владыки славы и величия” (Коран LV, ٢٦, ٢٧). Выпущенный [из клетки тела] феникс его [души] воспарил в рай, и вместо него престол царствования украсил своим присутствием шах Сафи.

Шах Сафи [в отношениях] с Хан Ахмад-ханом стал следовать тому же обычаю, [что и] шах 'Аббас. Сын Хан Ахмад-хана Сурхаб-бек, который был рожден от лона (Букв, “был в раковине”) луной небес царствования — Заррин Кулах, и отдыхал под сенью заботы шаха 'Аббаса, как и прежде, стал служить шаху Сафи.

Шах Сафи, ясно видевший в нем (Букв, “по его виду”) свидетельства мужества и отваги, знамения мудрости, познаний и неустранимости, возымел в отношении его страх и

опасение и был озабочен / ٤٤/ [желанием] с ним покончить, пока однажды не удостоился предстать пред (В тексте добавлено: “в это время”.) шахом Сафи Шахвирди-хан Луром. А выше пером изъяснения было начертано: при поддержке 'Умар-бека Калхура [Шахвирди-хан] ходил походом на Тимур-хана, дядю Хан Ахмад-хана, и взаимоотношения между теми двумя высокими семействами закончились враждой, и вышеупомянутый [Шахвирди-хан] во взгляде и в груди хранил прежнюю злобу и старую неприязнь. После всякого рода разговоров [и] всестороннего [обсуждения] шах изволил передать разрешение этого дела на усмотрение Шахвирди-хана и пожелал, дабы тот нашел выход.

Тот злополучный несчастливец, чьи уста (Букв, “нёбо, рот”.) еще ощущали горечь ядоносного меча арделанских витязей, доложил: “Сурхаб-бек — юноша, украшенный похвальными качествами и мужеством, наделенный привлекательной внешностью, разумом и рассудительностью. Кроме того, их отцы и деды [V٤] распростерли десницу захвата и завоевания на большинство областей и вообще возомнили себя государями. И сам он, как наследник и по праву, каковое имеет [благодаря принадлежности] к очагу султаната и к семейству халифов ٤٤, если пожелает [стать] миродержцем и покорителем стран, [это] уместно и [ему] подобает. Нужно покончить с ним и погубить его в самом расцвете молодости”.

Шаху пришлось по нраву вымысел Шахвирди-хана, и незамедлительно он приказал вырвать глаза у того светоча прозорливости айалата. Палачи вынули его зрячие очи из глазниц и показали шаху.

Некоторое [время] спустя, когда эту весть услышал Хан Ахмад-хан — спасение у Аллаха,— он возымел отвращение к жизни, стал (Букв, “подружился с обильным рыданием”.) много плакать, волноваться и буйствовать, ни минуты не [знал] покоя / ٤٥/ и сна, сочинял экспромтом стихи о качествах того светоча прозорливости и [их] произносил.

Бейты:

Без	тебя,	с	окровавленным	сердцем,	о	душа	миро[здания],	что	мне	делать?
Со	слепотой		твоей,	о	прозорливое	око,	что		мне	делать?
Бедные		глаза		твои	они	вырвали		из		глазниц,

Глаза мои слепы. Скажи мне, бедному, что теперь делать?

В конце концов его чувствительной натурой овладели тоска и меланхолия. Год не наступало выздоровление, хотя применяли различные лекарства и лечения, обращались к лекарям и врачевателям. Дело дошло до того, что его заковали в оковы и цепи.

Говорят, высочайший прародитель 'Инайаталлах-бека Исма'ил-бек, который тогда был вознесен до поста везира, благоразумно хранил вилайет, пока владыка-хан пребывал закованным в цепях отчаяния, и на столпах власти не появилось ни единой трещины. [Так продолжалось], пока год спустя не пришло на помощь великодушие всевышнего Бога. [Здоровье] благородного хана поправилось (Букв, “благородный хан изволил опереться о подушку умиротворенности”.), и он излечился.

Поэты составили хронограмму его болезни, которая представляла бейт: “Стал бесноваться и потерял рассудок” ٤٥. Когда он пришел в сознание, снова сердце у него / ٤٦/ вскипело в страдании за сына. Он был вынужден отказаться от покорности шаху Сафи ٤٦, расстелил ковер согласия с султаном Рума, начал совершать в иранскую державу набеги и сманивал храбрецов грабить ту страну. Керманшахан, Хамадан, Урмию, Сонкор и Гяррус он тоже присоединил к своим вилайетам, а другие области разорял. [V٥]

щедрым властелином, правителем благонравным [с] сердцем [необъятным, как] море. В храбрости и отваге он не имел себе равного, в делах власти и величия был благоразумен и мудр. Всех жителей вилайета сообразно [их] положению он изволил обласкать, [в отношениях] с *райятами* проявил величайшую милость. Он весьма благоволил к людям ученым и знающим, большую часть времени проводил в поклонении его святости Дарителю [всех] даров.

Говорят, Мир 'Аламаддин-хан, сын Тимур-хана, во время правления Хан Ахмад-хана б. Халу-хана, который приходился ему дядей, прибег к покровительству государя Рума, султана Мурада. Поскольку, согласно предопределению всемогущего Господа, за его подол ухватился смертный час, он ничего не добился и, находясь при султанском дворе, отбыл во дворец вечности. Его сын Сулайман-хан находился на службе у Хан Ахмад-хана. Поскольку в большинстве сражений Хан Ахмад-хан видел [проявляемую] им храбрость и отвагу и на челе его узрел знаки величия, он возымел к нему страх и хотел [каким-нибудь] способом и хитростью с ним покончить.

Сулайман-хан своим догадливым умом постиг его замысел и разгадал и, не имея выхода, обратил чело мольбы ко двору шаха Сафи. Некоторое время он проживал при том дворе с тысячей огорчений, пока шах Сафи не выехал из обители Халифата с намерением проучить и покорить румийцев, которые находились в Ереване, /••/ и не отбыл в том направлении.

Во время осады и в дни сражения Сулайман-хан один [VV] погнал коня неустрашимости, натянул поводья храбрости [и поскакал] в сторону крепости, обезглавил несколько человек из богатырей Рума, побросал их во прах унижения, [за что] снискал государевы милости и щедроты и весьма возвысил свое положение.

После смерти Хан Ахмад-хана он был удостоен исфаханским двором почетного халата правителя Арделана и выехал в [свой] вилайет. По указанию государя он разрушил крепости Залм, Хасанабад и Паланган и в Сенендедже ^{۴۳}, который в те времена был деревней, назывался Сине и служил местом расселения племени кафше-заррине ^{۵۰} /••/ — их родословная восходит к Тусу и Нузару, и в настоящее время из того рода еще остались многие, однако проживают они в крайней бедности,— воздвиг дворец и построил мечети и медресе, пока постепенно [Сенендедж] не стал городом. И с того времени поныне он является столицей высокодостойных *вали*.

Поскольку [та] местность и место, [где был] дворец [построен], возвышались над окрестностями и возвышаются, провести туда воду было невозможно. Воду провели вверх и во дворец с помощью изогнутых труб — [это сооружение] теперь называется Кариз-и Пулбанд. После его, [Сулайман-хана], правления водопровод сломался, и дворец снова остался без воды, пока Хасан 'Али-хан во времена своей власти в ۱۲۱۰/۱۷۹۰-۹۶ году снова таким же образом не провел воду во дворец — резиденцию правителя. И большинство дворцов преданных [слуг правителя] благодаря той воде тоже вызывают зависть райских садов.

Когда прошло несколько лет правления Сулайман-хана, султан Мурад, правитель (В тексте: *** вм. *** или *** “властелин”; титул османского султана, который иногда истолковывается в Курдистане как “кровопроливец”.) Рума, с несметным войском и неисчислимыми полками выступил с намерением завоевать и покорить Багдад и отобрал у Ирана ту цитадель, [что служит] основанием рая. Затем он поручил великому везиру Хусрав-паше (В тексте: “Хусрав-падиша[х]”) с бесчисленными войсками завоевать те

крепости и местности, которые в правление Хан Ахмад-хана были присоединены к его владениям, и направил [туда].

Хусрав-паша, минуя стоянки, подошел к границам Ирана и Рума, сразился с кызылбашской армией и одержал победу. Затем /٥٢/ он завладел вилайетами Залм, Шахризур, Карадаг, Шахрбазар и другими. С того времени поныне упомянутые области входят во владения Румской державы.

Сулайман-хан же удовольствовался управлением Курдистана ^{٥١} и [его] округов и правил двадцать два года. Однако, поскольку турки завладели пограничными [районами] Ирана, [٧٨] а Сулайман-хан их обман и насилие терпел, шах Сафи возымел к нему недоверие, вызвал его в Исфахан и не дозволил возвратиться в Курдистан. Тот находился там, пока не настиг его смертный час. По словам Муллы Мухаммеда Шарифа *Кази*, Сулайман-хан был смещен в правление шаха 'Аббаса II ^{٥٢}. А истинное положение дел лучше знает Аллах.

/٥٣/ *Калб-'Али-хан ибн Сулайман-хан*

После смещения Сулайман-хана Мурид-Вайс-султан Калхур, что был вознесен до поста управляющего Арделаном, не дал чужим войти в вилайет, а высказался в пользу Калб-'Али-хана, сына Сулайман-хана. Поскольку [тот] при дворе пользовался почетом и уважением, был отмечен и вознесен среди равных, его ходатайство в отношении Калб-'Али-хана снискало одобрение, и в ١٠٦٨/١٦٥٧-٥٨ году его, [Калб-'Али-хана], главу украсили короной управления Курдистаном. Он выехал со двора государя в [свой] вилайет с почетным халатом и грамотой на правление и оперся о подушку владычества.

Был он мужем прямодушным, чистосердечным и искренним, юношей, чуждым злобе и зависти, благожелательным и постоянным, эмиром приветливым и милосердным, *хакимом* добрым и сладкоречивым. Красноречием и остроумием, полновластием и великолепием он превзошел других высокодостоящих правителей ^{٥٤}. Об изобилии [его] сокровищ и богатств (*Букв, "утвари"*), золота и драгоценных камней рассказывают по всему миру. Однако при всем [своем] могуществе и великолепии, величии и богатстве в дарении и великодушии он проявлял совершенную сдержанность и врата щедрости никогда [и] ни перед кем не раскрывал. Воистину, повелителям не следует [вести себя] так неподобающе (*Букв, "бесполезно"*), и такой порицаемый, зловещий обычай даже считается дурным предзнаменованием.

В начале своего правления он, [Калб-'Али-хан], согласно приказу [государя] изволил препоручить своему брату Хусрав-хану управление Мариваном ^{٥٤}, его сыну Сухраб-султану передал округ Саккыз ^{٥٥}, /٥٤/ Авроман ^{٥٦} оставил местным султанам, Мурид-Вайс-султана назначил полновластным хозяином Палангана, а Сафи-хан-султана — правителем Джаванруда ^{٥٧}. Мухаммад-султан Галбаги и другие благородные и знатные [курдистанцы] взяли на себя дела дивана, исполняли службу и вершили дела в полном согласии, чуждые подозрениям, [порождаемым] разладом.

Поскольку жители областей Хузистана стали бунтовать [٧٩] против государя Ирана, распахнули перед доверенными людьми державы врата своеволия и непослушания, по указанию исфаханского двора Калб-'Али-хан предпринял меры, чтобы наказать и проучить то беспорядочное сборище, собрал войско Арделана и с многочисленными отрядами и с неисчислимой армией пошел на Хузистан (*Букв, "в место назначения"*).

Бунтовщики выступили тоже и до его прибытия погнали скакуна на ристалище хвастовства и пустословия. [Однако] стоило показаться победоносному знамени, как они,

разглядев в зеркале своего поведения знаки беды, были вынуждены отказаться от сопротивления и обратились в бегство. Тот благородный [Калб-'Али-хан], наказав их, страну завоевал и изволил приложить много старания, чтобы навести там порядок. Затем, сопутствуемый вспомоществованием [Всевышнего] судьи, победой, успехом и торжеством, он прибыл в [свою] резиденцию. Красота его умения и ловкости воссияла пред государевым оком (Букв. “взором”)., и был он за такую победу отмечен и вознесен всевозможными милостями.

/••/ Калб-'Али-хан двадцать два года при полной независимости управлял Курдистаном, тратил [на то] драгоценную жизнь, пока к его жилищу не подступила смерть (Букв. “пока смерть не ухватила за воротник его дома”).) и не поспешил он в сторону райского сада.

О правлении Хан Ахмад-хана II и [о том, как была] утрачена власть по неопытности и незнанию

Когда Калб-'Али-хан переселился из бренного мира во дворец вечности, правителем утвердился его сын Хан Ахмад-хан II. Известно, что был он безмерно щедр — до такой степени, что все накопленное его отцом за [долгие] времена тот неразумный в короткий срок предал огню своей безмерной щедрости. Хотя великодушные присуще правосудным владыкам и дарение в обычае у щедрых эмиров, однако тот эмир дарил [к месту и] не к месту и изволил одаривать неподобающе, предал забвению обычаи величия, большую часть времени склонен [был] предаваться забавам и развлечениям и проводил в основном досуг (Букв. “часы”).) в радости и увеселениях.

[Хан Ахмад-хан] больше водился с чернью, всюду сближался с людьми неподобающими. Благородные и знать при таких [его] действиях с тысячей огорчений и забот стали его чуждаться. Однако в [соблюдении] обычая дарения он не имел себе подобных и равных, в великодушии с ним не мог [^•] сравниться никто. Из-за такой щедрости в народе он получил известность под [именем] Хан-и Заррине (Букв. “Золотой хан”).)

Поскольку он менее [всего] занимался делами правления, тратил время на развлечения и утехы, его дядя Хусрав-хан улучил удобный момент и воспользовался беспорядком вилайете, безмерной щедростью и неосведомленностью Хан Ахмад-хана в делах. Он обвинил его /••/ в неповиновении, [с тем чтобы] самому взяться за дела власти и правления. Получив грамоту на правление, он с наступлением ночи выехал верхом [на коне] из Маривана, а когда занялось утро, с многочисленным отрядом прибыл в обитель правления [Сенендедж]. Он захватил врасплох Хан Ахмада, заковал в оковы и отправил в Исфahan, а сам занялся делами правления, успокоился и умиротворился.

Хусрав-хан ибн Сулайман-хан

Когда в ١٠٨٩/١٦٧٨-٧٩ году хиджры Хусрав-хан воссел на трон правления, он, воистину, поразил души знатных и простонародья стрелами гнета и злословия, закрыл перед бедняками и неимущими врата спокойствия и отдохновения, начал угнетать и насильничать, возвестил подданным о притеснении, изволил перенять образ действий Нимруда и Шаддада ^{•^}. То, что (Букв. “имущества”). Хан Ахмад-хан, его племянник, подарил жителям Курдистана во время своего правления, [Хусрав-хан] отобрал назад с помощью палоч[ных ударов] и пыток, подвергая тысячам унижений и мук.

Злонравие и сквернословие он довел до такой степени, что ни представить, ни уразуметь было невозможно. В конце концов высшие и низшие, доведенные до отчаяния его сквернословием, отправились с жалобой к исфahanскому двору. Поскольку Хусрав-хан

был человеком предусмотрительным, он с помощью тысячи нежных и льстивых речей уговорил жалобщиков, [обращаясь] со всевозможными увещаниями, обещал быть впредь справедливым (Букв, “раскрыл пред ними путь истины и справедливости”.) и с одним из курчи ^۴ высокой державы отправил их восвояси.

[Однако] несколько дней не прошло, не минуло много времени, а он снова, /۴۷/ как и прежде, заложил устои невоспитанности, начал обижать и угнетать подданных. В вилайете возгорелся огонь притеснения, и пламя его жестокости достигло небес и звезд. Несчастные снова направились в Исфахан, ко двору шаха Сулаймана ^{۱۱}, попросили помочь и спасти [их]. Шах под каким-то предлогом пригласил Хусрав-хана в Исфахан и его по приезде весьма упрекал и [۸۱] порицал, указал ему на несправедливость к народу и дурное его поведение. Хусрав-хан стал молить о прощении, желая с помощью [исполненных] любезности извинений и нескольких клятв вызвать удовлетворение государя и добиться прощения прежних [его] проступков.

Возмущенный (Букв, “с тысячей негодований и враждебностей”) шах его отпускает, разбирательство и дознание переносит на следующий день, чтобы [затем] заняться примирением сторон. Жалобщики же, опасаясь, что, не дай Бог, завтра их отдадут Хусрав-хану, а его снова поставят правителем, укрылись в *бесте* ^{۱۱} в шахских *куш-хане* (Помещение для ловчих птиц.) и *таухид-хане* (По-видимому, имеется в виду молельня или “помещение для соединения с Истиной”).

Услышав такую весть, Хусрав-хан пришел в ярость. Когда шах, желая развлечься верховой ездой, прогуляться по степи и поохотиться, [выехал из дворца], он улучил удобный момент и приказал своим родственникам и сторонникам привести их к нему. Те все вместе напали на курдистанцев, сидевших в *бесте*, кинулись в шахские *таухид-хане* и *куш-хане* и схватились с противниками. В результате дело дошло до сражения. Большое число [людей] от обеих сторон и из государевых слуг было ранено и захвачено. Когда возвратился шах и узнал, что произошло, он приказал казнить Хусрав-хана, и приказ был приведен в исполнение.

/۴۸/ *Правленце* (В тексте: ***) *Тимур-хана Аджарлу в вилайете Курдистана*

После казни Хусрав-хана шах Сулайман Сафави направил в арделанский вилайет вместе с жалобщиками из Курдистана Тимур-хана Аджарлу в качестве (Букв, “по имени и обычаю”) управляющего. Он прибыл [в Сенендедж] в ۱۰۹۳/۱۶۸۲ году, с благородными и знатью стал обходиться без лицемерия и по-хорошему. Он осчастливил собою население и проводил время, [оказывая] тысячу благодеяний (Букв, “обходительностей”) народу Курдистана. Шесть лет любовно и ласково обходился он по-дружески с жителями вилайета: благороднейшими, знатью и *райийтами*, и благодаря тому добронравному пылу печали не покрывала ничьего чела. Спокойно проводил он ночь за днем и день за ночью, пока на страницах его обстоятельств не начертали письменна смещения. [۸۲]

Хан Ахмад-хан II

(Во второй раз. (Примечание издателя текста хроники.))

После того как Тимур-хан Аджарлу шесть лет управлял Курдистаном и вознес в то и доброе и дурное время знамя согласия и обходительности, шах Сафи снова возвысил Хан Ахмад-хана II до апогея величия и могущества и [до] управления вилайетом Арделана и отправил в те земли, [что служат] оплотом [садов] Ирема. Лишать власти властелинов из рода Бани Ардалан, что являются законными правителями Курдистана и этих Богом

данных владений (В тексте добавлено: “и”), возрождённых заботами того семейства, он признал противным обычаю хаканов и обыкновению султанов.

/ ٥٩ / По возвращении в вилайет и утверждении на престоле правления [Хан Ахмад-хан] снова принялся за забавы и развлечения, увеселения и утех. Менее [всего] он заботился [о том, чтобы] вершить дела правосудия и опекать *райятов*. Большую часть времени он тратил на прогулки и охоту да на измышление беспочвенных планов, ни минуты не знал покоя и отдохновения. Говорят, триста человек из благородных и знати курдистанского вилайета он назначил сокольничими, Хусрав-бека, который принадлежал к роду *вакилов*, поименовал Амир-и Шикаром (Эмиром охоты) и постоянно, был занят охотой. Он пожелал также заняться цветоводством и какое-то время потратил на это.

Таким образом он управлял в Арделане еще пять лет, пока в ١١٠٥/١٦٩٣-٩٤ году на иранский престол не восшествия шах Султан Хусайн Сафави. Он назначил правителем Курдистана сына Хусрав-хана — Мухаммад-хана, который проживал в Исфахане, и утвердил его эмиром Арделана.

О правлении Мухаммад-хана ибн Хусрав-хана и о сражении его с армией Бабана

После того как с восшествием шаха Султана Хусайна управление Курдистаном было поручено Мухаммад-хану б. Хусрав-хану Ардалан, во время его правления Сулайман-паша Бабан ^{١٤}, возгордившись многочисленностью войска и множеством золота и серебра, / ٦٠ / собрал войска неисчислимые, как звезды, начал грабить и разорять обе державы, Иран и Рум, и возвестил жителям обеих стран о [своей] дерзости и непокорности.

Сначала он поспешил с неисчислимой армией сразиться с везиром Багдада. После сражения везир был разбит и обратился в бегство. Затем [Сулайман-паша] двинул то [٨٣] огромное войско на (Букв, “с намерением завоевать”) Арделанский Курдистан, захватнической десницей стал посягать на здешние (Букв, “тамошние”) рубежи и раскрыл врата смуты и мятежа. Первым делом завладели Авроманом, Мариваном и Саккызом и убили Тамар-хана б. Сухраб-султана б. Калб-'Али-хана *вали*, что был правителем (Букв, “который находился в Саккызе и Сийахку[хе]”) Саккыза и Сийахку[ха], а также Ибрахим-бека Мир-Искандари, полновластного хозяина Маривана.

В конце концов шах Султан Хусайн, когда ему стало известно о поднятом Сулайман-пашой восстании и его выступлении, устрешенный тем, что произошло, назначил 'Аббас-Кули-хана Каджара военачальником и с несметным войском к армиям без числа и границ / ٦١ / отправил на усмирение Сулайман-паши и оказание помощи арделанскому войску.

Когда конные отряды кызылбашского войска и ополчения Арделана прибыли в Мариван ^{١٥}, Сулайман-паша выступил отважно и неустрашимо, и завязалась битва. Десятого [дня] священного месяца мухаррама ١٣١٠ (По-видимому, автор имеет в виду ١١١٣/١٧٠١-٠٢ г.)/١٨٩٢-٩٣ года от блеска мечей и копий разгорелось сражение храбрецов. С утра до вечера витязи поражали друг друга кинжалами. Сталкиваясь один с другим, мечи храбрецов поражали и сносили головы. Никто не добился успеха.

Наутро после десятого [дня] упомянутого месяца снова [с] обеих сторон забили в боевые литавры, выровняли ряды, произвели смотр и войска, как львы, напали друг на друга. Сулайман-паша спешился, отважно вступил в бой и показал чудеса храбрости. Много голов прославленных конников попадало на землю, пораженных его десницей.

В конце концов, поскольку победа и успех зависят от предопределения [Аллаха], а не от удара десницы подобных Рустаму витязей и мощи меча искушенных львов [полей сражения], ветерок торжества подул на знамя могущества 'Аббас-Кули-хана. Сулайман-паша и его войско потерпели поражение и были обращены в бегство. Большинство их предводителей были перебиты и взяты в плен, ранены и захвачены. Оставшиеся в живых с помощью тысячи способов спасли души, побросали свои палатки и шатры, имущество и снаряжение, погнались скакуна отступления в сторону Рума и Стамбула (В тексте: ***) и бежали.

Когда отдохнули от ратных дел и шум сражения сменился пиршеством, Касим-султан Аврами из-за старой вражды к семейству Бани Ардалан, из бесчестных и грязных побуждений докладывает кызылбашскому сардару [свое] [^ε] мнение: “Будучи всецело на стороне [бабанцев] как соседи и единомышленники, из соображений добрососедства и предусмотрительности / ʔ ʔ / арделанское воинство не прерывало дружеских связей с витязями Бабана (В тексте: ***) , в битву с ними совсем не вступало и на поле бранной славы и бесчестья для боя не построилось”.

'Аббас-Кули-хан Каджар, который был полководцем и получил известность под [именем] Зийад-оглы (Букв. “Сын непомерно сильного”), подстрекаемый вымыслом Касим-султана, построил из голов не повинных [ни в чем] мусульман Сенендеджа минарет, а сверху на головы других положили голову самого Касим-султана как знак [справедливой кары].

Бейт:

Что кто посеял, в конце концов, то и пожнет.

Поскольку, пока шло сражение [войск] Ирана и Рума, везир Багдада Хусайн-паша прибыл в Керкук, дабы поправить дела обеих сторон, Сулайман-паша, отвернувшийся [было] от обеих держав, посоветовался с ним и увидел для себя выход в том, чтобы ехать с мольбой о прощении ко двору султана Рума.

Когда это произошло, 'Аббас-Кули-хан был отозван исфаханским двором, и военачальником назначили Хусайн-хана Лура. Лурский сардар, намереваясь прибыть в земли Шахризур, возвестил грохотом барабана о [своей] мощи дальнего и ближнего, стал разорять те области и посягать на земли билбасского сборища. Обнажил он меч мщения и прогнал остальных врагов до Аку и Кандила. Покончив с делами, он с победой и торжеством возвратился назад, был обласкан и снискал похвалу.

После того как это произошло, сын Калб-'Али-хана Ардалан Джихангир-султан, который постоянно стремился расшатать устои власти благородного Мухаммад-хана, сговорился с народом Курдистана. Пустились они долгим и далеким путем в Исфахан, чтобы добиться смещения Мухаммад-хана. Там с помощью всевозможных уловок и хитростей они добились смещения Мухаммад-хана и на странице его правления начертали письмена устранения.

/ ʔ ʔ / *Правление Мухаммад-хана Гурджи в Сенендедже*

После того как благодаря козням злодеев Мухаммад-хан *вали* ступил с высот превосходства в прах унижения, шах Султан Хусайн в ۱۱۱۳/۱۷۰۱-۰۲ году вознес до управления [^ο] Сенендежем и [туда] отправил Мухаммад-хана Гурджи. По прибытии на место своего назначения он построил мечети и караван-сарай и устремил помыслы на благоустройство вилайета и благополучие *райийтов*. В Сенендедже, к югу от старого

базара — местонахождение его теперь неизвестно, — на земле, принадлежавшей Мулла 'Абдалкариму *кази*, он построил по приказу шаха караван-сарай на шестьдесят комнат наверху и внизу.

Поскольку земля принадлежала благородному *кази* [Мулла 'Абдалкариму] — да будет доволен им Господь! — было поручено опекать караван-сарай и распоряжаться в нем. *Кази* ежегодно получал с него доходы и поступления по счету, десятую часть того оставлял себе в качестве довода от собственности, а остальное тратил на постройку гробниц имамов.

После того как Мухаммад-хан три года держал в объятиях невесту правления и состоял в браке с возлюбленной владычества, фанатики и недоброжелатели доложили шаху, что Мухаммад-хан Гурджи изменил вере двенадцати имамов (**Шиитов.**), перенял [обычай] людей сунны и общины (**Суннитов.**) и следование [вероучению имама] Шафи'и принял за основу очищения мира и веры, стал верным другом [его] последователям, а [его] сторонникам — преданным и любезным доброжелателем.

Шах, услышав такую весть, весьма разгневался и опечалился и тут же на странице его обстоятельств начертал письмена смещения.

Правление Хасан 'Али-хана, сына Мухаммада Му'мин-хана И'тимад ад-Дауле

После смещения Мухадмад-хана Гурджи шах Султан Хусайн вознес Хасан 'Али-хана, / ٧٤ / сына Мухаммада Му'мин-хана И'тимад ад-Дауле, до управлений Арделаном, и они отправились в Сенендедж (**В тексте: “место назначения”**). По прибытии в те раю [подобные] земли он приложил (**В тексте: “поскольку он приложил...”**) непомерные старания, чтобы распространить [там] веру двенадцати [имамов], и постоянно стремился по той причине жителей Курдистана обижать. Люди возымели к нему великое отвращение, сговорились и объединились, чтобы его сместить, и расстелили перед ним ковер вражды, как вдруг кравчий судьбы дал испить ему напиток смерти. В ١١١٦/١٧٠٤-٠٥ году он (**Букв, “этот человек”**) оперся о подушку правления и в ١١١٨/١٧٠٦-٠٧ году умер. [٨٦]

Рассказывают, однажды ходил он, прогуливаясь, в горах Авидер ^{١٤}. На обратном пути довелось ему проходить мимо благородной пресветлой гробницы, которая ныне известна в Курдистане как [гробница] Пир 'Умара. Он спросил отшельников, [которые проживали] близ того святилища (**В тексте: “обители того святого”**): “Кто здесь похоронен?” Те в ответ разверзли уста правдивости и поведали, что здесь похоронен один из сыновей имама, Имам Мусы Казима, — милость божья и мир над ним! — по имени Сайид 'Абдассамад. Тот неразумный, услышав такие речи, стал говорить непристойности и сквернословить: мол, “здесь захоронены не великие и уважаемые люди, а Пир 'Умар!”

Оттуда он отправился в обитель правления [Сенендедж]. [Но] не успел он войти во [дворец], как с криком упал (**Букв, “падает”**). Когда его мать хотела помочь сыну, [Хаса'н Али] несколько раз произнес (**Букв, “произносит”**): “Пир 'Умар меня поразил!”, и тотчас птица его души вылетела из клетки / ٧٥ / тела. [Своей смертью] он освободил Курдистан из оков унижения, поместил в колыбель спокойствия и безопасности.

Одни считают, что та пресветлая гробница служит усыпальницей сыну его святости Мусы Казима и называется Имам 'Абдассамад. Другие уверены, что священное захоронение принадлежит 'Умару б. 'Али — тысячи благословений над ним! А Аллах знает лучше.

Покойный Аманаллах-хан, *вали* Курдистана,— да поселит его Аллах в садах рая! — построил возле усыпальницы его святости мечеть и высокий дворец, перестроил заново гробницу (В тексте: “сооружение”) и увеличил ее размеры. И ныне некоторые из тех, кто стремится к истинной вере, денно и ночью под сенью двора [того], в ком проявилось истинное знание, заняты обучением и извлечением благ [духовных].

О правлении Хусайн 'Али-хана, другого сына И'тимад ад-Дауле

Когда Хасан 'Али-хана убрал пожитки из [этого] мира, вместо него на престол [правления] воссел его брат Хусайн 'Али-хан. Он тоже из-за [своего] фанатизма стал враждовать с арделанцами, и население с ним совершенно не общалось и согласия не находило. В конце концов приложили усилия, и его сместили. После этого около восемнадцати месяцев делами ведал Кай-Хусрав-бек на правах управляющего. [^v]

/ ٧٧ / Аббас-Кули-хан

После смещения чужака управлением вилайета Арделан возгордился 'Аббас-Кули-хан б. Мухаммад-хан б. Хусрав-хан Бани Ардалан, который какое-то время занимал важные должности в Сефевидской державе, и ему поручалось выполнение выдающихся дел. Например, во время выступления и мятежа Мурид Вайса Афгана и смуты, [поднятой] в Кандагаре и Герате сыном 'Абдаллах-хана, ['Аббас-Кули-хан] был назначен верховным главнокомандующим армией и вместе с другим *сардаром* отправился в те земли. Он проявил чудеса храбрости и запечатлел в зеркале разума войска свою отвагу и неустрашимость. Он оказал выдающиеся услуги, снискал похвалу и милости владыки и, будучи удостоен управления Арделанским вилайетом, в ١١٢٢/١٧١٠-١١ году выехал в наследственное владение.

По описанию Хусрав-бека, события в Кандагаре, [связанные с] Мурид Вайсом, и [проявленная] победоносным змиром доблесть имели место в то время, когда он был [уже] правителем ^{١٢}. Но первый рассказ достовернее.

Поскольку от гнета чужих *хакимов* давно народ Курдистана лишен был покоя и безопасности, счастливого его прибытие восприняли от души, под сенью его покровительства успокоились и обрели отдохновение. И положение их, расстроившееся под ударами времени, наладилось, осененное его милостью.

Снова вилайет стал таким, как и прежде, *райяты* обрели благоденствие, осчастливленные его покровительством (Букв, “под добрым знаком”). Семь лет он независимо вершил дела правления, пока Мир Вайс Афгани не поднял смуту в Кандагаре, Герате и Хорасане. Шах Султан Хусайн, желая его разгромить и наказать, потребовал, чтобы 'Аббас-Кули-хан, собрав из доблестных мужей и отважных героев Арделана соответствующее войско, выехал через /٧٧/ Рей в Тегеран (В тексте: “к месту назначения”) и присоединился к его армии.

'Аббас-Кули-хан с двумя тысячами искушенных [в сражениях] львов и жаждущих мщения смельчаков направился в назначенное место. По прибытии в Тегеран воинство Арделана отказалось [идти в] поход, отрелось от [своего] намерения и возвратилось в Курдистан. Это огорчило шаха и вызвало у него недоверие к 'Аббас-Кули-хану. 'Аббас-Кули-хан заявил, что в возвращении курдистанских воинов повинен внук Калб-'Али-хана *вали*, 'Али-Кули-хан б. Сухраб-султан: мол, “'Али-Кули-хан, сын Сухраб-султана, не явился [сам], [а также] сговорился с людьми и просил их об [^^] этом. Введенные им в

заблуждение благоразумные курдистанцы (Букв, “благоразумные вилайета”) бросили службу и бежали в Курдистан”.

Эти слова произвели на шаха впечатление, и, убедившись в способностях, влиянии и рассудительности 'Али'-Кули-хана грамоту на, управление Арделаном выдали, ему.

Али-Кули-хан

Когда в ۱۱۲۹/۱۷۱۶-۱۷ году 'Али-Кули-хан, не прилагая усилий и старания, не прибегая к помощи [великих] людей эпохи, благодаря [божественному пред]назначению и милостям всемогущего Творца вознесся от подножия приниженности до высочайшей ступени власти, утвердился на престоле правления отцов [и] предков, потомки возымели удивление от предначертания Извечного, миряне от предопределений Бессмертного прикусили палец раздумья и изумления.

Рассказывают, большей частью он жил в бедности в деревне Шихле округа Хор-Хоре и, хотя нуждался в благодеяниях и сострадании, не обращался за помощью никуда. Жители Шихле постоянно печалились бедственному его положению / ۷۴/ и уговаривали оставить родину. Праведный его ответ и упование на Создателя частного и общего были таковы: “Бог и в Шихле может вознести до высокого положения и сана и одарить величием и, если пожелает дать власть, даст и в Шихле!”

Поскольку хитрость 'Аббас-Кули-хана привела к преуспеянию, ['Али-Кули-хан] возвысился до поста правителя Курдистана. Говорят, от [государева] двора с грамотой и почетным халатом в сторону Шихле был отправлен гонец... (В тексте пропуск, обозначенный многоточием.) и оттуда, достигнув желаемого, ['Али-Кули-хан] прибыл в вилайет, утвердился [на троне правления].

Несмотря на бедность и унижение, которые он испытал и перенес по несправедливости [этого] покрытого ржавчиной неба, был он юношей великодушным и отважным и весьма преуспел в щедрости, дарении и благородстве. Он оказывал щедроты людям сообразно [их] положению, возвышал до званий благородных и уважаемых. Когда прошло два года его правления, на вилайет было ниспослано [страшное] бедствие— чума — да избавит нас Господь от своего гнева! [Чума свирепствовала] с такой силой, что ۸۰ тысяч человек умерли от той напасти — защити нас Аллах от нее!

Тоже во время его правления перестали повиноваться шаху Султан Хусайну жители Луристана, ступили на путь мятежа. Сефевидский шах просил 'Али-Кули-хана наказать их и проучить, и тот с многочисленным войском направился [۸۹] в их области. Оба войска встретились на пороге. [Противники] сошлись, и после многочисленных схваток и неисчислимых усилий и стараний перо милости [Всевышнего] благосклонного судьи начертало на арделанском знамени драгоценные [письмена]: “Помощь Божья, близкая победа” (Коран LI, ۱۳).

Племена луров и бахтиар потерпели позорное поражение и бежали. Храбрецы Арделана стали их преследовать. То сборище, полагаясь на укрепленность [своих] жилищ, снова погнало на поле брани Рахша (Имя коня Рустама, героя древнеиранского эпоса.) сражения и обнажили мечи масти. Исполненные ловкости / ۷۹/ курдские богатыри, как львы, напали на войско бахтиар и луров, отрезали тем племенам путь к спасению и бегству, многих из них поразили стрелой [и] копьем. В конце концов те нашли выход, запросив о пощаде, доведенные до отчаяния ударами богатырской десницы. Их правители и предводители

прибыли к 'Али-Кули-хаму с подобающим даром и избрали стезю покорности и подчинения.

Правителя Луристана с местной знатью и вождями племен в сопровождении нескольких курдистанцев 'Али-Кули-хан послал ко двору сефевидского шаха и разверз уста, дабы испросить им прощение согласно [священным словам]: “Укрощают гнев и прощают людям” (Коран III, 128.). Когда предстали они пред [государем], совет 'Али-Кули-хала был принят и знатным дурам было дозволено удалиться восвояси.

Когда 'Али-Кули-хан возвратился в вилайет Арделана, из-за его вспыльчивости и сквернословия большинство именитых [людей] Арделана объединилось с Дарвиш-беком и Хусайн-беком Маму'и и раскрыло десницу насилия для вражды и несогласия с ним. 'Али-Кули-хан, не будучи готовым оказать им сопротивление, был вынужден бежать в крепость Паланган, /V•/ там остановился и попросил помощи и содействия у Хане-паши Бабана. Паша послал ему на помощь Рустам-бека Джафа с его племенами ¹¹.

Когда обе стороны решили сразиться, группа мусульман выступила посредниками, и [дело] кончилось перемирием. После заключения союза не прошла и [самая] малость [времени], как *раийяты* и старейшины Кур диетам а, доведенные до отчаяния его раздражительностью и грубостью, сместили его с правления.

'Аббас-Кули-хан (во второй раз)

Когда в 1132/1119-20 году население Сенне, обиженное на 'Али-Кули-хана, изыскало (Букв, “и изыскало”) способы его сместить, [9•] 'Аббас-Кули-хан' б. Мухаммад-хан был во второй раз вознесен до сана правителя. 'Али-Кули-хану исфаханским двором было передано управление Саккызом.

[Так обстояли дела], пока в Иранской державе афганцы и узбеки, не принялись за притеснения и не стали захватывать владения рода Сафи. Тогда обратились за помощью к 'Аббас-Кули-хану, приказали ему с войском Арделана поспешить на встречу с афганским воинством. Поскольку власть афганцев распространилась на весь Иран, ударом десницы мщения они разрушили до основания большинство крепостей и поселений /V1/ [в] областях [Ирана], стали полновластными хозяевами и собрали неисчислимое сборище [войск].

Хотя 'Аббас-Кули-хан и витязи Арделана отрешились от жизни и отважно ступили на поле [брани], они не добились ничего, несмотря на множество усилий, возвратились восвояси и от жителей вилайета получили порицания, осуждение и проклятия.

В это время афганцы завладели всем Ирамом, шаха Султан Хусайна предали мечу несправедливости, стали правителями в областях Фарса, Ирака и Хорасана. Румские военачальники, и паши, находившиеся поблизости от границ и рубежей Ирана, дали знать государю (Букв, “османскому двору”), что “Иран совершенно разорен, а его рощи, стали обиталищем узбекских и афганских львов. Если будет на то дозволение султанской державы, мы тоже завладеем соседним вилайетом и присоединим к владениям рода 'Усмана”.

[Султан] поручил пашам захватить соседние области ^{1v}, и те с несметными войсками напали на принадлежащие Ирану крепости, и поселения. Эрзурумский военачальник завладел крепостями Еревана, Ширвана, Муша, Вана и всем Азербайджаном, вплоть до Мёраге и Хамсе.

Паши Бабана и Ирака Арабского тоже воспользовались удобным случаем, занялись завоеванием Арделана, Керман-шахана, Хамадана, Боруджирда, Нехавенда и Гярруса, за короткое время завладели теми областями и назначили там своих правителей. Хане-паша-йи Бабан, который напал на Арделан, в ۱۱۳۶/۱۷۲۳-۲۴ году захватил эту область и стал [там] правителем. 'Аббас-Кули-хан погиб во время этой суматохи. Ахмад-паша завладел Керманшаханом и стал там править.

Во время завоевания Ирана паши окружили Хамадан и, /۷۲/ одержав победу, занялись там грабежом, разорением и разбоем. Большую часть жителей Хамадана перебили, большинство девушек и женщин захватили в плен. Однако, [۹۱] поскольку пленных из Хамадана вели через Арделан, большинство из них Мулла 'Абдалкарим *кази* вызволил (Букв. “взял”) — кого за деньги, кого с помощью моления и просьбы,— отправил в родные места и возвратил назад.

Поскольку начало власти Сефевидов сменилось концом, а утро их великолепия — порой вечерней, в те дни их царствование подошло к концу. От Хорасана (В тексте: ***) до Фарса, Рея и Ирака [Персидского] всем завладели афганцы, области Мазандерана захватила Россия, запад[ной частью] страны стали управлять румийцы.

Хане-паша Бабан, который держал сторону османского двора, завладев Курдистан-и Сенне, послал к султанскому двору Мулла 'Абдалкарима *кази* с радостной вестью о своих победах и [с просьбой] даровать вспомоществование и средства на строительство мечетей в Сенендедже.

Мулла 'Абдалкарим по прибытии к румийскому двору был после выполнения поручения вознесен и отмечен всевозможными султанскими милостями и возвратился в Курдистан, [получив] почетные халаты, много подарков и повторные грамоты [на звание] *кази* и *муфти*. В ۱۱۳۸/۱۷۲۵-۲۶ году Хане-паша заложил медресе на том месте, где ныне расположен сад, подобный высочайшему раю, а рядом величественный дворец и резиденция эмира (Букв. “обитель эмирата”), и называется [этот сад] Фирдауси.

За короткое время бабанский паша закончил то [строительство]. Там [же] он воздвиг высокий минарет. До времени правления гордости правителей *вали* Аманаллах-хана II сохранилось то сооружение, и мне довелось его увидеть тоже, пока тот просвещенный эмир не посчитал позорным [терпеть] в своих областях построенное чужими. Он разрушил [минарет до] основания и сбросил в воду.

Тогда на востоке миропокорения и миродержавия взошло [солнце] правления Надира ^{۳۸}, лучи /۷۲/ его милостивого существования воссияли над всем Ираном. Он вознес на царствование шаха Тахмасба, который погнал коня на поле [брани] и, чтобы заявить о [своем] существовании, проявлял суетливость (Букв. “тряс головой по углам и с краю”). [Надир] подчинил его своей воле, завладел Ираном и укоротил захватнические руки чужеземцам], посягавшим на страну. Он самолично прибыл помериться [силами] с пашами, которые утвердились в Керманшахане, Хамадане и Курдистан-и Сенне.

Когда произошла битва, войско Рума и Бабана потерпело поражение и было разбито, армия Надира одержала [۹۲] победу. /۷۴/ Большинство благоразумных курдистанцев было убито на поле [брани] и [ли] захвачено в [плен] и заковано в кандалы. В числе убитых были Хусрав-бек *муниш* и Мулла 'Абдалкарим *кази*, среди закованных в кандалы — Мухаммад Кули-бек *вакил*.

После победы и триумфа надиров кортеж прибыл ۱۱۳۲/۱۷۱۹-۲۰ году в Сенендедж. Потребовали Мухаммад Кули-бека *вакила*, который был в числе заключенных, и изволили [спросить]: “Из рода Бани Ардалан есть кто-нибудь достойный правления и власти, дабы мы его вознесли управления владениями дедов, или нет?” Мухаммад-Кули-бек, назвав Субхан-Вирди-хан, сына Мухаммад-хана о нем докладывает в присутствии Надира. Надир вызвал Субхан-Вирди-хана [и] поручил ему управление Курдистан-и Сенне, утвердил на месте его великих отцов

Субхан-Вирди-хан

Пребывающий [ныне] в раю Субхан-Вирди-хан, до того как Рум завладел Ираном, был занят заботой о наследственных имениях в округе Исфандабад ^{۱۳}. Однако во [времена] владычества /۷۰/ румийцев в той стране он был назначен османским султаном управлять Исфандабадом, Гяррусом и Хамсе, поименован Субхан-Вирди-пашой и стал правителем тех трех областей.

Надиров кортеж после утверждения Субхан-Вирди-хана и наведения порядка в тех пределах изволил с многочисленными подарками отбыть в Азербайджан и навел там надлежащий порядок тоже. Затем полумесяц победоносного знамени двинулся (Букв, “всколыхнулся”) в направлении хорасанских владений, и [войско] выступило туда.

Шахом Тахмасбом тоже овладела жажда завоевания, и, руководствуясь желанием покорять страны, он решил завладеть остальными крепостями Азербайджана. По недомыслию после встречи с румийцами он заключил перемирие и снова отдал им принадлежащие [Ирану] области ^{۱۴}.

В это время на Арделан напал со своим воинством брат Хане-паши Халид-паша Бабан, завладел им и в ۱۱۴۴/۱۷۳۱-۳۲ году стал правителем. Субхан-Вирди-хан бежал, после /۷۱/ двух лет правления отбыл из Курдистана с семьей и родственниками и остановился в Тегеране, ожидая [прибытия] Надира.

Надир, освободившись от гератских дел, на крыльях поспешания [устремился] в сторону Азербайджана и Ирака, выступил и ударом десницы храбрецов очистил поверхность Ирана от врагов, большинство чужеземцев побросал во [۹۳] прах смерти и разом освободил страну из захватнических рук румийцев. С помощью войск Надира Субхан-Вирди-хан в ۱۱۴۵/۱۷۳۲-۳۳ году победил бабанское войско (Букв. “силы”) и воссел на престоле дедов.

Когда Надиров кортеж изволил остановиться в городе Хамадане, Хаджи Мустафа-беку Аштарани и Назар 'Али-беку, приближенным его величества, поручили вызвать Субхан-Вирди-хана. По приезде их в Сенендедж [Субхан-Вирди-хан] с помощью пера подобных Меркурию *муниши* принес извинения такого рода: “Из-за господства бабанского паши вилайет Арделана полностью разрушен, и рассчитывать на столь скорое восстановление устоев Сенендеджа — [все равно что] рисовать на воде” — и отказался примкнуть к войску Надира.

Надир, когда ему рассказали об этом, дозволил Субхан-Вирди-хану остаться в вилайете, пока ко двору Надира с жалобой на него (Субхан-Вирди-хана.) не отправилась группа курдистанцев. Обязавшись доставить [Субхан-Вирди-хана к Надиру], они добились его смещения.

Правление Мустафа-хана

По словам Хусрав-бека, Мустафа-хан приходится сыном Мухаммад-хану, однако, как явствует и можно понять из сочинения Муллы Мухаммада Шарифа, [Мустафа-хан] — внук Мухаммад-хана и сын 'Аббас-Кули-хана. Как бы то ни было, когда Субхан-Вирди-хан из-за подстрекательства части населения Курдистана был смещен, на его место назначили Мустафа-хана, и /*VV*/ он стал правителем. Его *вакилем* Надир-шах назначил Назар 'Али-бека, который принадлежал к приближенным его величества.

Упомянутый *вали* был лишен разума и способностей, невежествен и далек от мудрости и разумения и совершенно не мог заниматься судебным разбирательством и управлять. Когда прошло сорок дней его правления, Махмул Сарайи и с ним триста человек решили напасть на Сенендедж. Мустафа-хан оставил ему вилайет без всякого [сопротивления] и бежал.

Будучи занят завоеванием Багдада и той страны, Надир прослышал о восстании и выступлении Мухаммад-хана белуджа в Ширазе. Он навел порядок в Багдаде, направился через Ирак [Персидский] в Фарс и Белуджистан и простер покоряющую страны десницу, чтобы наказать его. Надир по возвращении из пределов Белуджистана, прослышав о наезде Махмуда Сарайи в Арделан и бегстве Мустафа-хана, [᠑᠘] вызвал того лишенного чувства чести [к себе] и предал безжалостному мечу, а Субхан-Вирди-хана, который во время похода входил в [Надирову] свиту и в [число] военачальников, в том же году в третий раз назначил правителем Курдистана.

Когда Мустафа-хан умер, [сраженный] кинжалом возмездия Надира, Субхан-Вирди-хан независимо [утвердился] на троне эмирата

/*VV*/ Поскольку во время [этих] волнений область Сенендеджа подверглась неисчислимым разрушениям и по причине увеличения поборов в казну тот город стал приходить в запустение, Субхан-Вирди-хан доложил об отсутствии порядка в области и о разорении подданных. Он установил выплату [суммы в] семь тысяч туманов из мал-и диван VI за счет доходов (Букв, “жалованья”) своих и знати Курдистана, и благодаря этому *раййяты* обрели спасение. Таким образом он правил еще шесть лет при полной независимости, совершенном величии и славе.

В это время его сын Хан Ахмад-хан и несколько великих [людей] Курдистана, как-то: Аллах-Вирди-бек, Хасан-бек Мир-Искандари и еще пятьсот человек из прославленных [курдистанцев] — вместе с искушенными [в сражениях] храбрецами при шахском стремени ходили на Индию и в 1102/1139-40 году возвратились назад. Поскольку в том походе Хан Ахмад-хан проявил чудеса отваги, раскрыл мощную десницу (Букв, “пятерню, [способную] схватить льва”), дабы поразить врагов, им были оказаны услуги и [проявлена] выдающаяся доблесть (Букв, “доблести”), его величество Надир назначил его наместником и в сопровождении Шариф-хана и еще нескольких эмиров отправил в Арделан и поручил [произвести] кадастровую перепись [населения].

Надир-шах вызвал Субхан-Вирди-хана к себе. Поскольку гарем его величества временно находился в Исфахане, в начале [месяца] куся (Девятый месяц иранского солнечного года, соответствует ноябрю—декабрю) он прибыл туда и там отдыхал, пока не наступил [месяц] хамаль (Первый месяц иранского солнечного года, соответствует марту — апрелю). После новогоднего праздника [Надир-шах оттуда] выехал. Когда Надир в окружении более ста тысяч воинов возвращался из похода на Туркестан, в благороднейшем Мазандеране к нему прибыл [Субхан-Вирди-хан] и снискал милости.

/V⁹/ Надир вознес Субхан-Вирди-хана с Хаджжи Сайфаддин-ханом ^{vr} и Мухаммадом Хусайн-ханом, что [⁹•] принадлежали к великим [людям], до звания Оплота державы (Рукн ад-Дауле) и не отвращал чела от их исполненных благоразумия речей.

Когда Надир находился в Казвине, Хан Ахмад-хан, бывший [в то время] в Курдистане *наибом*, понимая (Букв. “видя”), что народ дурным его обращением доведен до отчаяния, [и опасаясь] как бы уважаемый его родитель [Субхан-Вирди-хан] не соизволил возвратиться в вилайет, именем Субхан-Вирди-хана приказал предписать арделанцам значительное и неисчислимое увеличение налоговых обложений (В тексте: *мал-и диван*), дабы с подобающим даром в сопровождении доверенных лиц и везиров, агентов фиска, писцов и военной знати направиться ко двору Надира с жалобой на Субхан-Вирди-хана.

По прибытии в лагерь быстрого (Букв. “бегающего”), как Сатурн, [войска], которое размещалось в Зенджане и Султанийе, [арделанцы] поднесли Надиру подарок, а на следующий день представили податной список вилайета. Но поскольку Субхан-Вирди-хан пользовался [его] расположением, [Надир] на уловку населения Сенне не обратил внимания и не стал вникать в это дело совершенно.

Хан Ахмад-хан догадался, отказался от [своего] намерения и некоторое время спустя, испросил разрешение оставить [государев] порог и выехал в вилайет Арделана. Хан Ахмад-хану по возвращении было поручено собрать с Арделана десять тысяч харваров пшеницы в качестве войскового провианта и доставить в Керенд и Харунабад для нужд военного похода.

Во время выступления Надира в Дагестан, в ۱۱۰۴/۱۷۴۱-۴۲ году, Субхан-Вирди-хан /A•/ получил дозволение снова возвратиться в Курдистан, а своего сына Хан Ахмад-хана с пятьюстами конниками отправил с Надиром в Дагестан. Одновременно четыре тысячи узбекских и афганских конников под предводительством 'Ашур-хана были оставлены в распоряжении Субхан-Вирди-хана, дабы в случае необходимости он их использовал и наказал сборище билбасов, которые болтали о вражде, искушаемые дьяволом.

Высокодостойный хан по прибытии в Курдистан вместе с порученным [ему] войском направился в области билбасов, стал их разорять и грабить. Противники были вынуждены покориться, обязались служить казне и платить налоги ^{vr}. В летовьях (Букв. “на лугу”) Султанийе они преподнесли Надиру подобающий дар, а Субхан-Вирди-хан с победой и счастьем возвратился в [свой] вилайет. [⁹•]

Мухаммад-Кули-беку *вакилу* ранее было поручено [составить] кадастровую перепись Арделана. Три-четыре месяца спустя после прибытия Субхан-Вирди-хана он ее подготовил, представил в Дагестане податной список на государево обозрение и снискал одобрение.

Там Надир отозвал [к себе] Субхан-Вирди-хана снова, а Хан Ахмад-хана, который во время завоевания Дагестана проявил выдающуюся храбрость и завладел крепостью Маку (В тексте: ***) — ее держали в осаде два года, и победоносное На-дирово войско ее не покорило,— назначил и вознес до управления Арделаном. Мухаммад-Кули-'беку же он даровал должность *вакила* при нем и возвысил.

/A⁹/ Хан Ахмад-хан II

Когда [Хан Ахмад-хан] был вознесен до управления Арделаном и оперся о подушку власти, он изменился в обхождении; область Сенне украсилась благодаря его щедрости и

великодушию, и ржавчина печали стерлась с памяти знати и простонародья. Все старания он обращал на оберегание владений и подданных, прикладывал непомерные усилия, препятствуя злодеям.

Некоторое время спустя в Курдистан-и Сенне [начался] такой сильный голод, что хлеб покупали [ценою] жизни (Букв, “за душу”). Хан Ахмад-хан раздал жителям области собранные для нужд армии Надира пшеницу и ячмень в надежде избавить их от мук голода, а также потому, что область была совершенно разорена и народ Арделана утратил стойкость (Букв, “устои стойкости были затоплены водой”). [Хан Ахмад-хан] покусился на Надировы амбары и соизволил удовлетворить людей, одарив [их] пшеницей и ячменем.

Затем он задумался о могуществе Надира, направился в Румскую державу просить помощи. [Пока он находился] в пути, Захир-бек джаф проявил в отношении его враждебность, но Хан Ахмад-хан II его обезглавил за содеянное и отослал в области небытия. Халид-паша Бабан, тоже прослышав о его выступлении, поспешил к нему навстречу, обошелся с ним по-дружески и как единомышленник.

Хан Ахмад-хан после нескольких дней, проведенных в той области, изволил направиться в сторону Мосула. Правитель Мосула проявил в отношении его лицемерие и надменность и запер крепостные ворота. Они перерезали узы согласия и, стреляя из пушек и ружей с высоты [крепостных] башен, разожгли огонь битвы. При виде такого дела благородный [⁹V] хан пришел в ярость, с храбрецами, [что были при его] стремени, острыми шпорами /Λʹ/ погнал [своего скакуна в бой], силой и натиском покорил мосульскую крепость. Здешний правитель же, согласно повелению судьбы и предписанию [божественного] предопределения, скончался, пораженный мечом богатырей.

Оттуда [Хан Ахмад-хан] отбыл в сторону Диарбекира и Халеба. Управители тех областей встретили [его] с покорностью и извинениями и отнеслись к его приезду с почтением. Таким образом он прибыл ко двору султана.

Османский султан, султан Махмуд ^{v₄}, воспринял его прибытие (Букв, “присутствие”.). с удовлетворением, послал ему навстречу его благородие великого везира с другими везирами, шейх ал-исламами и диван-эфендиями. При встрече они оказали ему много знаков внимания.

Уезжая, Хан Ахмад-хан назначил на должность *наиба* деда Хусрав-бека, сочинителя *Та'рих ал-акрад* ^{v₅}, Манучихр-бека Бани Ардалана по причине его преклонного возраста и искушенности в делах. Надир, узнав о том, что произошло, вызвал Манучихр-бека и расспросил про обстоятельства [дела]. Тот подробно (Букв, “качественно и количественно”.). рассказал про голод и дороговизну в вилайете [Курдистана], про бедность жителей и *раййатов*, и, по его совету в Курдистан снова был направлен Субхан-Вирди-хан ^{v₆}.

Население Арделанского вилайета, которое с отъездом Хан Ахмад-хана, опасаясь войны и сражений и страшась Надировой мощи, разбежалось было по сторонам и покинуло родные места, поспешило к себе на родину и обрело под сенью его щедрости спокойствие и отдохновение.

Османским двором в распоряжение Хан Ахмад-хана были определены несметные войска и многочисленные отряды, предназначенные (В тексте: “и предназначены”.). для войны с Ираном. Они выступили через Эрзурум с коварной целью. Надир собственной персоной

тоже поспешил навстречу, после /٨٧/ [обоюдных] усилий и стараний разгромил Хан Ахмад-хана и турецкое воинство прогнал силою [своей] мощи.

Хан Ахмад-хан с многочисленным войском и в сопровождении прославленных румских полководцев [еще] два-три раза выступал через Мосул и Багдад, желая завоевать Курдистан-и Сенне и те области. Но успеха они не добились, после битвы и сражения вынуждены были покрыть себя позором бегства и бежали в области Рума.

[Так продолжалось], пока Надир-шах и турецкий султан не свернули ковер разногласий и не накрыли [стол для] [٩٨] пиршества единодушия. Поэтому ради мира и на благо обеих держав султан составил на славное имя Хан Ахмад-хана грамоту на управление Адрианополием, что принадлежит к величайшим городам Рума, и отправил его в ту область. Таким образом, подобно птице-фениксу распростер он сень [своей] милости над головами жителей той области, отказался от желания стать правителем Курдистан-и Сенне. Там он и приобщился к милости Владыки обоих миров.

Рассказывают, когда он находился в Турции и от него по какому-нибудь важному делу направлялись в Сенендедж люди, они пребывали под защитой Хаджжи 'Али *калантара* (моего высочайшего прародителя), пока, исполнив [свое] дело, не отправлялись долгим и далеким путем снова в Турцию.

После его смерти турецкий султан [приказал] определить стоимость оставленного им в наследство имущества и сохранить, а его [приумноженный] вдвойне капитал поручил везиру Багдада, дабы тот передал наследникам и людям достойным. Субхан-Вирди-хан для получения этих денег послал известного Мулла 'Абдаррахима. Тот деньги у везира Багдада взял и представил [Субхан-Вирди-хану].

В это время при завоевании Багдада Надир потерпел неудачу и проявил слабость, а потому не отпустил поводья самообладания до [самого] Хамадана и в этом /٨٤/ городе оставался сорок дней, пока разбежавшееся войско к нему не возвратилось. Из большинства городов он потребовал ополчения, в том числе и войско Арделана во главе с Хасан 'Али-султаном, сыном 'Аббас-Кули-хана *вали*, и Мухаммадом Са'ид султаном. После бесчисленных приготовлений они присоединились к армии Надира.

В это время Малик Хусайн-бек *калантар*, ответственный за сбор войскового провианта, не справился с поручением, был вынужден бежать и в Берде (В тексте: ***) примкнул к войску Надира. Свою неудачу он вменил в вину Субхан-Вирди-хану и приписал предпринятым им действиям. Надир был этим огорчен и в ١١٥٨/١٧٤٥ году сместил Субхан-Вирди-хана, назначил управляющим в Сенне Маула-Вирди-хана Каджара Казвини, а Субхан-Вирди-хана [определил] на должность *беглербега* Тегерана.

Правление Маула-Вирди-хана

[Маула-Вирди-хан] по его приезде не нашел в себе силы управлять, поскольку область [пребывала] в запустении, знатные и благородные, подданные и бедняки разбежались. [٩٩] Он убрал от вилайета владетельную десницу и совершенно не вмешивался в дела государственные и финансовые. В конце концов, когда обстоятельства дела стали ведомы Надиру, через шесть месяцев он его сместил, и правителем вилайета тогда в шестой раз стал Субхан-Вирди-хан. Однако на этот раз его правление продолжалось не более трех-четырёх месяцев, и благодаря ходатайству Салим-паши Бабана, который изменил Руму и утвердился под сенью покровительства Надира, управление Арделаном препоручили сыну

'Аббас-Кули-хана Хасан 'Али-султану, который с ополчением Арделана служил в Надировом войске.

/١٨٠/ Хасан 'Али-хан ибн 'Аббас-Кули-хан

Когда Хасан 'Али-хан вознесся до поста правителя и возвысился до звания эмира, он, как и его предки, с эмирами и вельможами во всем обходился по-хорошему, подданных своим существованием изволил осчастливить и возрадовать. В это время от государя поступил [непререкаемый], как судьба, приказ вызвать Мухаммад-Кули-бека *вакила*. Когда он прибыл, ко двору шаха поспешили 'Абдаллах-султан Бараз ^{١٧٤٦} и 'Али-хан Айлаки (Лилахи) с несколькими уважаемыми людьми вилайета, желая повредить *вакилу*. Допущенные им в вилайете злоупотребления (Букв, “излишки”.) они зафиксировали в писцовых книгах и представили на обозрение [Надиру].

После нескольких упреков и обращений Надир [приказал] его заковать в кандалы за неверное исчисление [налогов] и дурное его обращение с населением области. В наказание тому несчастному приказали [выплатить] сумму в пять тысяч туманов и в сопровождении строгих и суровых сборщиков податей его отправили в обитель правления [Сенендедж]. После неисчислимых пыток и мучений, с помощью тысячи всевозможных притеснений они получили сумму в одну тысячу туманов, по приказу Надира вырвали из глазниц его зоркие очи и возвратились ко двору государя.

Год спустя за такую же провинность Надир сместил Хасан 'Али-хана с управления Арделаном и в ١١٥٩/١٧٤٦ году снова провозгласил Субхан-Вирди-хана /١٨١/ правителем Курдистана — в седьмой раз. Таким образом, вышеупомянутый возвратился в вилайет [Курдистана]. Тогда же Йахйя-беку Аштарани, Муртаза-Кули-беку Зангане и Касим-хану *сархад-беку* ^{١٧٤٦} Афшари было поручено помочь ему взыскать с Мухаммад-Кули-бека остаток штрафа.

По приезде в Сенендедж прибегли к всевозможным [١٨٢] пыткам и наказаниям, однако не получили ни динара из недостающей суммы, и Надир изволил вызвать сборщиков к себе. Те несчастные, страшась мощи жестокого владыки, были вынуждены обратиться в бегство и бежали в вилайет Рума. В это время [Надир] снова сместил Субхан-Вирди-хана и управляющим (*Забитом.*) Арделана назначил Мухаммада Риза-бека Гурджи.

Правление Мухаммада Риза-бека Гурджи

Мухаммад Риза-бек был мужем злонравным и распутным, грубым и коварным, так что его злонравием и жестокостью, раздражительностью и нечистоплотностью были доведены до отчаяния самые высокопоставленные] и ничтожнейшие. Они обратились с жалобой ко двору Надира, сполна поведали про его сквернословие и распутство. Надир, дабы оказать покровительство беднякам, спасти несчастных и благоустроить вилайет, в восьмой раз [назначил правителем] Субхан-Вирди-хана *вали*, а Мухаммада Риза-бека с управления сместил.

/١٨٢/ Правление Субхан-Вирди-хана (в восьмой раз)

Воистину,

[бейт:]

Таков обычай [этого] бренного мира —
То приносит радость, то [причиняет] страдание и горе.

Когда Субхан-Вирди-хан по приказу Надира в восьмой раз взошел на ступени вознесения, он решил заняться сбором податей и вернуть (Букв, “собрать”) подданных и войско. Однако из-за [наступившей] в области разрухи и обнищания народа, какого рода решения он ни принимал и какими благими намерениями ни руководствовался, из требуемой суммы не собрали ни единого динара.

Тем временем стало известно, что [в Арделан] направляются четыре тысячи афганских конников, чтобы востребовать с Сенендеджского вилайета оставшиеся [подати] и получить с Мухаммад-Кули-бека остаток штрафа. *Раийяты* и крестьяне, даже ханы и знать тоже,— все отчаялись в жизни, сговорились и задумали бежать, когда в ۱۱۶۰/۱۷۴۷ году стало известно об убийстве Надир-шаха. Люди сразу успокоились и избавились [от страха].

Тем временем отряд афганцев, посланный в Курдистан с поручением, задумал разорить и ограбить [область]. Но Субхан-Вирди-хан по здравом размышлении пригласил [к ۱۰۱] себе] их предводителей и с глазу на глаз изволил сказать: “В окрестностях вилайета есть несколько племен скотоводов, которые весьма сильны и отважны. Радея о пользе дела и интересах вилайета, мы обстоятельства их дел скрывали от Надира, старались сохранить в тайне. Теперь, когда известие о смерти и убийстве Надира дошло до их главарей и предводителей, в великой радости /۱۱/ и ликовании, что [могут] напасть на вас и ограбить, они прислали нам многочисленные послания: [мол], получив дозволение, они поспешат в вилайет и разграбят ваше имущество.

Поскольку за время вашего пребывания [здесь] мы не видели ни единого поступка [вашего, совершенного] иначе, как из добропорядочности и чистосердечия, и ничего дурного вы не совершали, мы на это не пошли. Однако добрый вам совет: до их прибытия уладить свои дела и где-нибудь обрести спасение”.

Афганское сборище, услышав такую весть, растерялось и было вынуждено бежать. До города Хамадана они ни минутки нигде не отдохнули и, разграбив тот город, выехали в свой вилайет.

Во время смут, что имели место в Иране, среди жителей Курдистана тоже случились разногласия. Когда Субхан-Вирди-хан для оказания помощи и поддержки Ибрахим-шаху ^{۹۹} присоединился к его армии, Хасан 'Али-хан в ۱۱۶۱/۱۷۴۸ году провозгласил себя правителем Курдистана. Однако Джа'фар-султан и Мухаммад 'Али-султан Банейи выступили в поддержку Субхан-Вирди-хана и снова поставили его на правление и привезли в область Сенне. Немного времени спустя Хасан 'Али-хан снова стал правителем (۱۱۶۲/۱۷۴۸-۴۹ год), а Субхан-Вирди-хан был вынужден вместе с семьей уехать и поселился в Хамадане.

Понимая, что величие и власть зависят от предопределения щедрого, неподкупного [Владыки], не от могущества и дарования, он не помышлял более о правлении. Он прожил там пять лет, пока не приобщился к милости Господа. Оттуда его тело взяли, привезли на гору /۱۱/ Шейда — местность в Эйлаке и место захоронения двух [велико]мучеников — и там погребли ^{۱۰۲}.

Рассказ Мулла Мухаммад Шарифа таков, как [мы] написали пером изъяснения. Однако, как утверждает Хусрав-бек ^{۱۰۱} Мусаннаф (Букв, “историк”), когда в ۱۱۶۱/۱۷۴۸ году Субхан-Вирди-хана в первый раз сместили и назначили Хасан 'Али-хана, он соизволил выехать в Хамадан и в том же году умер. Через шесть месяцев его тело взяли, отвезли на то самое место, что было упомянуто, и похоронили. У меня больше доверия [۱۰۲] к

первому рассказу. Почему? Потому что, будучи дочерью уважаемого родителя, я воспитывалась при том высоком: семействе и удостоилась стать женой (Букв, “сожительствовать”) высокорожденного *вали* Хусрав-хана, сына Аманаллах-хана — да будет им земля пухом! Он иногда рассказывал о своем детстве, о [том как] семья *вали* останавливалась в Хамадане, рассказывал предания. Как можно понять из того, его высочество [Субхан-Вирди-хан] оставался [там] пять лет — а Аллах знает лучше!

Хасан 'Али-хан

Когда покойный Субхан-Вирди-хан расстался с невестой власти, полную независимость в делах правления обрел его племянник Хасан 'Али-хан. Поскольку ему покорились и подчинились более десяти тысяч человек из племен афганских, узбекских, кызылбашских, *калийа'и* и курдских *хашамов* и они находились при его стремени, [Хасан 'Али-хан] возымел всю полноту власти. Курдистан стал в целом / ۹۰ / благоустраиваться, и [Хасан 'Али-хан] мало-помалу начал важничать и возгордился. “Я — верховный господин ваш!” — возгласил он обитателям мира и, возомнив о себе, (Букв, “сгустив в башне мозга туман [само]мнения”) в каждую сторону простер захватническую десницу и стал совершать набеги на соседей.

В это время Михр 'Али-хан, который жил по соседству с племенем зендов и от дурного их поведения беспрестанно терпел горести и огорчения, не находя в себе сил оказать им сопротивление, был вынужден обратиться в Курдистан за помощью и испросил у Хасан 'Али-хана *вали* содействие.

Хасан 'Али-хан, пребывая в полной боевой готовности, по просьбе Михр 'Али-хана устремил помыслы на [то, чтобы] пресечь злодеяния зендов, произвел смотр арделанского войска, храбрецов аширатов и отрядов из узбеков и афганцев и выступил, (чтобы с ними) сразиться.

Когда он приблизился к зендским границам (В тексте: “границы”), Карим-хан, Шайх 'Али-хан и Искандар-хан собрали из героев-зендов несметную армию и отважно поспешили навстречу Хасан 'Али-хану. В окрестностях Малаира обе армии встретились и решили сразиться. Встреча двух войск произошла в ۱۱۶۲/۱۷۴۸-۴۹ году. По обе стороны храбрецы встали ряд в ряд. После [боевого] смотра богатыри обеих армий (Букв, “обеих группировок”) напали [۱۰۳] друг на друга с обнаженными мечами и проявили чудеса храбрости. В результате многие (Букв, “большинство”) прославленные зенгене и зенды пали во прах смерти, сраженные мечом и копьем, большинство их было перебито.

После боевых действий милостью всемогущего Судьи ветерок победы подул на войско Арделана, остатки зендов обратились в бегство, и победоносной армии достались несметные богатства. После [одержанной] победы Хасан 'Али-хан изволил пожаловать в принадлежавший Михр 'Али-хану вилайет / ۹۱ / и утвердил его правителем. Оттуда с достойными дарами и неисчислимыми подношениями он повернул [назад] и пожаловал в Курдистан. Не прошла и самая малость [времени], как Хасан 'Али-хан начал враждовать с Имам-Кули-ханом Зангане тоже. Подробное [изъяснение] событий таково.

После убийства Надира его племянники 'Али-шах ^{۹۲} и Ибрахим-шах несколько раз притязали на царство, и оба на два-три месяца возносили голову из воротника могущества. Однако ковер их [власти] был свернут тоже. Любой, у кого была сила, становился теперь из безвестности (Букв, “из уголка”) обладателем короны и знамени, в том числе Имам-Кули-хан Зангане, который находился в Керманшахане. Он собрал огромное войско из племен и *илей* зенгене, калхор, горан и других *таифе* и *хашамов*

Керманшахана, возгордился своими канонирами и пушкарями, большим числом пушек и огнестрельного оружия, многочисленной и организованной армией и забил в литавры самовосхваления.

Первым делом он посягнул на деревни, [расположенные] близ Арделана. В Билаваре, который находится по соседству с Керманшахом, по его указанию начали злодействовать местные управляющие и притеснять жителей. Благородный Хасан 'Али-хан, принимая во внимание добрососедство и дружбу, два-три раза изволил обстоятельно уведомлять [его] о происходящем, указывал ему путь истинный и правильный, но бесполезно.

В конце концов Имам-Кулшхан самолично, [желая] проявить отвагу и злобность, показать доблесть и заняться грабежом, выступил из Керманшахана с тем сборищем и дошел до Билавара, предал те области разрушению и истоптал копытами своих коней. Это привело Хасан 'Али-хана в ярость. На крыльях поспешания выступил он из Курдистан-и / ٩٢ / Сенне со своими отрядами на битву, и в Билаваре противники встретились. Львы Арделана приняли воинов Имам-Кули-хана за лисиц. Испросив у правосудного [всевышнего] Судьи победу и успех, подобно искушенному [в сражениях] [١٠٤] льву, напали они на его воинство и в первой же атаке то несметное войско победили. Большинство его людей перебили, взяли в плен и захватили.

Сам Имам-Кули-хан спасся с [помощью] тысячи хитростей и с небольшим числом своих сторонников стал скитальцем (Букв, “направился”) в стране бедствий. Их пушки и замбураки ^{١٠٥}, шатры, палатки и [военные] трофеи достались победоносным борцам за веру. После дележа добычи Хасан 'Али-хан назначил правителей в Керманшахане, Малаире, Сонкоре, Гульпайгане, Боруджирде, Каззазе, Фарахане и в большинстве мест Ирака [Персидского] и с победой возвратился в вилайет Арделана.

В конце того же года державой рода 'Усмана был смещен с [должности] правителя Бабана Сулайман-паша, на правление там назначили его племянника Салим-пашу ^{١٠٦}. Сулайман-паша был вынужден прибегнуть к покровительству Хасан 'Али-хана. У него они испросили помощь и содействие и некоторое время тоже находились в Курдистан-и Сенне.

Тем временем Салим-паша обратился к Хасан 'Али-хану с просьбой, распахнул пред ним врата дружбы и единодушия: мол, “я буду править или Сулайман-паша, вам от того не будет выгоды и ущерба, пользы и вреда. Будучи [вашими] соседями (Букв, “при таком соседстве”), мы [оба] готовы к дружбе с той державой кто бы [из нас] ни стал правителем. Поэтому оказывать пренебрежение нам и помощь Сулайман-паше вам не следует. Напротив, господину нужно помирить обе стороны”.

/ ٩٣ / Когда прибыл посланец паши и [Хасан 'Али-хан] познакомился с его письмом, ответ он изволил написать весьма надменный, такого содержания: “Поскольку Сулайман-паша обратился к нам за покровительством, [мы] обязаны оказать ему помощь и поддержку”.

Когда посланец паши возвратился и тот ознакомился с ответом (Букв, “с содержанием страницы”) [Хасан 'Али-хана], [Салим-паша] доложил о положении дел везиру Багдада и испросил у него совет, как его поправить. Везир через одного из великих [сановников] Багдада тоже заявил Хасан 'Али-хану: “Бабанский вилайет принадлежит роду 'Усмана. Смещение и назначение их *ха-кимов* и пашей будет зависеть от усмотрения и одобрения столпов султанской державы и везиров Османского халифата. Сулайман-паша нами смещен, а Салим-паша назначен. Господину *вали* было написано в духе (Букв, “в мире”) дружбы и [добрососедства] послание, дабы он соблаговолил больше не [١٠٥]

поддерживать одну сторону и не унижать другую (Букв, “прекратить поддержку или унижение обеих сторон:). В противном случае, вопреки обычаю радушия и расположения, я поручу *кяхйе* с несметными войсками оказать помощь Салим-паше и завоевать ту область, отрину обычай взаимного согласия и сокрушу устои дружбы”.

Поскольку вечным и бессмертным [Богом] было предопределено и предписано поражение Хасан 'Али-хана и в зеркале [божественного] предначертания запечатлелся упадок власти того прославленного семейства, он совершенно не принял во внимание вмешательство (Букв, “общение с везиром”) везира и советы несравненных *пиров*. В ответе везиру он положился на лезвие меча, и посланец [везира] возвратился в страхе и разочаровании.

Везир тоже был этим обижен, и из обители везирата — [Багдада] поступил приказ *кяхйе* вместе с арабскими *аши-ратами* и янычарами, с *хашам-агаси* — правителем Мосула, с правителем Коя 'Усман-пашой и правителем Харира Куч-пашой прийти Салим-паше на помощь и приложить необходимые усилия для завоевания Арделана и устранения Хасан 'Али-хана. Назначенные войска, / ٩٤/ [численность] которых превышала двадцать тысяч человек, выступили из своих родных [мест], присоединились к Салим-паше и начали разорять Курдистан-и Сенне.

Услышав такое известие, Хасан 'Али-хан тоже произвел смотр своего войска и с десятью тысячами человек решил выступить навстречу. Желая закончить спор, Салим-паша еще раз послал к Хасан 'Али-хану своего сына Фархад-хана с призывом [к благоразумию] и распахнул врата примирения. [Снова] прибегли к дружбе.

Когда Фархад-хан приехал в Сенендедж и выполнил то, ради чего был направлен, Хасан 'Али-хан вызвал благородных и знать и стал с ними по тому поводу совещаться. Мулла Мустафа Шайх ал-Ислам и Ибрахим-бек *вакил* сочли благоразумным [следовать] путем примирения, дружбы и согласия обеих сторон. Они заявили: “Кого бы Османская держава ни назначила на правление, мы тоже будем следовать в отношении его путем дружбы и [добро] соседства и намерены жить с ними в согласии и единомушии”.

Однако 'Абдаллах-султан Бараз, что удостоился чести [стать] зятем Хасан 'Али-хана, с Мулла Хусайном рассудили так: “Поскольку Сулайман-паша изменил державе рода 'Усмана и прибег к покровительству *вали* Курдистана, позор для [нашего] семейства и бесчестье для этих рубежей, если мы отнимем у него надежду и поведем дружбу с его [١٠٦] врагом. Боеготовность [армии] владыки хана велика, и победоносные войска при его стремени невозможно пересчитать. Следует не хитрости и уловки выдумывать а помочь Сулайман-паше”.

Сын Хан Ахмад-хана Хусрав-хан, Джа'фар-султан и другие знатные [люди] Курдистана одобрили мнение Ибрахим-бека и Мулла Мустафы, засвидетельствовали истинность их правдивых / ٩٥/ и справедливых слов.

Хасан 'Али-хан, несмотря на то что в начале его правления Салим-паша, как уже описано выше, находился в армии Ибрахим-шаха и они имели обыкновение вмешиваться (Букв, “посредничать”) в его дела, по врожденной гордости посчитал справедливым мнение 'Абдаллах-султана, дал ответ Фархад-хану, и они выступили на встречу с врагом.

Истинно, [двустиише;]

Сказала я, что заблуждался он и поступать следовало иначе!
[Но] какие могут быть разговоры — таково было предопределение [Бога]!

По прибытии сына, услышав вести, Салим-паша вместе с военачальниками и другими пашами пошел на Мариван. С этой стороны выступил Хасан 'Али-хан с Мухаммедом Амин-ханом Гарруси, желая сразиться, и у края Мариванской долины противники встретились.

С обеих сторон храбрецы отважно бросились друг на друга. От молний, [высекаемых] их копьями, [эти] львы стали цвета шафрана; от искр, [летевших] от мечей героев, до смерти напугалась Венера; от блеска кинжалов смельчаков печень Марса превратилась в жаркое. С утра до вечера пылал огонь битвы, и в пламени боя сгорали души отважных.

В конце концов знамя мощи арделанцев поникло, они вынуждены были бежать и бежали. Сулайман-паша, из-за которого началась эта смута, [спасся] бегством со считанным числом своих приверженцев. Хасан 'Али-хан же в благословенном месяце рамазане ١١٦٣/августе ١٧٥٠ года прибыл в Сенендедж, сожалея о содеянном. За ним следом прибыли *кяхйя* с другими пашами, и, узнав об этом, [Хасан 'Али-хан] бежал в сторону Лейлаха.

Паши остановились в [деревне] Камиз [▲], их армия и войско / ٩ ٧ / превратились в [беспорядочное] сборище (Букв, “приняли вид скопления людей”). Они грабили вилайет, притесняли мусульман, армян [▲] и евреев, провели в таких занятиях в Сенендедже тринадцать дней и завладели всем имуществом курдистанцев. Большинство состоятельных семей они выселили, отослали в Сулейманию, [١٠٧] Кой и Харир, а через некоторое время и сами с победой и торжеством отправились восвояси.

Когда паша возвратился назад, Хасан 'Али-хан прибыл (Букв, “возвратился”) в город Сенендедж и, поддерживаемый Хусрав-беком, Михр 'Али-султаном и Наджаф-Кули-беком, которые принадлежали к великим [людям] Курдистана, изыскивал пути восстановления и благоустройства вилайета.

Ибрахим-бек *вакил*, который при встрече Хасан 'Али-хана с армиями Бабана и Рума выступил против [своего] благодетеля, изменил его армиям и стал причиной поражения ханского войска, примкнул к его врагам. Когда бабан-ское войско завладело Арделаном, он тоже вместе с ними прибыл в вилайет и выехал оттуда в Равансар и деревни той области. В деревне Элык он приступил к завершению [строительства] могучей крепости / ٩ ٧ / и там укрылся. Он завладел также Паланганом и Билаваром, начал бунтовать и своевольничать, распахнув пред собой врата неблагодарности за [оказанные] благодеяния. Те, что во время бабанской смуты какую-то малость утаили, бежали из Курдистана и присоединились к нему.

[Так продолжалось], пока по его указанию и совету Карим-хан и Шайх 'Али-хан Занды не посчитали момент подходящим и не направились в Арделан для отмщения со своими племенами и приверженцами, с *аширатами* Керманшахана и зенгене, что составляли более двадцати тысяч конников, с намерением разорить эту область.

Хасан 'Али-хан, услышав эту весть, огорчился и опечалился. Поскольку листы его положения поблекли и выпали из переплета, он не нашел в себе сил выступить [на поле брани] и в [поисках] выхода положился на разумение и усмотрение старейшин. После совета и совещания — [полустишие:]

Уселись, поговорили, встали! —

сочли благоразумным [следующее]. Полюс просвещенных Шайх Мухаммад Васим отвезет в Авроман бедняков и нищих, подонков и чернь, а сам окажет отпор. Мулла

Мустафа шейх ал-ислам вместе с Наджаф-Кули-беком отправится в лагерь Карим-хана, изъяснит им подробно разоренное и расстроеное положение жителей Курдистана, грабительские действия турок и бабанцев и прибегнет к обычаю согласия. В жены Карим-хану отдадут сестру Хасан 'Али-хана, дабы вражда сменилась примирением, бедняки и подданные отдохнули от тягот военных походов. И обоюдного блага ради, чтобы между сторонами воцарились мир и благоденствие сестру Карим-хана получит в жены Хасан 'Али-хан. [١٠٨]

После совещания Шайх Мухаммад Басим и остальные направились в Авроман, а Мулла Мустафа / ٩٧/ и Наджаф-Кули-бек — в лагерь Карим-хана. После их отъезда Хасан 'Али-хан тоже отослал свою семью и домочадцев в крепость Кара Това, что было могущественным укреплением, а сам стал ждать ответа.

Когда благородные [курдистанцы] прибыли к Карим-хану и запросили мира, тот изволил ответить и ларец [красно]речия открыл таким насхом (Название персидско-арабского почерка): “Родство наше с ними старинное, а дружба и любовь наших двух семейств искренние. У Субхан-Вирди-хана с нами родственные связи были и есть, и нет необходимости породниться еще раз. В любом случае мы должны увидеть вилайет племянника. Наш долг — повергнуть в ту сторону и постараться навести там порядок в делах”.

Посланцы Хасан 'Али-хана поручили красноречивому гонцу обо всем [ему] поведать и в тот же день известили Хасан 'Али-хана, что Карим-хан вот-вот прибудет. Как только Хасан 'Али-хан услышал, что произошло, он бежал в крепость Кара Това и там засел. Карим-хан же на следующий день вступил в Сенне в теплую летнюю пору и стал грабить и захватывать имущество несчастных — мусульман, христиан и евреев, которые остались в городе.

Сулайман-паша, который бежал от воинов Салим-паши Бабана и румийцев и скитался среди гор и каменистых [отрогов] Палангана, прослышав о выступлении Карим-хана в Арделан, тотчас прибыл в Сенендедж и присоединился к его войску.

По приезде [в Сенне] Карим-хан остановился в пятничной мечети, а городские мечети и медресе превратил в конюшни для вьючных животных и в казармы для [жаждущего] места войска. Семью и родственников Субхан-Вирди-хана, которые по своей бедности / ٩٩/ остались в городе, тоже подвергли притеснениям и обидам. Те оставили то небольшое, чем владели, и скрылись.

Сын Хан Ахмад-хана Хусрав-хан остался (Букв, “который остался”) там тоже в надежде, что, быть может, ему будет поручено навести порядок в Курдистане. Когда [Хусрав-хан] по поручению Карим-хана выехал было в Авроман, чтобы снискать расположение Шайх Мухаммад Васима и жителей Сенне, он посчитал момент подходящим и воспользовался этим, чтобы спастись, он отвернулся от Карим-хана и остался там.

Отсюда (Из Сенендеджа.) к Хасан 'Али-хану тоже были направлены умные люди, чтобы войти к нему в доверие, однако [١٠٩] отчаялись выполнить дело и возвратились назад. Затем Карим-хан поручил Шайх 'Али-хану с многочисленным войском захватить крепость Кара Това. Однако, поскольку в крепости были соответствующие запасы продовольствия и Хасан 'Али-хан, который засел [там] с тремястами благородными и знатными [курдистанцами], неколебимо решил сражаться. Сколько отряды Карим-хана ни старались стрелять из пушек и ружей, в конце концов они возвратились ни с чем.

Те, кому с многочисленными отрядами (Букв, “силами”) было поручено завоевать Авроман и захватить Шайх Васима и жителей Сенне, тоже обратились в бегство, не добившись победы и успеха, и возвратились назад. Услышав такие вести, Карим-хан пришел в ярость, от искр [пламени его гнева] сгорела большая часть домов и строений, мечетей и медресе, великие устои сравнялись с прахом.

Затем [Карим-хан] выступил в [поход], устроил набег на Гяррус, ограбил дом здешнего правителя Мухаммад Амин-хана и других жителей Биджара. Были взяты в плен и захвачены несколько их дочерей и жен. В том числе насильно притащили Хуршид-ханум, дочь /'••/ Мухаммада Амин-хана, и [Карим-хан] взял ее в жены. Мухаммад Амин-хана основательно наказали палками, затем взяли с собой и отправили вместе с Сулайман-пашой Бабаном в Ирак [Персидский].

После ухода Карим-хана Хасан 'Али-хан оставил крепость Кара Това и прибыл в [Сенендеджский] Курдистан. Увидев область в таком состоянии и подданных в полном унынии, он был вынужден выразить покорность Азад-хану Афгану, что болтал в Азербайджане о царствовании, и укрепить с ним связи. В это же время ко двору Азад-хана поспешил с тысячей человек Салим-паша Бабан и, [представив] подобающий дар, испросил управление Арделаном. Азад-хан из-за богатого (Букв, “обильного”) подношения и по врожденной злобности забыл про обычай величия и справедливости. Он схватил Хасан 'Али-хана, обратившегося к его двору в надежде на власть и благополучие вилайета, заковал в кандалы и передал Салим-паше Бабану.

Салим-паша, который тоже управлял областью Бабан, отослал Хасан 'Али-хана в Кале Чолан ^{AV}, и его держали [там], [соблюдая] полное уважение. Хасан 'Али-хан, когда-то весьма любивший прогулки и охоту, теперь пристрастился к верховой езде и проводил время на охоте. [Так продолжалось], пока в конце концов по подстрекательству бабанцев после семи месяцев заключения в Кале Чолане в ۱۱۶۴/۱۷۵۰-۵۱ году он не был убит по приказанию Салим-паши. Тем [۱۱۰] временем сам паша стал независимо управлять Бабаном. Шахризуром и Арделаном.

Согласно сочинению Хусрав-бека, после того как Салим-паша завладел Курдистаном, Халид-паша Бабан ^{AA} обратился за помощью к везиру Багдада и благодаря посредничеству упомянутого везира османским двором управление Бабаном было передано ему. Салим-паша /'••// поспешил ко двору Азад-хана с просьбой о помощи.

Именно в это время Карим-хан Занд тоже воспользовался удобным случаем, напал на вилайет Курдистана, сровнял то место с прахом, предал огню и ушел. Народ области поставил на правление брата Хасан 'Али-хана Карим-хана, а Салим-пашу прогнал.

Однако по ознакомлении с сочинением Мулла Мухаммад Шарифа *Кази* выясняется, что, после того как Салим-пашу с управления вилайетом Бабана сместили, правителем снова стал Сулайман-паша. Из признательности за великодушие, [оказанное] Хасан 'Али-ханом, который ради него поплатился своим положением и жизнью и, чтобы оказать ему (Сулайман-паше Бабану.) покровительство и помощь, себя обманул и презрел, [Сулайман-паша] выступил посредником перед Даш Тамар-ханом Узбеком, тоже вознесшим знамя самовластия, и с его помощью брат Хасан 'Али-хана Карим-хан утвердился на: троне правления.

Писали также, что в ۱۱۶۴/۱۷۵۰-۵۱ году приказом Азад-хана *вали* Курдистана был утвержден Субхан-Вирди-хан, [затем] его в последний раз тоже сместили и назначили

Карим-хана. Однако, поскольку смерть Субхан-Вирди-хана записана ۱۱۴۷/۱۷۳۴-۳۵ годом, разум[ные] не согласятся с таким утверждением (Букв, “смыслом”).

/ ۱۰ ۴ / Правление Карим-хана б. 'Аббас-Кули-хана

Когда Карим-хан воссел на престол правления, он закрыл перед всеми жителями вилайета врата радости. Злосчастное его существование опечалило мир, жалкая его сущность, наполнила кровью сердца людей. Делами правления он не занимался совсем, не внимал речам благородного и простолюдина (Букв, “низкого”). Вилайет из-за его безрассудства пришел в запустение, работы не велись, не было света и воды. Беспорядок в делах у него дошел до такой степени, что [невозможно описать]. Однажды ночью кто-то из родственников великих [людей] вилайета забрался в чей-то шатер с намерением обворовать. Случайно хозяин дома не спал, и вор был им [] схвачен. На следующий день вора, распрощавшегося с жизнью, со связанными руками отвели к нему (Карим-хану), чтобы предъявить жалобу. После дознания, что произошло, тот невежда вора из оков освободил, а хозяину дома вручил оба его [отрезанных] уха.

Выше упоминалось, что во время столкновения Хасан 'Али-хана с Салим-пашой Ибрахим-бек *вакил* своевольничал в Палангане, Билаваре и тех областях. Теперь, видя, что вилайет [остался] без хозяина и господина, подданные заброшены и в безвыходном состоянии, а [также] поскольку с династией Зандов у него были дружеские отношения, [Ибрахим-бек] снова дал знать Зандам, чтобы они разорили Курдистан и прогнали Карим-хана [Ардалана].

Карим-хан Занд приказал Йар-Вайс-хану с тремя сотнями конников присоединиться к Ибрахим-беку, у которого было двести человек. Упомянутый отряд в первое сорокодневье зимы прибыл в деревню Душан. Карим-хан, несмотря на то что ждал этого, не нашел в себе сил для сражения. Невзирая на обилие снега и мороз, он выехал вместе со знатными [жителями] Сенендеджа, отбыл в Шамийян, относящийся к Авроману, и там они остановились.

/ ۱۰ ۴ / Карим-хан и знатные [жители] Сенендеджа провели в Шамийяне три зимних месяца в крайне бедственном положении, а в начале весны выехали в Шахризур и выразили покорность здешнему паше. Говорят, Карим-хан в том же году умер, и Арделанский Курдистан остался без правителя, пока в ۱۱۶۵/۱۷۵۱-۵۲ году Хусрав-хан б. Хан Ахмад-хан б. Субхан-Вирди-хан самовольно не занялся делами правления и не провозгласил себя властителем. Год провел он, обращаясь с *раийятами* и бедняками ласково и милостиво. Однако в ۱۱۶۶/۱۷۵۲-۵۳ году Салим-паша Бабан с помощью Азад-хана Афгана завладел Курдистан-и Сенне, а на правлении Хусрав-хана начертал [письмена] смещения ^{۸۹}.

Во время правления Салим-паши, хотя великие [люди] Сенне большей частью поселились в вилайете Бабана, те [из них, что] остались, и народ Сенендеджа были очастливлены красотой обхождения Салим-паши, и вилайет начал благоустраиваться. Все подданные, исполнившись радости, начали возделывать землю и строить дома.

Таким образом, Салим-паша правил в Курдистан-и Сенне четыре года, пока в ۱۱۷۰/۱۷۵۶-۵۷ году с помощью Мухаммад Хасан-хана Каджара Хусрав-хан не стал эмиром Арделана и не свернул ковер правления бабанского паши. []

/ ۱۰ ۴ / Хусрав-хан II

Хусрав-хан Второй приходится сыном покойному Хан Ахмад-хану и внуком снискавшему прощение [Аллаха] Субхан-Вирди-хану. Хотя у Субхан-Вирди-хана детей мужеского пола было много — как описано пером изъяснения, его сын Хан Ахмад-хан покинул родину, в румской державе поселился по соседству со [святыми] имамами, от него на память остались два сына, Хусрав-хан и Риза-Кули-хан,— Субхан-Вирди-хан любил Хусрав-хана, который был старшим из сыновей [Хан Ахмад-хана], как сладостную душу, и неизменно счищал ржавчину горя с зеркала своего сердца лицезнением того прославленного. Он ставил его выше других детей, всюду превозносил его превосходство, благородство поведения и чистоту помыслов и (Букв, “так что”) не раз в присутствии прославленных сынов приказывал верным [слугам] державы: “После нас это место сообразно [своим] способностям и воспитанию займет Хусрав” (Игра слов: Хусрав — перс, “властелин” и имя собственное.).

Как бы то ни было, когда в ۱۱۷۰/۱۱۷۶-۵۷ году Хусрав-хан, сын Ахмад-хана, воссел на престол владычества, он закрыл перед подданными врата беспорядка и смуты. Благодаря облаку его благодеяний на лужайке желанья и упования произросли розы счастья, на вилайет снизошел новый свет и неопишемое обновление (Букв, “безграничная свежесть”). Цветник желанья под ветерком его справедливости зазеленел и засмеялся, бутон надежды от благоуханья его щедрот повеселел и улыбнулся.

Бейт сочинительницы [хроники]:

/ ۱۰۵ / Новою красною обновил он мир,
На новый лад украсил царство;
Благодаря его счастливой [судьбе] произросла роза радости,
К старикам вернулась молодость;
С возрождением обычая истинной веры
Его дыхание уподобилось [животворному] дыханию Христа;
У накрытого стола его дарения стал кормиться Хатим,
На ристалище злобы Рустам [укрылся] от него щитом;
В его время от гнета не осталось и следа,
Возродился благодаря ему обычай кесарей и Джама.

Жители вилайета обрадовались, осчастливленные его деяниями, покорились присущему его счастливому существованию величию. Все забили в литавры радости и гордо возвестили добрую весть (Букв, “вознесли выю доброй вести”), избрали стезю *пира* и послушание, вспомнили порядок отцов и дедов, стали следовать обычаю душевной преданности. Изгнанные [было] семьи и беженцы, которые годами ждали обладателя могущества и величия, с радостью возвратились из чужих вилайетов к себе на [۱۱۳] родину, успокоились под защитой благорасположения Хусрава [и] его Марсу [подобной] армии. Они занялись восстановлением домов и возведением [новых] построек, благоустройством имений, пахотных угодий и садов и обрели полную безопасность.

Поскольку город Сенендедж из-за волнений и смут давно был разрушен, лишился блеска и процветания, благородный Хусрав счел разумным, пока вилайет не будет восстановлен учредить резиденцией правителя крепость Хасанаба

Видя его усилия и старания благоустроить [вилайет] и навести порядок, все жители Курдистана изъявили ему покорность и от [всего] сердца и от души повязались поясом беззаветной преданности тому Хусраву, хранимому [Богом], за исключением Мухаммад Рашид-бека *вакила*, сына Ибрахим-бека *вакила*, который после разгрома Хасаи 'Али-хана стал самовольничать и распоряжаться в Алкине, Палантане и Равансаре. В правление Салим-паши он был убит, и на его место воссел его сын Мухаммад Рашид-бек. Когда на троне эмирата утвердился Хусрав II, / ۱۰۷ / он (Мухаммад Рашид-бек.) продолжал болтать о вражде и не обращал внимания [на Хусрав-хана]. Его двоюродные братья Михр 'Али-

султан и Хусрав-бек в Сенендедже тоже не проявили должного повиновения в [ответ] на его обращение.

Вали по здравом размышлении собрал совет и, посовещавшись, посчитал разумным устранить из глав того племени тех двоих, что были зачинщиками смуты, дабы дела далекого и ближнего наладились, а враги были вынуждены сдаться.

Однажды, как было решено, когда Михр 'Али-хан, по заведенному обычаю, пожаловал к [Хусрав-хану] и доложил о своем прибытии, придворным слугам было приказано их заключить под стражу, и по приказу Хусрав-хана они были арестованы. После того как схватили Михр 'Али-султана назначили несколько человек взять Хусрав-бека тоже.

Хусрав-бек по присущей ему гордыне поднял волнение и смуту. Считая себя вторым Рустамом, он решению [*вали*] подчинился. На него напали (**Букв, “после сражения и нападения”**), обезглавили и голову поднесли Хусраву. Когда он был убит, приказали Михр 'Али-султана убить тоже. Таким образом, оба были наказаны за [свои] действия, а их богатствами и имуществом завладел Хусрав-хан.

В это время по наущению Сулайман-паши Бабана чьи *ашираты* и приверженцы остановились в окрестностях Курдистан-и Сенне, чтобы посягать [на владения] Хусрав-хана, Азад-хан Афган решил завоевать Сенендедж и [١١٤] крепость Хасанабад и с двумя тысячами человек пошел на Курдистан. Мухаммад Рашид-бек тоже воспользовался благоприятным моментом и присоединился к нему.

Хусрав-хан, услышав о том, что произошло, выехал из Сенендеджа в Хасанабад, а Азад-хан остановился у подножия крепости. Не раз на поле [брани]; завязывалась битва, и Хусрав-хан побеждал афганское войско. Мухаммад Рашид-бек и Мухаммад / ١٠٧ / Салих-бек Камаре, который принадлежал к числу его сторонников, день ото дня закреплялись [на подступах к крепости] все выше, старались сокрушить устои державы Хусрав-хана. Поэтому, когда Азад-хан бежал, а Мухаммад Салих-бек был захвачен, Хусрав-хан его в наказание за такое дело ослепил и воздал ему [должное].

Поскольку осада крепости затянулась на сорок дней, Хусрав-хан изъяснил подробности [дела] Шайх 'Али-хану Занду, который находился в Хамадане, и попросил у него помощи. Вышеупомянутый выступил со своим войском в сторону Сенендеджа, чтобы сразиться. Однако Азад-хан, прослышав об этом, не нашел выхода, покрыл себя позором бегства и отказался от завоевания крепости. Шайх 'Али-хан поспешил за ним следом. Обратив в бегство афганцев, он ограбил племена Сулайман-паши и через Мераге возвратился в Хамадан.

Говорят, во время осады от афганцев выезжал на поле [брани] всадник и вызывал на битву. И кто из крепости с ним ни сражался, выпивал от лезвия его блестящего меча [напиток] смерти и направлялся в [мир] небытия.

[Так продолжалось], пока однажды личный стремянный [Хусрав-хана] Мухаммад-ака, который приходится дедом Рустам-беку *амир-ахуру*, не воспытал благородным пылом. Он взял (**Букв, “надел”**.) ханское оружие, что находилось в высочайшей конюшне, сел на собственного коня *вали* и направился к афганскому витязю. Среди обитателей крепости поднялось смятение: мол, стремянный Мухаммад, захватив коня и оружие прославленного Хусрава, изменил державе [своего] благодетеля.

Тот искусный [в боях] богатырь вышел навстречу Газанфару Афгану, обнажил меч отваги, при первой [же] атаке отрубил его исполненную тщеславия голову и возвратился в крепость. Вражескую голову он бросил к ногам / ١٠٧/ прославленного Хусрава.

После похвал и [возгласов:] “Браво!” — он был отмечен и вознесен [пожалованием] почетного халата [и] должности начальника конюшен (*Амир-ахура*). И с того времени поныне, [до] времени правления Риза-Кули-хана б. Хусрав-хана б. [١١٥] Аманаллах-хана б. Хусрав-хана II, вот уже девяносто восемь лет эта должность *амир-ахура* принадлежит их семейству.

Из сочиненной Хусрав-беком хроники выясняется что Мухаммад-ака еще до оказания этой услуги по приказу Хусрав-хана ездил посредником в лагерь Азад-ханз и с их (*Хусрав-хана*.) слов Азад-хану сказал: “Хан изволил [передать]: пребывание ваше у подножия горы бесполезно, а твое старание и сопротивление бессмысленны, несмотря на многочисленное войско. Пока я жив и могу двигаться (*Букв, “пока у меня душа в теле и движение в теле”*), крепость завоевать не удастся и дело ваше не продвинется поэтому лучше тебе больше не затруднять себя и не мучить тех мусульман, которых ты вокруг себя собрал. [Если же ты] останешься стоять возле (*Букв, “вокруг”*) крепости, [это] в конце концов принесет тебе бесчестье. Одумайся и уходи восвояси. Эта просьба обречена на неудачу и причинит вам [одно] беспокойство”.

После того как были произнесены эти слова (*Букв, “после того как случилось то, что произошло”*.) и вручили послание [Хусрав-хана], Азад-хан пришел в ярость и сказал: “Если так, то прах на голову Азада!” в конце концов он бежал, не добившись желаемого, таким образом, как это уже указывалось выше.

После этих событий Шайх 'Али-хан, дабы упрочить устои Хамадана, возложил на Курдистан [поставку] зерна и [выплату] больших расходов. Поскольку в это время Хусрав-хан был далеко от обители правления — [Сенендеджа], поддержание порядка в Сенендедже и в крепости Хасанабад было возложено на Мирза 'Абдаллаха — везира, который по материнской линии приходится мне прадедом и Йусуф-бека. Бесцеремонностью зендских сборщиков налогов они были доведены до крайности и в полночь с семьями и домочадцами бежали в сторону Шахризур. / ١٠٩/ Женскую половину дома Хусрав-хана они оставили в крепости Хасанабад и сами скрылись.

Услышав такое известие, Хусрав-хан поспешно прибыл в крепость, вывез в Сенендедж свою семью и слуг и изволил переселить. Затем он разрушил до основания крепость Хасанабад ^{١١٠}, что во времена смуты и мятежа служила прибежищем для злокозненных врагов, и с того времени поныне она пребывает в развалинах.

Когда Карим-хан Занд вознес перед Мухаммад Хасан-ханом Каджаром ^{١١١} знамя миродержавия и устремил помыслы [на то, чтобы завладеть] властью в Иранской державе, после того как какое-то время отношение между ними [١١٢] были почти дружественными, интересы обеих сторон в конце концов столкнулись. Когда два войска сошлись, войско зендов одержало победу, а каджарская армия была разгромлена. Сам Мухаммад Хасан-хан в том сражении испил напиток мученической смерти. В результате Карим-хан стал повелителем всего Ирана, а Шираз утвердил своей столицей.

Сулайман-паша Бабан в это время возжаждал [заполучить] управление Курдистаном. Он послал в Фарс одного из своих приближенных с многочисленными дарами и выразил желание стать правителем и готовность служить. Получив отправленные пашой [подарки], Карим-хан — поскольку Хусрав-хан действительно стал правителем с

помощью Мухаммеда Хасан-хана — забыл про честь и позор, выдал грамоту на правление на имя бабанского паши, и в ۱۱۷۷/۱۷۶۳-۶۴ году Сулайман-паша согласно приказу и при поддержке Карим-хана Занда завладел Арделаном.

Когда Ахмад-пашу ^{۱۲} сместили с управления Шахризу-ром, Сулайман-паша те области (Букв, “то место”.) тоже присоединил к своим владениям. Однако это вызвало несогласие и неодобрение везира Багдада. С двадцатью тысячами человек из янычар, *аширатов* / ' ' / и арабов, [с] пушками и замбураками он направился в сторону Шахризура и Курдистана, чтобы наказать Сулайман-пашу. С ним выступили Амин-паша из Мосула и 'Абдаллах-паша из Зохаба тоже, и на стоянке Кефри они остановились.

Сулайман-паша тоже собрал десять-двенадцать тысяч конников из храбрецов Арделана и Бабана и пошел навстречу 'Али-паше везиру. После того как две армии встретились и разгорелся огонь битвы, ветерок победы и торжества овеял румское знамя. Войска Бабана и Арделана потерпели поражение и обратились в бегство. Большинство их прославленных [воинов] было перебито и взято в плен, а их [военная] добыча досталась румской армии.

После этой выдающейся победы 'Али-паша отправил брата Сулайман-паши Ахмад-пашу в Шахризур и назначил там правителем. Однако немного времени спустя Сулайман-паша снова собрал войско, отправился на завоевание Шахризура, прогнал оттуда Ахмад-пашу и сам занялся делами правления. Семьи из Курдистан-и Сенне, которые в прежние времена из-за разрухи в Арделане выехали в Шахризур — в правление Хусрав-хана некоторые отбыли восвояси, другие жили затворниками на том же самом месте,— [Сулайман-паша] выселил, доставил на их настоящую родину.

Своего сына 'Али-хана с семьей и домочадцами Сулайман-паша послал в Фарс заложниками. Второй его сын, [' '] Хасан-бек, занимался делами правления в Курдистан-и Сен-не, а сам [Сулайман-паша] жил то в Курдистане, то в Шах-ризуре, пока в ۱۱۷۸/۱۷۶۴-۶۵ году в Шалризуре некий Факих Ибрахим не пробрался в полночь во внутренние [покои дворца] Сулайман-паши и не убил его спящего (Букв, “в одеянии сна”.) ударом / ' ' / кинжала.

После убийства [Сулайман-]паши в Шахризуре на правление воссел его брат Мухаммад-паша. Его (Сулайман-паши.) сын 'Али-хан с согласия Карим-хана Занда отбыл правителем (Букв, “увязал пожитки правления”.) в Курдистан. В течение года 'Али-хан шел на тысячу всевозможных хитростей и уловок, но, поскольку не смог взять на себя правления, Мухаммад Рашид-бек *вакил*, Мирза 'Абдал-лах везир и Мирза Садик *муштауфи* отправились ко двору Карим-хана Занда и добились его смещения. Затем они поставили на правление благородного Хусрав-хана, который последнее время жил затворником в разных местах Курдистана, и в ۱۱۸۰/۱۷۶۶-۶۷ году привезли [его] в вилайет Арделана.

/ ' ' / Хусрав-хан II (во второй раз)

Когда благородный и счастливый Хусрав во второй раз утвердился на троне правления, с зеркала души юноши и старца сошла ржавчина огорчения и вилайет Курдистана достиг процветания. Высшие и низшие из жителей [Курдистана] настолько утратили тревогу, возвеселились и возрадовались, что, с тех пор как заложены устои того места, не видели эпохи лучше и не слышали (В тексте: *** читаем: *** .) [о таком], а властелина выше того Хусрава не созерцал ни один зрячий! В эпоху его правления драгоценный камень сравнялся [по стоимости] с глиняным черепком, во времена его могущества жемчуг стал равноценен камню.

[Стих и] сочинительницы [хроники]:

Подобного властелина не видел никто в мире,
Во времена его волк отдыхал вместе с овцой;
В его эпоху от полноты вновь утвердившейся справедливости
Никто не обратился к праведному судье [за заступничеством].

Еще одиннадцать лет со всем величием и великолепием, при всей полноте власти и независимости занимался он делами правления. По приказу [того] зодчего (Букв, “инженера мысли”.) построили тронный зал для приемов, который ныне известен как Талар (Букв. “зал”), напротив Тапуле, а также баню и высокую мечеть. [١١٨]

Сад под названием Чахар-баг ^{١٢}, который остался со времен прежних правителей и был известен как Баг-и Майдан, изволили благоустроить и сделали предметом зависти райских садов.

Я сама в детстве ходила гулять в тот сад. Воистину, чистота его дорожек вызывала ревность рая, благоухающий воздух там приводил в изумление ангела. Внизу возле роз и чинар там протекал Сельсебиль (Названия райских источников.), / ١١٢ / у подножия кипарисов и деревьев можно было видеть Кевсер (Названия райских источников.) — воистину, “сады, по которым текут реки” (Коран III, ١٩٧.).

Ныне из-за превратностей времени и волнений эпохи, несмотря на мощь высокодостойных правителей, никто не знает, где он (Букв, “его виноградная лоза”) находился. На месте тех деревьев не растут [теперь] и колючки; где росли цветы, никто не вдохнет [даже] запаха сухой травы. Истинно, остается лишь естество господа Бога, согласно [изречению]: “Возьмите это в назидание себе, одаренные зоркостью ума” (Коран LX, ٢.).

Во время [своего] правления тот [рожденный под] счастливой звездой Хусрав вершил справедливость и опекал подданных. Благодаря его благосклонности хорошие и дурные приобщились к счастью и радости, знать и простонародье благодаря его милости обрели почет и богатство (Букв, “воцели рядом с возлюбленной почета и богатства:). Все отдохнули от тягот [военных] походов, не [ведая] страха и опасности, почивали на ложе отдохновения. Казалось, наступило время властителя эпохи (Эпитет двенадцатого шиитского имама.).

Таким образом, люди жили в мире и безопасности, пока в ١١٩١/١٧٧٧ году османские власти не поручили везиру Багдада напасть на границы и рубежи Ирана в отместку за поход Карим-хана на Басру. Правитель Бабана Мухаммад-паша тоже поспешил в лагерь везира, и они обязались завоевать Арделанский Курдистан. Везир передал в подчинение Мухаммад-паши многочисленный отряд, вручил ему деньги, которые поступили от Османской державы на нужды и расходы армии, и дал указание сокрушить устои Арделана.

[Мухаммад]-паша выступил с войсками Рума и Бабана и подошел к границам Курдистан-и Сенне, захватнической десницей посягнул на области Бане и Маривана, поднял смуту и беспорядок Хусрав-хан, когда ему об этом стало известно, тоже [обо всем] подробно написал Карим-хану, а сам без промедления и не дожидаясь ответа, движимый истинной [١١٩] [своей] сутью, собственной персоной поспешил с двумя-тремя тысячами арделанских храбрецов навстречу врагу.

/ 114/ В пути к нему [присоединился], чтобы оказать помощь, немногочисленный [отряд] из ополчения Мераге и Гярусса. Они удостоились лобызания его руки и бесстрашно выступили навстречу врагу.

С другой стороны, Мухаммад-паша Бабан и двенадцать тысяч конников из храбрецов Бабана (В тексте: ***), румийцев, янычар и арабов ступили на поле брани и обнажили десницу мщения. Встреча войск произошла у края Мариванской долины, которая известна [еще] под [названием] Заривар, и пламя битвы разгорелось.

Выворняв ряды, [те] неустрашимые мужи ухватились за мечи и копья, нападали друг на друга подобно льву. От молний, [высекаемых] мечами, [с которых] стекала кровь, герои стали [желтыми], как сандарак (Разновидность желтой камеди.); от блеска разящих насмерть копий чело храбрецов стало [цвета] эбенового дерева.

После битвы и сражения, поскольку войско Рума и Бабана проявило стойкость превыше их сил и возможностей и правила боя и отваги выполнило наилучшим образом, отряд из Мераге и воины Гярусса с тысячами раскаяний и сожалений прекратили сражаться и поспешили восвояси. Смелчаки Арделана, хотя и проявили, осененные победоносным знаменем, величайшую храбрость и упорство, при виде того, как повели себя мерагници и гяруссы, тоже утратили твердость и неколебимость. Приложив неисчислимы усилия, они были вынуждены бежать. Многие из их великих [мужей] были захвачены в плен, другие — убиты.

В числе убитых были сыновья Мирза 'Абдаллаха везира Мирза 'Али и Мирза Махди, сын Иусуф-бека Насраллах-бек, Мухаммад Риза-бек Бани Ардалан и 'Абдаллах-бек *муниши*. Из тех, [что были] закованы в кандалы, можно упомянуть также старшего сына Мирза 'Абдаллаха Мирза Ахмада и многих других прославленных [людей] Арделана.

Из войска Мухаммад-паши и Рума тоже было убито и захвачено в плен бесчисленное число людей. / 115/ В конце концов остатки войска Хусрав-хана, как и подобает воинам, последовали за тем искусственным [в сражениях] и возвратились в [свой] вилайет. Мухаммад-паша разбил шатры на том самом месте, [где произошло] сражение. Страхась наступления иранского войска и мощи Карим-хана, он и не отступал, и не осмеливался продвигаться дальше. В конце концов он посчитал разумным остановиться у границы и некоторое [120] время находился (Букв, “отдыхал”.) в Мариване, радея о пользе дела пока о том, что произошло, не прослышал Карим-хан.

Возгорелось пламя его гнева, призвал он свое победоносное войско, чтобы прочить Турцию и Бабан. Своему брату Садик (В тексте: ***)-хану ¹⁴ с несколькими полками из победоносных армий он повелел [идти] на Басру, Назар 'Али-хана Занда с многочисленным отрядом послал через Менделидж на Багдад. Сына Шайх 'Али-хана Калб-'Али-хана и 'Али Мурад-хана Занда ¹⁵ с отрядом он отправил через Курдистан-и Сенне, дабы, истребив Бабан и Рум, они воздали им должное за содеянное.

Садик-хан за короткое время завладел Басрой, здешнюю (Букв. “их”.) знать перебил, а жен тех злоумышленников взял в плен. Отомстив и добившись желаемого, он с победой возвратился ко двору Карим-хана и снискал [его] благосклонность. Назар 'Али-хан, который устремился (Букв, “вонзил шпоры [в грудь] быстроногого скакуна”.) в сторону Багдада, завладел [округами] от румской границы до обители мира — Багдада [и остановился в] трех фарсах [от города]. Большинство городов в тех пределах он подверг грабежу и разорению, весьма удовлетворенный возвратился назад и отправил в Фарс румских пленников.

Калб-'Али-хан и 'Али Мурад-хан, которым было поручено [направиться в] Сенендедж и оказать помощь Хусрав-хану, туда прибыли. Хотя Мухаммад-паша раскаялся в содеянном, стал взывать к миру и благоразумию, посылая послания (В тексте: ***) и изыскивая средства, и предложил перемирие, / / / / / ничего не вышло. Зендские воины вместе с Хусрав-ханом в 1191/1199 году в начале почитаемого месяца раджаба выступили, чтобы сразиться.

Хусрав-хан II вместе с ревушими, [как] море, войсками Арделана выступил в авангарде [зендской] армии навстречу Мухаммад-паше для завоевания его владений. Однако Мухаммад-паша посчитал неразумным вступать в бой и предпочел бежать. Победоносные войска зендов и Арделана подошли к Кызылдже, что находится в пяти фарсах от Кале Чолана, и Лутф 'Али-хану б. Субхан-Вирди-хану, который приходился Хусрав-хану дядей, было поручено с отрядом арделанских воинов последовать за бежавшими бабанцами.

Вышеупомянутый преследовал их до Карадага, ту область разорил и здешние постройки разрушил. В это время прибыл стремянный Карим-хана Занда Гург-'Али-бек и сообщил [/ / /] [тому] полководцу следующее: “Поскольку Иранской державой ко двору султана направлен гонец и столпы державы Османской принесли извинения, пожелали мира и запросили покоя, приказано разорение турецких областей прекратить и оставаться (Букв, “отдыхать”.) в [тех] пределах”.

По получении приказа 'Али Мурад-хан отбыл в; Керман-шахан. Калб-'Али-хан вместе с Хусрав-ханом остановились в селении Заге, одной из деревень Арделана и два месяца [там] находились, пока не прибыл гонец от Карим-хана и не объявил: “Поскольку [переговоры] между двумя державами не завершились миром и вражда не сменилась согласием, желательно на османские области напасть снова и истоптать ту землю копытами коней”.

На основании такого [приказа] Хусрав-хан, Калб-'Али-хан и 'Али Мурад-хан снова изволили выступить в сторону Шахризур. Хусрав-хан, как и прежде, / / / / / свои отряды (Букв. “силы”.) поставил в авангарде войска, и все вместе направились в назначенное место. Одновременно с ними другой дорогой в османские земли прибыл Зулфикар Хамсейи.

Мухаммад-паша, который находился в Кале Чолане, был вынужден отступить назад, и везир Багдада Хасан-паша назначил ему в помощь *кахью* с несметным войском. Мухаммад-паша построил мощные укрепления и приготовился к встрече [с врагом] и к сражению. В это время брат Мухаммад-паши Ахмад-паша изменил Османской державе и вместе с зендскими военачальниками выступил против румской армии.

Когда армия Карим-хана Занда приблизилась к румскому воинству и укреплениям Мухаммад-паши, тот, будучи не в силах сразиться, предпочел ночью бежать. На следующий день, когда вражеское воинство (Букв, “воины противника”.) узнало, что произошло, оно принялось за разорение и грабеж. Постройки в тех областях предали огню, народное имущество разграбили, захватили в плен много женщин.

Хусрав-хан, побуждаемый чистотой [своих] помыслов и благородным поведением, забрал пленников от вендских и кызылбашских воинов и даровал [им] свободу. Тех же, кто имел какое-то состояние, он выселил и привез с собою в город Сенендедж.

После [одержанной] победы и торжества Ахмад-пашу назначили правителем Шахризур, а брата Хусрав-хана Риза-Кули-хана оставили там для укрепления устоев его власти (Букв.

“дела”) и независимости. Вышеупомянутый искоренил [١٢٢] врагов, обеспечил самостоятельность Ахмад-паши и вместе с вверенным ему [войском] тоже возвратился назад.

Как сказано в рукописи [сочинения] Казии ^{٤١}, / ١١٨/ после этих событий прошло немного времени, когда Мухаммад-паша вы- разил покорность его величеству Карим-хану и попросил Ахмад-пашу сместить, а его назначить [правителем Бабана].

Везир Багдада, прослышав о том, что произошло, из ревности передал Ахмад-паше почетный халат и грамоту [о назначении его] бабанским пашой. Мухаммад-паша тоже [все] подробно изъяснил Карим-хану и попросил у него помощи. В результате для оказания ему содействия был назначен 'Али Мурад-хан с целым войском, однако Ахмад-паша немедленно бежал, и 'Али Мурад-хан возвратился в Шираз.

Затем Ахмад-паша с подкреплением из румских воинов вновь прибыл в Шахризур, и зендскому полководцу 'Али Мурад-хану снова было поручено оказать ему отпор. После столкновения двух армий 'Али Мурад-хан был захвачен, и Ахмад-паша отправил его, закованного в кандалы, к везиру Багдада.

Везир обошелся с ним с должной учтивостью и через двенадцать дней позволил выехать в Шираз. Однако это вызвало гнев Карим-хана, и он послал на помощь Мухаммад-паше Мухаммада Шафи'-хана Занда с двенадцатью тысячами человек. Вышеупомянутый прибыл в [Арделанский] Курдистан в середине зимы, [во время] обильных снегопадов и дождей. Два месяца он там находился, пока в начале хама-ля (**Первый месяц иранского солнечного года, соответствует марту — апрелю.**) не отбыл в сопровождении Хусрав-хана вали в Шахризур, и они стали восстанавливать справедливость. В результате Ахмад-паша бежал и Мухаммад-паша стал полновластным хозяином.

Мухаммад Шафи'-хан и Хусрав-хан находились со своим воинством в Шахризуре в течение семи месяцев, пока Мухаммад-паша не утвердился и не обрел полную независимость. [Лишь] после того, в конце [месяца] мизана (**Седьмой месяц иранского солнечного года, соответствует сентябрю — октябрю.**), они отправились восвояси.

Когда в ١١٩٣/١٧٧٩ году Карим-хана настиг смертный час и таинственный ангел-провозвестник обратился к нему с / ١١٩/ призывом: “Возвратись [ко Господу своему!]” — и после него среди племени Зандов и между военачальниками и непокорными [эмирами] Ирана начались разлад и противоречия, 'Али Мурад-хан усилился первым. Зулфикар-хан Афшар, который по причине родства с Надиром считал себя [١٢٣] наследником царства, тоже выступил (**Букв, “затряс головой”.**) и вознес знамя вражды. Прослышав об этом, 'Али Мурад-хан разгневался, устроил смотр своей армии и войску и пошел на афшаров. Сына Хусрав-хана Хан Ахмад-хана, который вот уже четырнадцать лет находился в Исфахане как заложник, он тоже взял с собою.

В двух стоянках от Исфахана к лагерю 'Али Мурад-хана примкнули ханы и султаны, главы и предводители Ирака [Персидского] и Мухаммад-хан Файли, повязавшиеся поясом послушания и единомыслия. Вместе с Ахмад-ака-йи *башагой* и войсками *лавандат* ^{٤٧}, которых выгнали из Османской державы, они присоединились к армии 'Али Мурад-хана и стали ему служить. Благодаря этому его войско стало походить на [полноводную реку] Джейхун. Затем они все вместе поспешно двинулись на врага, дабы устранить смуту.

Зулфикар-хан с группой черни выступил им навстречу, и в Каламрав-и Али Шакар войска встретились. После усилий и стараний обеих сторон, после схваток и сражения ветерок

победы овел армию 'Али Мурад-хана. Большинство воинственных афшаров было перебито и заковано в кандалы.

Сам Зулфикар-хан бежал тоже и с двумя-тремя [слугами] не отпускал поводьев бегства до Тарума и Халхала ^{۹۸}, / ۱۲۰/ правитель тех областей его схватил, арестовал и отослал к 'Али Мурадхану. После того как было приказано его казнить, он умер, как овца, от меча палачей.

После такой выдающейся победы 'Али Мурад-хан пожелал встретиться с Хусрав-ханом Ардаланом и, дабы осуществить это желание, послал к Хусрав-хану одного из уважаемых ханов Ирана. Хусрав-хан приглашение зендского государя принял и в середине благословенного месяца рамазана ۱۱۹۴/августе ۱۷۸۰ года с тысячей пятьюстами конниками из благородных и знати, ханов, султанов и предводителей Арделана направился в Абхар, где в это время находился 'Али Мурад-хан.

Когда 'Али Мурад-хан узнал о прибытии Хусрав-хана, он весьма обрадовался и возликовал. Тот властелин самолично с людьми славными и именитыми встретил Хусрав-хана в двух фарсах от лагеря и со всеми почестями и уважением доставил [в город]. Хусрав-хан по приезде изыскал способ (Букв, “средства”.) освободить Аллах-Кули-хана Занда, которого 'Али Мурад-хан ненавидел и держал в заточении. По его (Хусрав-хана.) просьбе 'Али Мурад-хана снова удостоил его (Аллах-Кули-хана.) почетного халата правителя Керманшахана. Затем [Хусрав-хан] вместе [۱۲۴] с зендским полководцем направился оттуда через Казвин в Исфахан.

В это время по наущению Мухаммад Рашид-бека жители Арделанского Курдистана перестали признавать Хусрав-хана [своим правителем], стали жаловаться на него 'Али Мурад-хану. 'Али Мурад-хан, понимая, что Хусрав-хан превосходит его самого мужеством и отвагой, величием и дарованиями, тоже посчитал случай подходящим, не позволил ему возвратиться в Курдистан и грамоту на управление Арделаном пожаловал на имя сына Субхан-Вирди-хана Кахзад-хана.

/ ۱۲۱/ Тем временем стало известно, что сыновья Садик-хана Занда собрали [многочисленное] сборище и готовы помериться с 'Али Мурад-ханом [силами]. Он тоже поручил своим военачальникам с несметным войском наказать и проучить их. В их числе на войну [с сыновьями Садик-хана] он послал Мухаммад Рашид-бека и триста его сторонников.

Когда [две армии] встретились, сыновья Садик-хана предприняли смелые атаки, сокрушили войско противника и одержали победу. Мухаммад Рашид-бек и его приверженцы бежали в Исфахан и оттуда возвратились в Курдистан в [надежде], что, быть может, добьются независимости Кахзад-хана в делах правления.

Однако Хусрав-хан, который пребывал в Исфахане, после того как сборище [войска] 'Али Мурад-хана распалось, вместе с братом Риза-Кули-ханом и дядей Лутф 'Али-ханом направился в Курдистан. В Исфандабад они прибыли через десять дней после Мухаммад Рашид-бека.

Прослышав о прибытии Хусрав-хана, Кахзад-хан, Мухаммад Рашид-бек, сыновья Мирза 'Абдаллаха везира Мирза Йусуф и Мирза Ахмад и другие их приверженцы и сторонники поспешно увезли свои семьи и бежали в Пайгулан, [один] из округов Курдистана. Хусрав-хан их настиг и разграбил их имущество. Беглецы были вынуждены побросать все, что

имели, бежали с семьями в Шахризур и обратились за покровительством к Махмуд-паше Бабану ^{١١}.

Хусрав-хан же возвратился с богатой добычей, собрал [тех из жителей] области, которые разбежались и скрывались, и занялся наведением порядка в делах. В это время братья Махмуд-паши Мухаммад-паша и 'Умар-бек возымили отвращение к действиям брата и, [не желая] находиться на бабанской земле и в Шахризуре, выехали оттуда /١٢٢/ и поспешили на службу к Хусрав-хану.

Махмуд-паша по той причине тоже распахнул врата любви и выразил единодушие. Попросил он: пусть Хусрав-хан отправит его братьев в Бабан, а он передаст доверенным [слугам] *вали* Кахзад-хана. Согласились. Махмуд-паша [١٢٥] поручил Бабакр-ака привезти Мухаммад-пашу и 'Умар-бека; Ака Мухаммада Буруджирди, что был из числа верных [слуг] его величества Хусрав-хана, отправили за Кахзад-ханом.

Махмуд-паша сразу после прибытия Мухаммад-паши и 'Умар-бека обоих убил, забыв про обычай великодушия и братскую [привязанность]. Кахзад-хан же по приезде в Сенендедж был Хусрав-ханом обласкан и вознесен в должности и звании выше прежнего.

Мухаммад Рашид-бек и его сторонники тоже от страха бежали из Шахризур, оставили свои семьи и домочадцев в Зохабе, а сами положились на помощь везира Багдада. Упомянутый везир оказал им много милостей и отдал им три-четыре деревни, относящиеся к Зохабу. Однако все они через некоторое время возвратились в Арделан, и Хусрав-хан начертал на их проступках письма снисхождения — кроме Мухаммада Рашид-бека и его людей, которые предпочли остаться там (В Зохабе.). По словам одних, они жили там год, по словам других — четыре года.

Мухаммад Рашид-бек и его сторонники в конце концов прибегли к покровительству 'Али Мурада и благодаря его посредничеству снискали прощение и милости [Хусрав-хана]. Но не прошло много времени, как он (Мухаммад Рашид-бек.) стал враждовать снова, завладел округами Джаванруд и Паланган и в ١١٩٦/١٢٨١-٨٢ году задумал коварный [план]: [описать] /١٢٣/ Али Мурад-хану мощь и дарования Хусрав-хана и посеять в нем страх и опасения.

'Али Мурад-хан, который только что избавился [от смуты] сыновей Садик-хана и заставил непослушных покориться, тоже считал, что разгром Курдистана и приезд (Букв, “доставка”.) Хусрав-хана в Исфахан будет способствовать его независимости. Он поручил своему брату Джа'фар-хану ^{١٢٤} с пятью тысячами конников взять Хусрав-хана и доставить в Исфахан..

Как можно понять из хроники Хусрав-бека, зендский хан по совету Мухаммада Рашид-бека послал грамоту на управление Курдистан-и Сенне на [имя] брата Хусрав-хана Риза-Кули-хана. Прослышав это известие, Хусрав-хан с небольшим числом приближенных его высочества, среди которых был мой дед Мухаммад-ака, сели на коней и через Хунсар прибыли в Исфахан. Своему сыну Хан Ахмад-хану Наиб ал-Айале он приказал всех родственников и домочадцев вывезти и укрыть в Авромане и Шахризуре.

Риза-Кули-хан, который находился в Исфандабаде, грамоту на правление не принял и требование 'Али Мурад-хана не исполнил, признал законным старшинство [١٢٦] Хусрав-хана, выехал со всеми своими сторонниками и присоединился к Хан Ахмад-хану. Через два-три дня после их бегства прибыл Джа'фар-хан, разграбил Сенендеджский Курдистан, а здешних жителей подверг соответствующим попрекам и порицанию. При виде таких дел

Риза-Кули-хан тоже отправился на север и попросил помощи у Имам-Кули-хана Урумийского, который мечтал стать миродержцем и жаждал царствовать.

Имам-Кули-хан его (Букв, “его приезд”.) принял / ۱۲۴/ с уважением, а его приезд посчитал [для себя] удачей. С пяти-шеститысячным сборищем, каковым он располагал, [Имам-Кули-хан] вознес знамя мятежа и решил завоевать Курдистан и Ирак [Персидский]. Ко времени их прибытия в окрестности Сенендеджа Джа'фар-хан Занд бежал. Риза-Кули-хан вступил в город и стал полновластным хозяином. Имам-Кули-хан после того пошел на Исфахан, однако, как только убедился, что 'Али Мурадхан намерен наказать [его] и с ним воевать, все побросал (Букв, “без чего бы то ни было”), повернул поводья бегства восвояси и возвратился назад.

После бегства войск Имам-Кули-хана зендские военачальники послали в Сенендедж Кахзад-хана и Лутф 'Али-хана, [а] в качестве подкрепления — ополчение Керманшахана и Мухаммада Рашид-бека, и они ступили на поле брани и сражения с Риза-Кули-ханом Ардаланом. Во время этой битвы Риза-Кули-хан, чье правление не продолжалось и семнадцати дней, был поражен и ранен смертоносной стрелой одним из людей Мухаммада Рашид-бека, которого, как достоверно известно, [звали] Назар 'Али-беком. В конце концов [Риза-Кули-хан] в Гяррусе умер.

В ۱۱۹۹/۱۷۸۴-۸۵ году, когда Сенендедж подвергся разрухе и опустошению и местное население проживало в полном смятении, Хусрав-хан сумел снова возвратиться в Курдистан. Не прошло и четырех месяцев, как он услышал о смерти 'Али Мурад-хана. В это время к себе на родину возвратились разбежавшиеся [было] жители вилайета, и тогда в Курдистане наступило спокойствие и процветание.

После смерти 'Али Мурад-хана изо всех уголков и окраин поднялись претенденты на царствование. / ۱۲۵/ В их числе на ристалище отваги выступил Аллах-Кули-хан Зангане, тоже притязавший на царство. Он собрал целое войско из румийцев, из *илей* и племен Керманшахана и, желая завоевать Ирак [Персидский], с пушками и замбураками торжественно вступил в Сонкор. Там к его войску присоединились Назар 'Али-хан, сын Субхан-Вирди-хана, вместе с братом Лутф 'Али-ханом, его сыном Аллах-Вирди-ханом и сыновьями [۱۲۶] Мухаммада Рашид-бека. Они решили захватить Курдистан-и Сенне и покончить с Хусрав-ханом.

Будучи обязанным Хусрав-хану *вали* [своим] величием Аллах-Кули-хан Зангане прошлое и [оказанное ему] добро предал забвению. Желая сразиться с Хусрав-ханом, он выступил на ристалище отваги и пошел на Арделан.

Его высочество *вали*, прослышав о том, что произошло

[полустишие]:

Свернулся, как волосок от огня! —

тотчас затрубил в трубы славы и с семьями жаждущими мести борцами за веру сел на коня, чтобы наказать тех неразумных и проучить. Дозорных [войска] зенгене, что во главе с сыном Назар 'Али-хана Аллах-Вирди-ханом находились в деревне Амирабад (Мирабад), он обратил в бегство разящими мечами своих бесстрашных героев. В полночь дозорные войска зенгене присоединились к армии Керманшахана и вызвали в войске панику (Букв, “страх”).

Встреча двух армий произошла на следующий день в местечке Сонкор. Аллах-Кули-хан с тридцатитысячным сборищем, с пушками, замбураками и оркестром литавристов самолично ступил на поле брани и обнажил десницу (Букв, “плечо”), отваги. Благороднорожденный Хусрав, [уповая] на помощь правосудного [высшего] Судьи, согласно [изречению]: “Сколько раз небольшие ополчения побеждали многочисленные ополчения по изволению Божию” (Коран II, ٢٥٠.), с семью сотнями человек, что были при его стремени, / ١٢٦/ [тоже] ступил на поле брани.

Аллах-Кули-хан гордился многочисленностью своих отрядов и радовался малочисленности войска Арделана. В авангарде он поставил с отрядом храбрецов сына везира Арделана Мирза 'Абдаллаха Мирза Иусуфа, что был у него на службе, и послал на войско Хусрав-хана. / ١٢٧/ Однако герои Курдистана большинство из них поразили мечами. Одних / ١٢٨/ убили, другие обратились в бегство. Многие стали пленниками / ١٢٩/ богатырей Арделана.

Когда весть об этом дошла до Аллах-Кули-хана, он выступил при / ١٣٠/ том великом множестве войска, поспешил на битву с Хусрав-ханом. Поскольку войско Арделана против его армии ему показалось подобным пылинке [рядом с] солнцем и[ли] пузырем [в сравнении с] морем, преисполнившись гордости, он обнажил меч мщения и напал на сенендеджских борцов за веру.

От пушечного и ружейного дыма воздух стал синим, от [١٣١] пыли, [поднятой] копытами скакунов отважных [героев], поле битвы и зеленая поверхность окрасились в серый цвет. От лучей, [высекаемых] разящим мечом, чело богатырей стало желтым, [цвета] шафрана. От молний, [которые вспыхивали] при [ударах] сабли и копья, бранное поле вызвало зависть у рубина и коралла. Словом, храбрецы Арделана возродили обычай Рустама и предание о Дастане.

Кай-Хусраву подобный Хусрав тоже собственной драгоценной особой поспешно двинулся на вражеский центр, разрушил до основания устои существования врагов, а славные их головы побросал во прах смерти.

Стихотворение сочинительницы [хроники]:

[Когда] настало (Букв, “принесло”) время счастливого Хусрава,
Владевшего палицей, мечом и тронном,
Глава его доблести вознеслась до облаков,
Твердо [ступил он] стопой и обнажил меч;
Мечом и кинжалом, стрелой и копьем [он поражал].
Под копытами его скакуна головы смутьянов!
Могучим ударом богатырской десницы
Многих храбрецов [захватил он] в петлю аркана;
Восславлен [поэтами] тот счастливый герой,
Победа сопутствует ему, у его стремени удача ١٣١ .

В мгновение ока большую часть войска Аллах-Кули-хана он отправил в области небытия, а самого / ١٣١/ Аллах-Кули-хана захватил Мирза-бек Калхур. В наказание за содеянное он его обезглавил и [голову] затем поднес Хусрав-хану. Поскольку [Хусрав-хан] следовал [изречению]: “В прощении радость, которой нет в мести” — и наделенной похвальными качествами натуре его было присуще врожденное великодушие, он на Мирза-бека сильно обиделся, призвал его к ответу и приказал наказать.

В конце концов избежавшее расправы воинство зенгене и Керманшахана обратилось в бегство. Их пушки и замбураки, литавры и шатры, палатки и царский шатер достались победоносным борцам за веру. Достигли они успеха и победы.

Через два-три дня, [в продолжение] которых победоносным храбрецам удалось отдохнуть от тягот и трудностей пути, они повернули в сторону города Керманшахана с намерением сокрушить смутьянов тех границ и пределов. Когда до упомянутого города [остался] один перегон, навстречу с подобающими дарами поспешил Хаджжи 'Али-хан, дядя Аллах-Кули, который стал его (**Аллах-Кули-хана**.) наместником и почитал для себя счастьем унаследовать корону и трон и стал служить Хусраву.

По прибытии в Керманшах все, что осталось из [богатств] [١٢٩] Аллах-Кули-хана деньгами и натурой, стада и табуны [скота] и то, чем он гордился, было осмотрено Хусрав-ханом и по его приказу поделено между преданными [слугами] двора и отважными воинами. Сам Хусрав-хан не взял ни одного динара, Хаджжи 'Али-хану он изволил пожаловать почетный халат и управление Керманшаханом, однако Туй-Саркан, Саадабад, Сонкор ^{١٠٢} и Динавер, которые входили во владения Аллах-Кули-хана, он оставил и даровал ханам и благородным Сенендеджского Курдистана. Воистину, стихи автора:

Ты будто осеняешь тенью Хумы,
Одним взглядом творишь много чудес!

/١٣٢/ После одержанной победы [Хусрав-хан] возвратился в обитель правления [Сенендедж]. В это время большая часть разбежавшихся [было] войск 'Али Мурад-хана поспешила на службу к Хусрав-хану и обрела покой под сенью победоносного знамени его величества.

В это же самое время пребывающий [ныне] в раю хакан Ага Мухаммад-хан Каджар вознес знамя царствования и решил завоевать Иранскую державу. В ответ Джа'фар-хан Занд в Исфахане объявил себя наместником и правителем и болтал об отваге. Однако, прослышав про мощь каджарского хана, Джа'фар-хан был вынужден из Исфахана бежать, отступил в области Фарса и стал там полновластным хозяином. Через некоторое время он собрал [там] целое сборище, выпустил сокола устремления, вознес (**Букв, "всколыхнул"**.) знамя битвы и снова пошел на Исфахан и Ирак [Персидский].

Ага Мухаммад-хан, прослышав о возвращении и выступлении Джа'фар-хана, из Исфахана выехал и остановился в Астарабаде и [затем в] Мазандеране. Таким образом, зендский хан без труда вторично завладел Исфаханом и стал чеканить со своим именем монету, [как] султан. Немного времени спустя он поручил Исма'ил-хану Занду завоевать Ирак [Персидский] и приказал ему блестящим мечом навести в тех областях порядок.

По прибытии в Хамадан вышеупомянутый замыслил [не повиновение], отказался от покорности Джа'фар-хану и забил в литавры мятежа, однако, как только понял, что Джа'фар-хан задумал его сокрушить, когда между ними осталось три стоянки, обратился без сражения в бегство и бежал в Гяррус. Сборище его /١٣٢/ рассеялось в ١٢٠٠/١٧٨٥-٨٦ году.

Когда Джа'фар-хан находился в Хамадане, Мухаммад Рашид-бек *вакил* снова рассорился с Хусрав-ханом и, страшась мощи его высочества, обратился за покровительством к Джа'фар-хану и стал подстрекать его завоевать Курдистан. [١٣٠]

Джа'фар-хан послал в Сенендедж гонца и потребовал, чтобы Хусрав-хан приехал и [изъявил] покорность. Хусрав ответил ему бранью и известить о встрече с ним поручил острию блестящего меча. Когда гонец возвратился назад, без промедления они решили собрать армию Курдистана и искоренить [порожденное] зендами зло. 'Али-хан Хамсейи и

Мухаммед Амин-хан Гарруси с небольшим отрядом тоже примкнули к нему (Букв, “к его стремени”.) и вместе с *вали* повязались поясом самоотверженности.

Когда они подошли к стоянке Салихабад, одной из деревень Хамадана, Мухаммад Рашид-бек, который был осведомителем (Букв, “дозорным”.) зендского войска, бежал и присоединился к армии Джа'фар-хана. На следующий день войско Курдистана прибыло в Бахар и напротив армии зендов вознесло до апогея солнца и луны своды шатров. Отдохнув от тягот пути, обе стороны произвели смотр [своих сил], стали строить ряды и громко забили в литавры сражения.

Джа'фар-хан поставил в авангарде *джизаирчиев* ^{۱۰۳} Фарса, которых было более двух тысяч, с артиллерией и замбураками, превратив их в оплот своей армии. Сам он с конниками встал за ними и начал сражение. При таком построении любой из храбрецов Арделана, выходявший на поле брани, в ответ слышал [грохот] пушечных ядер и [свист] пуль. Ни один из зендских витязей тоже не спешил сражаться, и так: провели три дня, пока на / ۱۳۴/ четвертый день богатыри Курдистана не вышли сплоченными [рядами] на битву, подобно свирепым львам и яростным леопардам. Они разом отреклись от жизни и направились к тому морю огня. При первой же атаке они завладели вражескими пушками и замбураками, побросали на землю головы большинства *джизаирчиев* и пушкарей, прорвались через тот мощный огонь и напали на центр вражеской армии.

Джа'фар-хан при виде [проявленной] героями Курдистана отваги обратился в бегство и не отпуская поводырей до окрестностей Шираза. Хусрав-хан поручил своему старшему сыну Хан Ахмад-хану выступить следом за ними. / ۱۳۵/ Вышеупомянутый напал на остатки их войска, стал их (Зендов.) убивать, хватать и связывать.

[Стихотворение] автора:

От крови героев в рядах сражающихся
Поле боя вызвало ревность ранней весны;
Много голов было порублено (Букв, “убито”.) мечом богатырей,
Во все стороны по сотне холмов из убитых; [۱۳۶]
Подобно ревущему льву, как свирепые леопарды,
[Вступали] в бой победоносные витязи Сенендеджа!

/ ۱۳۶/ Прославленный Хусрав после такой дорогой победы завладел шатрами и палатками, пушками и замбураками зендов. Большинство предводителей и военачальников Фарса и зендов было в том сражении перебито и захвачено в плен, все их кони и оружие стали добычей победоносных борцов за веру. После такой выдающейся победы Хусрав-хан на два-три дня изволил остановиться в Бахаре и Хамадане и разделил между своими победоносными газиями [захваченные в бою] богатства. Мухаммад Рашид-бека *вакила*, несмотря на то что тот целых семь лет враждовал с Хусравом и предпочел покинуть родину, он решил помиловать, по-царски обласкал его, изволил пожаловать ему должность еще более высокую и по возвращении в обитель правления [Сенендедж] благодаря мастерству зодчих [своих] царственных милостей привел дворец *вакила* в первоначальное состояние.

/ ۱۳۷/ Короче говоря, тот несравненный Хусрав, прогнав Джа'фар-хана, двинул победоносное знамя в сторону Боруджирда, Каззаза, Фарахана, Гульпайгана и областей Ирака [Персидского], и те области перешли во владение победоносных борцов за веру. Они задумали завоевание Исфাহана ^{۱۰۴} и на стоянке Кандуман вознес до апогея солнца и луны свод царственного шатра (Букв, “купол и царский шатер”.), решили отдохнуть.

Здесь Мирза Ахмад везир заявляет благороднорожденному Хусраву: “Теперь, когда всем Ираком [Персидским], Каламравом, Керманшаханом, Хузистаном и Луристаном завладели победоносные борцы за веру и в областях Ирана никто не царствует, тебе следует приказать подобным Меркурию *муши* именовать составляемые письма грамотами, а *хатибам* ^{١٠٥} и чеканщикам монет [всех] областей дать указание, дабы славным именем Хусрава они украсили золото и серебро, кафедру [в мечети], и на все иранское царство забить в литавры царствования (Т. е. чеканить монету и читать хутбу с именем Хусрав-хана или провозгласить его государем.)”.

Благоразумный Хусрав, [выслушав] речь везира, погрузился в море раздумья, а через некоторое время поднял голову и изволил сказать: “Без сомнения, сейчас вполне возможно достигнуть царствования в этой стране и на нашем пути нет и единого препятствия (Букв, “колючки”), / ١٣٨/ в Иране не осталось ни одного мятежника, да и кто отважится препятствовать? Милостью правосудного Господа и благодаря мощной деснице искусных [в бою] храбрецов мы одержали победу всюду. [١٣٢]

Однако за днями наступает еще день. Бог дарует [нам] царствование (В тексте: ***) [в] Курдистане не для того, чтобы мы протягивали ноги за [пределы] своего паласа, бросали на ветер [даже единый] кусок дедовского хлеба и свели на нет приобретенное за семь столетий!”

Назавтра [Хусрав-хан] изволил отказаться от [своего; намерения и повернул в сторону Курдистана. Побуждаемый обязанностями, [каковые на него налагала] дружба с покойным Мухаммадом Хасан-ханом Каджаром, он изволил написать Ага Мухаммад-хану послание и поручил наместникам того владыки области, которыми он завладел.

Рассказывают, Махди-бек Шиккаки ^{١٠٦}, который принадлежал к числу красноречивых поэтов и отмеченных изяществом слога сочинителей (В тексте: “красноречивых”) той эпохи, составил небольшую историческую поэму (В тексте: *кыт'а*.) с восхвалением победы и с поздравлением благороднорожденного Хусрава по поводу торжества и триумфа и преподнес [хану] ^{١٠٧}. Он принес [Хусрав-хану] три указа на денежное пожалование — один на сорок туманов, другой на пятьдесят туманов и третий на шестьдесят туманов, дабы на любом из них, на каком пожелает, [хан] поставил благословенную печать. Тот Хусрав с обычаем Хатима и правосудный судья с устоями каана поставил печать на всех трех [указах], и из благословенного казнохранилища [эти деньги] ему пожаловали.

Выше упоминалось, что Исма'ил-хан бежал от войска Джа'фар-хана и проживал в Гяррусе, одетый дервишем, Хусрав-хан, побуждаемый благородством и высокими помыслами, его вызвал к себе, изволил осчастливить множеством даров и бесчисленными милостями, как-то: шатры, кони, мулы и оружие — и позволил ему возвратиться с большим отрядом (Букв, “сборищем”). Однако в пути к нему примкнуло десять-двенадцать тысяч человек из подонков и черни, из кызылбашей и аширатов Керманшахана, Луристана и бахтиар. / ١٣٩/ Он напал на крепость Керманшахан и на здешнего правителя Хаджжи 'Али-хана, что был молодым деревцем, взлелеянным благороднорожденным Хусравом, и осадил обитателей крепости.. Вышеупомянутый, понимая, что он не в силах противостоять и сразиться, обо всем подробно написал Хусрав-хану.

Когда Хусрав-хан узнал [об этом], он направил к Исма'ил-хану гонца, решительными доводами и рассуждениями [старался] удержать его и напомнил ему об обязанностях, [налагаемых хлебом и] солью, и о своих благодеяниях. Тот [١٣٣] неблагодарный на те слова не обратил внимания и старался захватить крепость.

По возвращении посланца поневоле вспыхнуло пламя гнева Хусрава. В месяце рамазане ١٢٠١/июне ١٧٧٧ года с небольшим отрядом он направился в Керманшахан, чтобы наказать [Исма'ил-хана], и вознес (Букв, “заставил затрепетать”.) победное знамя.

Как только Исма'ил-хан прослышал [об этом], он снял осаду и укрылся на горе Бисутун, которая находится в тех окрестностях. Хаджжи 'Али-хан же с подобающим даром поспешил навстречу [Хусрав-хану] и при его победоносном стремени вступил в Керманшахан. Отдохнув от тягот пути, жаждущий мщения эмир выступил из Керманшахана. Исма'ил-хан же отступил еще на один перегон, и таким путем — стоянка за стоянкой — [Хусрав-хан] изволил следовать за [ним].

До Сарбанд-и Силахур они не отпускали поводьев. В конце концов в том месте произошла встреча двух войск, и отважные витязи обнажили десницу отваги, желая проявить доблесть. Львы Арделана напали на вражеское войско, и пламя битвы возгорелось с обеих сторон. В результате одни пали во прах, другие направились в области небытия. Большая часть армии Исма'ил-хана во время сражения была захвачена в плен, убито в суматохе [боя] было [еще] больше.

Ветерок победы и удачи подул на победоносное знамя солнцеподобного Хусрава. Их палатки / ١٤٠ / и шатры, пожитки и имущество достались победоносному сенендеджскому войску. Говорят, [моему] благородному деду выпали на долю несметные [богатства] из награбленного тем войском. Поскольку он счел себя не вправе [присвоить] добычу, то преподнес все (Букв. “ее”.) Хусраву. Однако тот справедливый с присущим ему великодушием Хатима заниматься имуществом не стал и изволил оставить [моему деду]. До сих пор в нашей семье на счастье хранится (Букв, “остается”.) дорогой цены зеркало из тех богатств.

В награду за [проявленную] храбрость и доблесть [Хусрав-хан] вознес и назначил несколько человек из великих [людей] Курдистана на правление в тех местах, которыми они завладели. Например, Туй-Саркан он препоручил сыну Мирза 'Абдаллаха везира Мирза Фатхаллаху, который был юношей благоразумным и отважным, в красноречии сравнялся с Ихсаном и именовался поэтическим псевдонимом Хазм (Перс, “благоразумие, решительность”).

В том же году Ага Мухаммад-хан Каджар, что был могущественным государем, пожелал завоевать Курдистан и [١٣٤] встретиться с Хусрав-ханом. С несметным войском и неисчислимой армией он остановился (Букв, “разбил шатры”.) в городе Хамадан поручил сладкоречивому гонцу вызвать Хусрав-хана и послал за ним. Вышеупомянутый из города Сенендеджа выехал [однако], с приездом (В тексте: “с отъездом”.) медлил, приносил извинения и [посылал исполненные] благоразумия послания ^{١٠٨}.

В ١٢٠٤/١٧٧٩-٩٠ году, согласно божественным предопределениям и предписаниям бессмертного [Господа], счастливь (Букв, “счастливое существование”.) Хусрав-хан помимо других недугов заболел еще эпилепсией. Несмотря на усилия (Букв, “лечения”.) лекарей, подобных Платону и врачей искусных, как Аристотель, болезнь усиливалась, а лечение не приносило успеха.

Воистину, [бейт]:

Волею судьбы жесткая вода (Вода, затрудняющая пищеварение.) [бывала] желчегонной, [А] персиковое (Букв, “миндальное”.) масло сушило.

В это время его старший сын Хан Ахмад-хан, который был сверкающей звездой с / ۱۴۱ / небес правления и блестящей жемчужиной из Омана величия и владычества, заместил [отца] и стал следовать путем и обычаем справедливости и забил в литавры доброй славы. Область и подданные, осененные его милостью, обрели счастье, радость и довольство.

Так случилось, что тем временем взбунтовалось племя билбасов. Они совершали набеги на Башмак и Тилаку. Тяжело было сносить [это] горячей натуре Хан Ахмад-хана, который в отваге достиг зенита и по храбрости был единственным на [весь] мир, и он приказал созвать войско.

Еще не собралась и малая [часть] войска, а [Хан Ахмад-хан] изволил выступить из вилайета, желая наказать тех злосчастных. В округе Сарал и [затем в] Хубату он напал на них, и началось сражение.

Произведя смотр храбрецов, украсив голову своим убранством, облачившись в короткий кафтан (Кафтан на вате, надеваемый под кольчугу.), воинственные [витязи] с обеих сторон напали друг на друга. При первой атаке войско Арделана заставило то сборище безбожников отступить и погнало в долину несчастья и бегства. Однако, когда жаждущие мщения герои сражались, из-за коварства обманщицы-судьбы [тот] эмир с великолепием Фаридуна был смертельно ранен пулей и в расцвете молодости вручил душу ангелу Азраилу, [посланцу] Его святости щедрого [Господа]. Говорят, это недостойное дело совершил сын [۱۳۵] Назар 'Али-хана Аллаха-Вирди-хана, который приходился внуком Субхан-Вирди-хану. Аллах знает лучше.

Злосчастные билбасы, видя, что войско осталось без главы и армия без полководца, повернули назад, напали на героев Арделана и большинство из них разогнали. Эмир Аслан-хан ^{۱۰۹}, сын Риза-Кули-хана, при виде такого положения воспытал благородным рвением, вместе с Мухаммадом Рашид-беком *вакилем* и своими подопечными / ۱۴۲ / обнажил меч мщения и решил сразиться.

При первой же атаке они еще раз прогнали племя билбасов в долину бедствия и предали блестящему мечу. Почти до самого Саккыза и Сийахкуха они их преследовали и грабили имущество. И, несмотря на то что глава арделанского войска был убит, а без могучего полководца сражение смельчаков теряет свой блеск, храбрецы Арделана, желая отомстить за бессмысленное убийство того юноши, еще упорнее стали следовать путем преданности и превзошли [всех своей] доблестью и неустрашимостью. Например, сын Мирза 'Абдаллаха везира Мирза Лутфаллах, который приходится родным дядей моей уважаемой родительнице, в тот день сбросил с седла на землю семнадцать билбасских богатырей и засвидетельствовал [свою] доблесть.

После этой победы храбрецы Сенендеджа с телом своего полководца возвратились в Сенендедж и несколько дней соблюдали обычай траура. Поскольку недомогание Хусрав-хана с каждым днем возрастало и от врачевания лекарей выздоровление не наступало, по приказу Ага Мухаммад-хана на заветном престоле утвердился Лутф 'Али-хан.

/ ۱۴۳ / *Лутф 'Али-хан ибн Субхан-Вирди-хан*

В ۱۲۰۵/۱۷۹۰-۹۱ году Лутф 'Али-хан без труда и усилий заключил в объятия невесту [царствования] и осенил жителей области своей милостью. Был он эмиром совершенным, образованным и храбрецом с сердцем льва, украшен искренностью в речах и известен правдивостью в поступках, в красноречии не имел равных, в храбрости [был] бесподобен.

Дела вилайета умел он вершить по-справедливому, правил по обычаю и обыкновению Хусрава. В начале правления своего старшего сына Хасан 'Али-хана он отправил к Ага Мухаммад-хану заложником, и в это самое время Хусрав-хан от упомянутой болезни умер — “у Него власть над всем, и к Нему вы возвращены будете” (Коран XXVIII, 40.).

[Стихи] сочинительницы [хроники]: [١٣٦]

Жаль что того другого, исполненного талантов Хусрава,
Потому что того подобного ему, не родила [ни одна] мать;
Жаль того эмира, что поступал [как] каан,
Потому что обладал он справедливостью и верой, здравомыслием и разумением.

Смерть Хусрав-хана способствовала независимости Лутф 'Али-хана в делах правления ^{١١٠}. Когда в ١٢٠٦/١٧٩١-٩٢ году правители Хузистанского вилайета выступили против каджарского двора и вознамерились устроить в тех пределах смуту и беспорядок, Лутф 'Али-хану по настоянию Ага Мухаммад-хана было поручено наказать и проучить их (Букв, “*тот народ*”).^{١١١} ^{١١٢} / ١٤٤ / Во время похода ополчения тех двух вилайетов тоже были у него в подчинении.

Прослышав об этом, правители Хузистана задрожали и вострепетали. Без споров и непослушания они все покорились и смирились сердцем, предстали с извинениями и в раскаянии и предложили вниманию высокороджденного *вали* свои имущества с многочисленными подарками и подношениями Их шейхи же с неисчислимыми дарами поспешили к каджарскому двору.

Лутф 'Али-хан, завладев Хузистаном, с начала зимнего сорокадневья (Сорокадневный период наибольших холодов.) до наступления месяца хамаля (Первый месяц иранского солнечного года, соответствует марту-апрелю.) изволил оставаться в тех областях и проявил величайшее старание при наведении порядка в тех пределах. Здесь смутьянов заставили повиноваться. Жителям же Курдистана тогда досталось много богатств. Так, благородный дед [мой], которому было поручено привезти наличные деньги [из казны правителя Шуштера 'Аббас-Кули-хана, получил тысячу туманов.

В это время сговорились правитель Бане Ахмад-султан несколько бегзаде и султанов Авромана и население Маривана, вознесли знамя вражды и пришли к соглашению с бабанским пашой. Они начали бунтовать у границ [области] грабить и насильничать, а врата повинования и покорности закрыли.

Когда до благородного хана дошло это обжигающее слух известие (Букв, “смысл”), вспылало пламя его гнева, и, невзирая на обилие снега и сильный мороз, он вознес (Букв, “всколыхнул”) свое [١٣٧] победоносное знамя, [чтобы идти] на Бане и наказать здешних бунтовщиков. Однако, как только Лутф 'Али-хан прибыл на стоянку Кызылдже, жители Маривана покинули те земли, которые во времена согласия [домов Бабан и Бани Ардалан] и повинования бабанскому паше стали обитаемыми, и бежали в Шахризур.

/ ١٤٥ / В результате эмир приказал сжечь их дома и жилища, и от поднятого пламени возгорелись сердца ангелов. Ахмад-султан Банейи, тоже до крайности утрашенный мощью того несравненного эмира, впал в отчаяние и укрылся среди бил-басов. Благородный хан же даровал почетный халат правителя Бане сыну их дяди Фатх 'Али-султану и изволил отправить его в место назначения.

По наведении порядка в Бане и Авромане [Лутф 'Али-хан] послал к 'Абдаррахман-паше Бабану ¹¹¹ человека [спросить] относительно пограничных деревень, которые перешли к нему (В тексте: “относительно деревень, которые перешли было к 'Абдаррахман оаше Бабану”.) во владение. Паша, не прибегая к хитростям и уверткам, передал деревни управителям Сенендеджского Курдистана и принес извинения, однако противно обычаю добрососедства закрыл врата дружбы и стал проявлять враждебность. Поэтому и со стороны *вали* тоже поступил строгий запрет, дабы племена Шахризур, которые ежегодно весной и летом пасли [свои стада] на летовьях Курдистана, в этом году и впредь в области Сенне не появлялись.

Здесь курды и племена, страшась ханской мощи, не тронулись летом с места и решили оставаться в Шахризуре! От чрезмерной жары и отсутствия холодной воды (Букв, “и от нагретой воды”.) большинство из них с сердцем, исполненным скорби, отправилось в страну небытия. Остальные же, что полуживыми спаслись, разбежались во все стороны. Двести семей, которые были в дружбе с влиятельными курдистанцами, втайне от *вали* прибыли на летовья, [где кочевали] каждый год, и захватили с собой скот остальных. Об этом, однако, прослышал Лутф 'Али-хан и поручил сыну Манучихр-бека Мухаммад-беку Бани Ардалану ¹¹² внезапно на них напасть, вывезти их вместе со скотом и пожитками и поселить близ города Сенендеджа.

/ 113 / В 1129/1179-90 году в месяце раби 'ас-сани благородный Лутф 'Али-хан внезапно заболел и прошептал в потусторонний мир. Говорят, поскольку он постоянно вкушал вина [с ароматом] базилика и смаковал пурпурные напитки (Букв. “вино”.), смерть его вызвана излишествами в том греховном занятии. А Аллах знает лучше. [138]

Хасан 'Али-хан

Когда Ага Мухаммад-хан прослышал о смерти Лутф 'Али-хана, он вызвал его старшего сына Хасан 'Али-хана, который находился в Тегеране, по соблюдении обычаев траура назначил правителем Курдистана и отправил в место назначения. По прибытии в вилайет Хасан 'Али-хан воссел на отцовский трон и закрыл перед челом подданных и [Господних] тварей врата притеснения. Был он, воистину, доблестным и грозным эмиром и отважным воином. Большую часть времени он проводил в молитвах Создателю и среди простого народа был известен аскетизмом и праведностью. Еще много времени (Букв, “большую часть времени”.) тратил он на охоту, а в управлении и рассмотрении дел простонародья положился на Мухаммада Рашид-бека *вакила*.

В сражении (В тексте: “поскольку в сражении...”.) под Шушей, которое произошло в 1111/ 1176-97 году, Хасан 'Али-хан с конниками Курдистана тоже принял участие, и, после того как Ага Мухаммад-хан был убит, на обратном пути [в Арделан *вали*] был ранен жителями крепости (В тексте: “пулей”). Сын покойного Хусрав-хана Аманаллах-хан и сын Мухаммада Мумин-хана Субхан-Вирди-хан тоже воспользовались удобным случаем, вместе с несколькими отпрысками хан[ского дома] Бани Ардалан их опередили и прибыли в Сенендедж [первыми], жаждая [захватить] власть. Однако Мухаммад Рашид-бек *вакил*, несмотря / 114 / на сильную болезнь и недомогание, их самовольство пресек, и они принесли извинения. Не достигнув желаемого, они повернули оттуда в сторону Маривана, оттуда после двухдневной остановки выехали в Саккыз. Тем временем Хасан 'Али-хан прибыл в вилайет и занялся лечением.

Аманаллах-хан и Субхан-Вирди-хан направили к 'Абдаррахман-паше Бабану красноречивого посланца просить о поддержке и призвали его на помощь. Упомянутый

паша им в помощь послал подобающий отряд во главе со своим братом Салим-беком, и они выступили, чтобы покорить Арделанский Курдистан.

Когда их войско прибыло в Мариван, Хасан 'Али-хан и Мухаммад Рашид-бек *вакил* выселили жителей Сенендеджа [из города], а [сами] выехали в сторону Махидашта и Мийан-и Дарбанд-и Керманшахан. Оттуда они направили к правителю обители мира — Багдада гонца быстрее и стремительнее ветра и молнии и подробно описали везиру выступление бабанского войска. К Салим-беку же они послали [۱۳۹] Мулла Мухаммада Шарифа *кази*, чтобы тот помедлил, пока не поступит ответ багдадского везира.

Поскольку действия эти везиром одобрены не были, 'Абдаррахман-паше было незамедлительно объявлено помощи не оказывать и не раскрывать десницы мщения ради отпрысков хан[ского рода]. Паша отозвал Салим-бека, и благородные ханы тоже возвратились в Саккыз.

После этих событий Аманаллах-хан [собственной] драгоценной особой пожаловал в Сулейманию и попросил у бабанского паши помощи. Паша, памятуя о сказанном везиром Багдада и про его запрет, принес по этому поводу свои извинения. Аманаллах-хан был вынужден возвратиться назад и обстоятельно [все] изъяснил друзьям. Сам он направился в Тегеран, а Субхан-Вирди-хан / ۱۴۸/ и другие благородные господа некоторое время спустя прибыли в город Сенендедж, [желая] снискать расположение Хасан 'Али-хана, и договорились с ним.

По приезде [Аманаллах-хана] в Тегеран Фатх 'Али-шах Каджар, который воссел на престол царствования вместо своего венценосного дяди, выделил в Курдистане округ Исфадабад и пожаловал Аманаллах-хану. Вышеупомянутый со своими родственниками и домочадцами изволил оставаться там, пока на небосводе удачи не возшло солнце его счастья.

Некоторое время спустя по подстрекательству сыновей Мухаммада Рашид-бека *вакила* Фатх 'Али-бека, Ахмад-бека и Насраллах-бека многие из знатных и благородных [людей] Курдистана отправились в Тегеран, выразили [свое] возмущение поведением Хасан 'Али-хана и испросили у его величества Фатх 'Али-шаха содействие. В результате Хасан 'Али-хана вызвали [в Тегеран] тоже. В конце концов с согласия сына Мухаммада Рашид-бека Мухаммада Заман-бека *вакила*, сына Михр 'Али-султана Мухаммада Рахим-бека и Назар 'Али-бека его приказали заключить под стражу в доме тегеранского беглербега, а правителем Сенендеджского Курдистана назначили Аманаллах-хана.

Аманаллах-хан

Когда в первый день почитаемого месяца раджаба ۱۲۱۴/۲۹ ноября ۱۷۹۹ года лучший из сыновей Хусрава эпохи и драгоценный любимый отпрыск семьи Бани Ардалан Аманаллах-хан украсил трон правления своим [исполненным] великодушием присутствием и даровал счастливой [своей] особой красоту / ۱۴۹/ и блеск престолу правления ^{۱۱۴}, от блеска его прибытия заулыбалась весна молодости, при добром предзнаменовании счастливого его прихода возликовали и заулыбались бутоны [۱۴۰] радости и наслаждения [жизнью]. В его непреклонных помыслах видна была царская справедливость, во всепостигающих его суждениях было очевидно величие владыки.

Двустигия:

Мир
Благодаря

снова
его

обрел
милости

обрел
другого

первоначальную
цвета

стала

свежесть,
землям

Еще раз обновилась весна правления,
Превысила радость [всякую] меру и воображение.

Со светлыми его помыслами [могла] сравниться [лишь] мысль Платона и Аристотеля, мироукрашающее помышление его [было] весомо, как мудрость Гиппократ и Бузурджимихра (Везир Хусрава Ануширвана.). Это эмир, который поговаривал о равенстве с венченосными владыками; благоразумный, что похвалялся [своим] подобием могущественным властителям.

С тех пор как Творец создал мир,
Подобного ему воинственного витязя не было.

Щедростью и великодушием он сравнялся с Хатим [Таем], мастерством и доблестью — с Рустамом и Кай [Хусравом]. Любил он людей ученых и одаренных и большей частью свои высокие помыслы устремлял на восстановление величественных дворцов и на [сооружение] новых строений ¹¹⁰. Он наказывал виновного, провинившемуся воздавал за его деяние. Блеском и могуществом [это был] второй Хусрав-и Парвиз, мощью и суровостью — второй Афрасиаб Кровавый Пансион для сеидов, улемов и ученых и на благородные гробницы [имамов] — мир над ними! — он довел до сорока тысяч туманов в год.

Всевышний Боже, тот справедливый и сиятельный эмир
Навсегда поселился в райском саду!

/ ۱۰۰ / Словом, когда тот [наделенный] высоким счастьем эмир стал обладателем трона Хусрав-хана, при здоровом помысле и Истинном помышлении (Букв, “вкус”.) занялся он делами правления и возродил обычаи Хусрава. Ночью и днем, большею частью Самолично, занимался он делами войска и *раишатов*, минуты не отдыхал от решения дел вилайета, завоевал сердце великого и малого и весь народ в Курдистан-и Сенне успокоил в колыбели мира и безопасности.

[Так продолжалось], пока в ۱۲۱۶/۱۸۰۱-۰۲ году Хасан 'Али-хан *вали*, которого держали в заточении в доме тегеранского беглербега, не улучил удобный момент и не бежал из Тегерана. Он укрылся среди злодеев-билбасов, собрал сборище и пошел на Сенендедж. Они подошли к городу на шесть фарсахов. *Вали* Аманаллах-хан тоже изволил выступить им навстречу, но Хасан 'Али-хан, не находя в себе [۱۴۱] силы противостоять ему, был вынужден возвратиться к билбасам. Высокодостойный *вали* тоже изволил отбыть в Курдистан.

Немного времени спустя при Хасан 'Али-хане собралось сборище подонков и черни Курдистана и стало подстрекать его сразиться. Поскольку билбасы задумались о могуществе *вали* и больше о нем (Хасан 'Али-хане.) не заботились, он был вынужден направиться в Курдистан с той самой небольшой горсткой [людей]. Аманаллах-хан тоже снова поспешил им навстречу. Встреча двух войск произошла у края Мариванской долины, которая во все времена служит местом сражений отважных. Хасан 'Али-хан вместе с тем небольшим сборищем ступил на ристалище отваги и обратил свои устремления . на [то, чтобы] сразиться [с врагом]. Когда витязи обменялись несколькими ударами и несколько человек испили от кравчего судьбы напиток смерти, Хасан 'Али-хан самолично ступил стопую отваги и повернул на центр войска [Аманаллах-хана] — туда, где [под] сенью драконоподобного знамени / ۱۰۱ / находился высокодостойный *вали*.

Ему преградили путь Йахйя-бек и Мухаммад-Кули-бек Саккизи, из которых каждый был львом из чащи хитрости и кровожадным героем поля брани, но тот искушенный [в боях] ловко отправил обоих в страну небытия. После них Фатх 'Али-бек *вакил*, от ударов

которого обращался в бегство кровожадный лев, погнав на поле брани [своего] Рахша (Имя коня легендарного героя иранского эпоса Рустама.) и выступил [ему] навстречу. Однако отважный хан [Хасан 'Али-хан] ударом смертоносного копья его ранил тоже, выбил из седла и устремился к *вали* (Букв, “к месту назначения”).

Поскольку *вали* помогал [его] гороскоп, на котором была запечатлена победа, и его недремлющее счастье, нога коня Хасан 'Али-хана попала в мышиную нору, и он опрокинулся навзничь. Несколько воинов Аманаллах-хана его настигли и ранили.

Благородный (Букв, “с похвальной сущностью”) *вали*, принимая во внимание узы родства, [собственной] славной особой поспешил к его изголовью, поднял его с праха приниженности и с победой и торжеством возвратился в вилайет. Для излечения Хасан 'Али-хана он изволил назначить искусных лекарей, однако некоторое [время] спустя по требованию столпов (Букв, “делопроизводителей”) высокой Иранской державы отправил упомянутого хана в Тегеран. Его заточили в *фарраш-хане* (Помещение для стражи.) [в доме тегеранского] [١٤٢] беглербега. По приезде шахского кортежа в столицу Хасан 'Али-хану тайно дали испить напиток мученической смерти и отослали его в страну небытия.

Выше было начертано пером изъяснения, что Аманаллах-хан *вали* пост *вакила* Арделана изволил препоручить Фатх 'Али-беку, сыну Мухаммада Рашид-бека, и поставил его на место отца. Они же (Фатх 'Али-бек и его братья.) по примеру своих предков, которые много лет всецело властвовали над населением Сенендеджского Курдистана и [им] управляли, во времена того владыки /١٥٢/ пожелали поступать как и прежде. Поскольку тот славный властитель при присущем ему благородстве и обилии [достойных] качеств не нуждался в других мнениях, в советах и наставлениях старшего и младшего, большого внимания на их слова он не обратил.

По этой причине Фатх 'Али-бек вместе со своими братьями вознамерились расстроить положение дел в эмирате и принялись за действия неподобающие. *Вали*, прослышав об этом, призвал их к себе, каждого заверил и ведение дел изволил предоставить на усмотрение *вакила*. Однако, когда после такой [его] меры прошло три-четыре месяца, благодаря проискам смутьянов и завистников они снова ступили на тот же путь разлада, распахнули врата вражды, склонили на свою сторону все население и направились в обитель Халифата Тегеран просить о помощи. Говорят, враги в своих враждебных действиях дошли до того, что *вали* в течение трех суток по вечерам оставался без масла даже на дне котла. Никто не смел что-либо продавать родственникам того благородного и [от них] покупать.

Вали тоже выехал в Тегеран, дабы пресечь смуту, [поднятую его] противниками. Малочисленность сторонников и множество врагов в дороге привели его в уныние и растерянность, и он пребывал в мудрых размышлениях о том, как поправить дело. В это время неожиданно ему на благословенную память пришел такой *руб'а'и*. Они записали его на кусочке бумаги и оставили на земле. Тут же они пожелали выкурить кальян, и из кальяна на слово “сипахи” (Перс, “войско”) упала капля воды и его смысла. [А] начертанный *руб'а'и*, который *вали* посчитал за доброе предзнаменование, [был] таков:

От		кипения		множества		войск	
Тело	в	рыданиях,	а	чело	[стало	цвета]	солоты;
Оставь		надежду	на	людей,		остается	
[Надежда лишь] на милость всевышнего Аллаха.							

/١٥٣/ Словом, сколько враги ни сочиняли, жалуясь, небылиц, [сколько] ни обещали богатые приношения, ни прибегали в своем деле к посредничеству эмиров и великих сановников [١٤٣] державы, результата не последовало и ничего они не добились. В конце

концов Мирза Ахмад везир обе стороны помирил и с тысячей раскаяний и унижений удостоил их (Мятежников.) чести лобызать *вали* руку.

Тот благоразумный эмир, сообразуясь с интересами времени, простил их прегрешения и всех изволил вознести дарами и подношениями, [подобаяющими] знатным. Фатх 'Али-бека он снова назначил на должность *вакила*, и они выехали в Арделан. [Что касается] славного деда [этой] бедняжки, который тогда стал заодно с благородными господами, выступившими против [Аманаллах-хана], то *вали* в наказание на несколько дней отвратил от него милостивый взор, поскольку был он молодым деревцем, вскормленным под сенью опеки высокородного повелителя, забыл обязанности, [налагаемые хлебом]-солью, и примкнул к противникам [*вали*]. Тот взыскал с него пять тысяч туманов, но через восемнадцать дней снова назначил его на пост *назира* и отметил почетным халатом, и вознесся тот выше прежнего. [А] дочерей его они изволили взять в свой гарем (“Причислить к госпожам дворцового гарема”).

Вакил тоже в полной уверенности занялся делами, однако, согласно бейту:

Если засел в ком дурной нрав,
То не оставит его до самой смерти,

со своими братьями проявил вероломство и распахнул врата смуты и мятежа. В конце концов терпение *вали* лопнуло, и в последний день почитаемого месяца ша'бана ۱۲۱۷/۲۰ декабря ۱۸۰۲ года под каким-то предлогом он вызвал Фатх 'Али-бека с двумя-тремя его братьями для [беседы] с глазу на глаз. Своим людям он приказал спрятаться за занавесками и [в] кладовых при полной готовности / ۱۰۴/ и вооружении и по [поданному] тем благородным знаку разом напасть на них. Таким образом они посыпали темя их упований прахом унижения и раскаяния.

Подвергнув аресту и оскорблениям, их заточили в комнате, которая находилась у внутренних ворот [дворца]. *Мухассило* было приказано хватать и вязать их людей и приверженцев внутри города и за его пределами, и все они были захвачены [в полной] растерянности.

В первую же ночь убили Фатх 'Али-бека, Ахмад-бека и Насраллах-бека, которые были перлами из одной раковины и сыновьями одной матери. Их младшего брата Мухаммада Заман-бека, который занимал положение более высокое, пожалели и два года держали в заточении, пока в отсутствие *вали* Сулайман-хан младший брат того преисполненного [۱۴۴] талантов эмира его не убил тоже. И место его погребения не известно.

После того, что с ними случилось, должность *вакила* m праву наследования препоручили сыну Михр 'Али-султана Мухаммаду Рахим-беку, который приходился Мухаммаду Рашид-беку зятем и двоюродным братом. Однако делами власти занялся и навел [в них] порядок прославленный *вали*, самолично. [Свой] досуг он изволил посвятить собиранию войска и армии и накоплению золота и серебра и за короткое время множеством богатств и могуществом, талантами и великолепием вызвал зависть венценосных владык и изумление сановников страны, [обладающей] величием Джама.

В ۱۲۱۹/۱۸۰۴-۰۵ году 'Абдаррахман-паша Бабан был смещен с поста правителя Шахризур. Утратив надежду на Османскую державу, он обратился за покровительством ко двору всемогущего властителя Фатх 'Али-шаха Каджара и просил *вали* быть в его деле посредником. После небольшой задержки [в Сенендедже] вместе с *вали* они направились в Тегеран с несколькими верными слугами и подобаяющими дарами.

Высокодостойный *вали* снискал при каджарском дворе безграничные и неисчислимые милости / 100/ и был вознесен пожалованием ему кинжала, инкрустированного блестящими драгоценными камнями и лалами, достойного государя, и [перстнем с] алмазом с руки (Букв, “пальца”.) самого государя. Бабанскому паше [Фатх 'Али-шах] тоже оказал явное расположение и с его высочеством *вали* совещался относительно упорядочения его дела. После беседы помыслы *вали* и попечителей державы утвердились на том: поскольку бабанский паша из Османской державы бежал и обратился за покровительством к Ирану, его не постигнет разочарование при дворе властелина с обычаями миродержца и венценосца; прежде всего следует определить ему в помощь хорошо вооруженное войско, дабы у себя он обрел независимость ¹¹³.

Прослышав эту новость, багдадский везир приказал созвать войска и *аширатов*, выступил из Багдада с [армией численностью] более двадцати тысяч человек и пушками без счета, прибыл в Касре Ширин и [там] остановился. Фатх 'Али-шах Каджар поручил благородному царевичу Мухаммад 'Али-мирзе ¹¹⁴, который был полновластным правителем трех провинций: Керманшахана, Хузистана и Луристана наказать везира. С другой стороны, с согласия Аманаллах хана было приказано Фараджаллах-хану *сардару* ¹¹⁵ с тремя тысячами напасть на бабанские земли через Мариван.

Аманаллах-хан созвал войско Арделана и в конце месяца [١٤٥] джумади ас-сани ١٢٢١/сентябре ١٨٠٦ года вместе с Фараджаллах-ханом сардаром выступил из столицы эмирата [Сенендеджа] с [войском, насчитывавшим] около десяти тысяч конников мощных, как Рустам, и стрелков неистовых, как Марс. Стоянка за стоянкой, и они прибыли в Шайх-Аттар.

Прослышав об этом, багдадский везир подумал: пока 'Абдаррахман-паша находится в Мариване и войско Аманаллах-хана ему на помощь / 107/ не подоспело, лучше этим воспользоваться, и, быть может, [дело] будет поправлено по-хорошему, смута устранена и таким путем обе державы пойдут на примирение. Следуя такому плану, его исполнение он поручил правителю Бабана Халид-паше ¹¹⁶ с Сулайман-пашой *кяхией* и десяти тысячам слуг при [его] стремени, и они отправились в путь.

'Абдаррахман-паша, прослышав о том, что произошло, незамедлительно послал к *вали* своего человека Ибрахим-бека и изъяснил ему истинное положение дел. Благородный *вали* тоже решил призвать конников и, сопутствуемый вспомоществованием Творца и победой (В тексте: “вспомоществованием и победой Творца”.), и уповая на таинства всесильного сеида (По-видимому, автор имеет в виду пророка Мухаммада.), вскоре присоединился к 'Абдаррахман-паше. Они сообща устроили смотр войску и с тысячей радостей и ликований приготовились к битве. Багдадский *кяхия* с Халид-пашой Бабаном, Сулайман-пашой, [правителем] Коя и Харира, с владевшими мечом богатырями и военачальниками, численность войска которых достигала тридцати тысяч человек, [тоже] прибыли, чтобы помериться [силами] с *вали*.

Встреча противников произошла на берегу Мариванского озера. Войска сошлись и, построившись в ряды, [воины] ухватились за мечи и копья. Началась битва. Закипели и взревели два моря войск. От искр, [вылетающих из] пушек и ружей, от молний, [высекаемых] мечами и копьями богатырей, поле брани стало напоминать тот день, “в который небо произведет ясно видимый дым” (Коран XLIV, 9), и благодаря удару десницы и мощи пятерни искушенных львов [сражения] сбылось [сказанное]: “Право, это удивительное дело!” (Коран XXXVIII, 4.).

Когда множество голов покатилося по полю [брани], а тела [пали] бездыханными под копытами коней, ветерок победы и торжества подул на знамя Ирана и Аманаллах-хана, а / 107/ османское воинство бежало в смятении. И снова одни из них были убиты, другие захвачены вместе с Сулайман-пашой *кяхйей*. Брат 'Абдаррахман-паши Бабана Салим-бек тоже был ранен на поле брани и скончался два-три дня спустя. [146]

После такой выдающейся победы 'Абдаррахман-паша утвердился на своем месте, а благородный Аманаллах-хан вместе с *сардаром* изволили возвратиться, сопутствуемые победой. Багдадского *кяхйю* с двумястами пленными румийца-ми сатанинской породы, которые были захвачены на поле брани, отправили ко двору Фатх 'Али-шаха в сопровождении достославного деда сочинительницы [хроники] Мухаммад-ака. Шах, однако, позволил выехать ему в Багдад. В конце концов тот власть 'Абдаррахман-паши признал, и они заключили перемирие.

В мухарраме 1222/марте 1807 года Хан Ахмад-хан, сын Риза-Кули-хана, и Мухаммад-Кули-хан, сын брата Аманаллах-хана Хан Ахмад-хана, Мухаммад Рахим-бек *вакил*, Назар 'Али-бек, Имам-Вирди-бек и их родственники и сторонники сговорились и задумали коварный [план] во [время] аудиенции убить высокодостойного *вали*, поразив [его] пулей, и самим вершить [дела] правления. После многочисленных совещаний и недостойных приготовлений сын Мирза 'Абдаллаха везира Мирза Лутфаллах, который был одним из их сообщников, [обо всем] доложил *вали* через Мирза 'Абдалкарима, что принадлежал к числу весьма ревностных слуг и считался [при хане] лицом близким и доверенным.

Тот эмир с величием кесаря [и] поведением Платона по здравом размышлении вызвал провинившихся к себе и приказал их заточить и заковать в оковы. Затем, принимая во внимание родственные узы, он простил вину Хан Ахмад-хану и Мухаммад-Кули- / 108/ хану, [удовольствовавшись] незначительным наказанием, однако Мухаммада Рахим-бека, Мухам-мада 'Али-бека, Назар 'Али-бека и Имам-Вирди-бека предал мечу возмездия и воздал им за содеянное.

После двух-трех годов правления 'Абдаррахман-паша Бабан в делах власти обрел полную независимость, забил в литавры вражды и отвернулся от обеих высоких держав — Ирана и Турции. В месяце ша'бане 1220/сентябре 1806 года он вместе с Ра'ис-эфенди выступил из своих становищ с намерением устранить багдадского везира ¹¹⁰ и остановился в Каратепе, [вынашивая] враждебные планы.

В начале благословенного месяца рамазана 1220/30 сентября 1806 года в окрестностях Обители мира — Багдада произошла встреча двух армий — войск Багдада и Бабана. После обоюдных усилий и стараний, схваток и нападений 'Абдаррахман-паша и Ра'ис-эфенди вышли победителями, а войско Рума понесло позорное поражение. Багдадский везир Сулайман-паша бежал, укрылся (**Букв. “отправился”**.) среди арабов. От Османского двора поступил приказ его убить, и он был убит. [147]

Когда об этом стало известно, от правосудного властелина [Фатх 'Али-шаха] тоже поступило указание *вали* [Аманаллах-хану], который собрал свое войско в Мариване и стоял (**Букв. “сидел”**.) в ожидании, возвращаться назад. И тот возвратился в вилайет Сенне.

По возвращении в Сулейманию 'Абдаррахман-паша вскоре возомнил о себе. Поскольку во время пребывания в Мариване арделанское войско грабило Шахризур, они использовали это как повод для своей вражды. В конце концов Аманаллах-хану Ардалану и Мухаммад 'Али-мирзе было поручено покончить с его смутой. Через Керманшах и Зохаб они

выступили, чтобы сразиться. Когда они подошли к окрестностям Зохаба, 'Абдаррахман-паша оставил Сулейманию, остановился в Койской крепости и [там] засел.

Два-три дня обе стороны разжигали бой / ١٥٩/ взрывами снарядов, [стрельбой из] пушек и ружей, пока у 'Абдаррахман-паши не оборвалась нить надежды и он не узрел перед собою врата спасения закрытыми. Он был вынужден покориться и сдаться и обязался выплатить пятьдесят тысяч туманов [в качестве] подношения.

Однако, когда *вали* [Аманаллах-хан] и царевич Мухаммад 'Али-мирза возвратились назад, пришел в ярость багдадский везир 'Абдаллах-паша и выступил из Багдада с войском более многочисленным, чем звезды, и пушками и огнестрельными орудиями без числа и счета, желая наказать отважного пашу. Паша с героями Бабана тоже вышел на поле брани, чтобы сразиться. После военных действий ^{١٦٠}, однако, бабанское войско обратилось в бегство и оставило поле битвы, а сам паша прибег к покровительству высокородного царевича и прибыл в город Керманшахан.

Шахзаде [Мухаммад 'Али-мирза] подробно доложил о том, что произошло, его величеству Фатх 'Али-шаху. Поскольку по обыкновению шахские шатры были разбиты на лугах [близ] Султанийе, [государь], выслушав сказанное, поручил нескольким каджарским ханам под руководством *шахзаде* и при содействии *вали* Аманаллах-хана завоевать, Багдад, опустошить ту область, подобную [садам] Ирема, и наказать зловерного везира.

[Посланные] на помощь войска (Букв. “силы”.) 'Абдаррахман-паша гнал до окрестностей и предместий Обители мира — [Багдада]. Будучи не в силах противостоять, багдадский везир был вынужден прибегнуть к перемирию. Через Шайх Джа'фара, *мутавалли* (Попечитель имущества, пожертвованного богоугодному заведению.) Неджефа, шейхов и сеидов той [١٤٨] благороднейшей страны он испросил извинение. 'Абдаррахман-пашу объявили правителем Бабана.

/ ١٦٠/ В начале месяца шавваля ١٢٢٧/июле ١٨١٢ года царевич с достоинством небес и высокородженный *вали* изволили возвратиться в принадлежащие им вилайеты, и после этого похода достославный *вали* два-три года почивал в колыбели мира и безопасности и распахнул перед жителями вилайета врата милосердия сообразно их положению. Каждого сообразно его чину и званию он возвысил до видной должности, даровал благополучие под сенью своей милости, так что волк стал спать вместе с ягненокм, а зяблик кормился с королевским соколом.

[Так продолжалось], пока в ١٢٣٠/١٨١٤-١٥ году в вилайете Арделана из злодейских и мятежных побуждений снова не подняли смуту сын Иусуф-бека Мухаммад Заман-бек и их близкие и родственники, Сайид Махмуд шайх ал-ислам и его сын Сайид Заки, сыновья Мирза Йусуфа Исма'ил-бек и Мирза Рахим. Они сговорились с несколькими [знатными арделанцами] и направились к тегеранскому двору просить о помощи, дабы нанести ущерб устоям власти *вали*.

На следующее утро после того (Букв. “после вечера”.), как высокий владыка выслушал это известие, он послал прославленного деда сочинительницы [хроники] Мухаммад-ака *назира* ко двору Фатх 'Али-шаха изъяснить истинное положение [дел] и помешать замыслам противников. Наконечник стрелы враждебных действий / ١٦١/ не попал в мишень благоприятного исхода, и они возвратились в Арделан. Однако Мухаммад Заман-бек, его сыновья и двое из их двоюродных братьев в Сенендедж возвращаться отказались, страшась мощи Аманаллах-хана. Они отправились в обитель правления Керманшахан,

поступили на службу к царевичу Мухаммад 'Али-мирзе и месяцев шесть-семь проживали в тех районах.

В конце концов, поскольку действия их не соответствовали чистому сиятельному помыслу *вали*, благородный *шахзаде* по его указанию четверых из них ослепил и изволил отправить к тому благоразумному эмиру. Остальных схватил сам *вали* и, получив штраф и конфисковав имущества, соккрыл их в уголке бедствия.

Словом, освободившись от них, [Аманаллах-хан] правил [еще] несколько лет и занимался делами власти, пока в ١٢٣٤/١٨١٨-١٩ году его старший сын Мухаммад Хасан-хан по наущению злоумышленников, задумавших предательство, не замыслил несбыточные планы. Темной ночью с группой подонков и черни вилайета он бежал и обратился за покровительством к всемогущему *шахзаде*, который находился [١٤٩] [тогда] недалеко от Арделана. Однако Мухаммад 'Али-мирза большой заботы в отношении его не проявил, поэтому [Мухаммад Хасан-хан] разочаровался [в нем] тоже и начал своевольничать в горах и в пустынях Луристана и Арабистана. Дерзновенной десницей он посягнул на имущества жителей тех пределов и областей, затеял сражение с одним из арабских шейхов и одержал над ним победу. Арабского эмира убили, а большинство здешних просвещенных людей захватили в плен и заковали в кандалы.

Мухаммад Хасан-хан провел таким образом какое-то время и в конце концов направился в Арделанский вилайет, начал чинить насилия и задумал уничтожение и искоренение / ١٦٧/ *аширатов* и *илей* Курдистана. В конце концов это положение (Букв, “смысл”.) стало непереносимым для мироукрашающих помыслов Аманаллах-хана, и блистательным [своим] умом он замыслил проучить смутьянов. Он собрал отряд из конников и сарбазов и направился к границе, чтобы уладить [дело].

[Аманаллах-хан] вызвал также своего зятя и племянника Хан Ахмад-хана, которому вместе с Мирза 'Абдаллахом везиром, сыном Хаджжи Мирза Ахмада, было поручено разгромить Фатх 'Али-султана Банейи ^{١٧١}, а деда сочинительницы [хроники] Мухаммад-ака [*назира*] назначил во главе отряда из храбрецов Арделана и послал в округ Бане.

Как только Мухаммад Хасан-хан и его люди слышат эту ужасную весть, он видит выход в том, чтобы, минуя дороги, идти на Сенендедж, перебить в городе остатки победоносного войска, ограбить область тоже и бежать. Вечером об этом стало известно в вилайете.

Отец сочинительницы [хроники] покойный Абу-л-Хасан-бек, который, будучи наставником сына *вали* Хусайн-Кули-хана, выполнял обязанности наиба, все усилия направил на защиту крепости, позаботился об охране городских стен и башен. Благородный Мухаммад Хасан-хан, посоветовавшись, тоже посчитал неразумным идти на Сенендедж, и они отказались от своего намерения. Затем они порешили вдруг, отчаявшись в жизни, решить дело с помощью битвы и острия блестящего меча.

С такими намерениями [Мухаммад Хасан-хан] выступил навстречу отцу, и в округе Равансар, в местечке, которое называется / ١٦٧/ Гум-у-шутур, на границе Махидашта и Арделанского Курдистана, произошла встреча грозных (Букв, “разящих”.) богатырей, и обе стороны приготовились к битве. Благородный *вали*, опасаясь из отцовского расположения [к] сыну проявить слабость, что противоречило бы его помыслам, когда [войска уже] стояли друг против друга, два-три раза посылал [١٥٠] посредником его честь полюс полюсов Мулла 'Аббаса шайх ал-ислама со словом Владыки знаков (Кораном.). Его (Мухаммад Хасан-хана.) наставляли на истинный путь, [но], поскольку, согласно [изречению]: “Когда наступать будет срок для них, тогда ни ускорить, ни замедлить его

Благородный *вали* по причине этого страшного несчастья помешался разумом, и во тьме [его] груди возгорелось пламя безысходной тоски, так что до самой смерти он был подвержен такому недугу.

Когда такое известие услышал каджарский шах, [это] вызвало [у государя] скорбь и сожаление, поскольку покойный Мухаммад Хасан-хан был украшен достоинствами и дарованиями, мужеством и великодушием. Он несказанно был опечален смертью того юноши, так что через деда сочинительницы [хроники] Мухаммад-ака [*назира*] / ۱۱۶۷/ (который два-три месяца спустя после этого события приказом высокодостоинного *вали* был назначен посланцем в обитель Халифата Тегеран), выразил недовольство (**Букв, “отвращение”**.) недостойными действиями *вали* Аманаллах-хана и скорбел о молодости того кипариса, [выросшего] на берегу реки счастья.

Несколько дней спустя упомянутый Фатх 'Али-султан — о его бегстве шла речь выше — отправился к границам Азербайджана, был там схвачен воинами царевича 'Аббас-мирзы [۱۵۲]

Наиб ас-Салтане и закован в кандалы за свои деяния. С суровыми, как Марс, доверенными [слугами] его отправили в Курдистан. После двух-трехмесячного заточения в доме Исма'ил-ака, дяди моего отца, согласно [изречению]: “...зуб за зуб: раны должны быть мезью” (**Коран V, ۴۹.**), его поручили одному из сыновей покойного Ахмад-султана. На площади перед воротами дворца правителя (**Букв, “обители правления”**.) за [пролитую] кровь отца [тот] обезглавил его ударом кинжала.

В год, [последовавший] за этими событиями, когда благородный Аманаллах-хан изволил находиться в Тегеране, его величество [шах] каджарский одну из достохвальных государевых дочерей, которая на своде могущества была сверкающей звездой и в шкатулке полновластия — блистающим драгоценным камнем и именовалась Хуси Джихан (**Перс, “красота мира”**.), изволил [обещать] в жены прославленному сыну эмира Хусрав-хану, наследнику отца и [для него] более драгоценному, чем душа, и вознести [его] до родства с падишахом.

По возвращении год провели в приготовлениях к [тому] благому делу и после разрешения важных вопросов направились в Тегеран с благородными и великими [людьми] вилайета, с несколькими госпожами из гарема [*вали*], с сестрой *вали* Хатунджан-ханум и двумя-тремя женами эмиров. Там в течение месяца они праздновали и пировали.

На эту свадьбу была израсходована / ۱۱۶۷/ сумма в сто тысяч туманов, на все необходимое для [того] благого дела. Из них сорок тысяч туманов предназначались на украшения, [свадебное] убранство и драгоценности для той госпожи. Покойный родитель, [там] присутствовавший тогда и наблюдавший [все] самолично, изучил список сладостей и расходов [на них]. Он сказывал, что было съедено десять харваров (**Около трех тонн.**) ногла (**Орешки, фисташки, миндаль в сахаре.**), не считая кускового сахара, белого набата (**Кристаллический сахар.**) и других лакомств. По этому можно судить об остальном. По всему Ирану до времени написания [этих строк], т. е. уже более двадцати семи лет, продолжают рассказывать об этом празднестве. Воистину, [бейт]:

Это тот самый рассказ, который побывал на любом базаре.

По прибытии в Сенендедж они несколько суток снова предавались веселью и радости и задали пир, на котором музыкантшей была [сама] Венера, а танцовщицей — луна. От этого брака в настоящее время остались (**Букв, “собралось”**.) три сына: [۱۵۳] Риза-

Кули-хан *вали*, Гулам-шах-хан и Хан Ахмад-хан. Дочерей тоже было трое. Самая старшая из них Ханум-и Ханумха — жена родного брата Мухаммад-шаха Каджара Ардашир-мирзы. Вторую называют 'Адиле-султан и именуют ханум, она супруга Хусайн-хана, губернатора Ширази. Самая младшая из дочерей по имени Аге-ханум до сих пор девственница и проживает под сенью братской опеки — да дарует им Господь долгую жизнь!

Два года [прошли] после великого празднества. Поскольку курды Сулеймании и Шахризура и племена джафов, которые пасли [свои стада] в пределах Курдистан-и Сенне, допустили злоупотребления (**Букв, “протянули ноги за пределы своего паласа”**), возвышенная натура *вали* [Аманаллах-хана] не смогла это перенести и он выступил, чтобы разгромить их. Все *или* и *ашираты* джафов, он ограбил, а большинство их уважаемых людей предал / ۱۶۸/ блестящему мечу. В этом сражении победоносное войско Аманаллах-хана захватило более пятидесяти тысяч туманов, которые они отправили к себе на родину. Отсюда *вали* [собственной] драгоценной особой при [всем] блеске славы проехал через Мариван и Шахризура и прибыл в Сулейманию, столицу бабанских пашей.

Правитель тех областей Махмуд-паша со [своими] слугами и подчиненными, знатными и благородными горожанами и торговцами (**Букв, “знатными и благородными города и базара”**.) за несколько дней до прибытия *вали* оставил город и уехал, поэтому [все] оставленное ими имущество, что было спрятано в спальнях и в укромных (**Букв, “укрепленных”**.) местах, стало добычей победоносного войска. Через два дня они из земель Бабана возвратились назад, поскольку [стояла] жара, вода была непригодна для питья, в войске началась холера, и от нее погибло более двух-трех тысяч человек.

Валад-бека Джафа, одного из величайших [людей среди] курдов, для наказания которого и был предпринят тот поход, захваченного [в плен], тоже привезли в город [Сенендедж]. Его сыновей по имени Рустам-бек и Ваджиб-бек заточили в крепости Каслан. Сыновья Валад-бека в конце концов улучили благоприятный момент, освободились из заточения и бежали. Через год сам Валад-бек тоже снискал милости. Одну из его благородных дочерей, которая, воистину, является блистающей луной на небосводе красоты и целомудрия, вознесли до замужества со счастливым сыном эмира Хусайн-Кули-ханом, а его самого (**Валад-бека.**) согласно его пожеланию отправили в [его] *иль* и *таифе*.

Около ۱۲۳۷/۱۸۲۱-۲۲ года расстроилось здоровье *вали* [۱۰۴] Аманаллах-хана Великого, и три-четыре года спустя, в начале зимы ۱۲۴۰/۱۸۲۴ года, он умер от болезни печени — “у Него власть над всем, и к Нему вы возвращены будете” (**Коран XXVIII, ۷۰.**) По соблюдении обычаев траура, поскольку стояла зима, его тело оставили в пустом зале и назначили чтецов читать нараспев / ۱۶۹/ Коран, пока после дней Науруза его не похоронили пышностью и великолепием, подобающим владыкам, по соседству с местом погребения великодостойных правителей Арделана.

Покойный Аманаллах-хан Великий во время своего правления и при жизни назначил правителем Джаванруда и племени джаф Мухаммад Садик-хана, который был самым старшим по возрасту сыном сего благородного, а бразды управления Исфандабадом и Чардули ^{۱۲۴} передал в достойную десницу и [предоставил] на усмотрение Хусайн-Кули-хана.

Из числа высоких строений и редкостных дворцов, которые сохранились и напоминают о том повелителе с обычаем кесаря, [следует упомянуть] внутренний дворец (**В отличие от наружных помещений, предназначенных для приемов**), один из дивных помещений (**Букв, “пространства**) которого называется Гулистан (“**Цветник**”), и уединенные за[городные

дворцы] с залом для приемов, домами, беседками и высокими замками, что претендуют на соперничество с [замком] Хавернак для Бахрама [Гура] ¹¹⁰.

/ 110 / К постройкам того эмира-странопокорителя принадлежи еще Талар-и и Дилгуша (Букв. “Сердцепокоряющий зал”) красотою он прославился на весь мир ¹¹¹; затем дворец Хусравийе и мечеть Дар ал-Ихсан которую можно сравнить с Иерусалимской мечетью и с олетованной обителью. Тем благородным построены также дворец к югу [от мечети] Дар ал-Ихсан, дворец для военачальника ханского [войска] и площадь у дворцовых ворот. Аманаллах-ханом Великим построен базар, что находится за пределами городской крепости, и еще дворец и сад Хусравабад, от которого [райский источник] Сельсебиль позаимствовал сладость проточных вод, а сад Ирема — красоту его лугов и дорожек. / 111 / [Это] словно рай на земле, который Творец назвал Хусравабадом.

Поляны с целебными минеральными [водами] на горе Авидар, сад и дворец Хасанабад на возвышенности к югу от селения, крепость, дворец и базар Каслан — все возведено им. Краткость [изложения] на этих страницах не позволяет описать и изъяснить небесноподобные начинания того *вали* [100] с достославными устоями. Приходится ограничиваться [перечислением лишь] некоторых [из них]. В конце концов, когда настиг его смертный час и он услышал призыв таинственного *хатифа*: “Воротись ко Господу своему!” (Коран LXXXIX, 10.), не смог он поправить дела ни изобилием [сокровищ], ни великой мощью, величием и даровани[ями]. Воспарил он тогда в направлении [мира] небытия. Воистину, “в день, в который не помогут ни богатство, ни сыновья, а только тот, кто придет к Богу с мирным сердцем” (Гам же, XXVI, 11, 12.).

/ 112 / Хусрав-хан III

Когда Аманаллах-хан Великий отбыл в рай, его сын Хусрав-хан, который [еще] при жизни отца утвердился на троне эпохи [его] заместителем, воссел на его месте и, исполненный величия и славы, изволил восшествствовать на трон отцовского эмирата.

В начале лета этого года, когда Хусрав-хан вместе со скромницей шатра славы и величия, или несравненной царевной Хуси Джихан-ханум, которая была беременна, поспешно выехал, желая посетить его величество [государя] каджарского — по заведенному обычаю, они изволили остановиться в летовьях (Букв. “на лугу”). Султанийе,— благородная царевна разрешилась от бремени и родила сына, названного Аманаллахом, славным и высокодостойным именем покойного Аманаллах-хана. Он был поименован [почетным прозвищем] Гулам-шах (Букв. “Раб шаха”).

Сын покойного Мирза 'Абдалкарима Мирза Муртаза-Кули Мухлис, которому были присущи добропорядочность и истинный вкус, и благородный милостиво называли его Хусрав Мирза Рафиком (Букв. “Друг”), составляя хронограмму восшествия Хусрава, сочинил два-три бейта, что, будучи не без достоинств, соответственно запечатлены [нами].

Кит' а:

Задумалось					Солнце,
Старается			найти		полустишие,
Составить		хронограмму	года	смерти	<i>вали</i>
И		восшествия	нового	<i>вали</i>	тоже;
Мудрость		изрекла:	“В	царстве	правления
Умер Аманаллах и воссел Хусрав	(Аманаллах шуд ва бинишаст Хусрав — при вычислении получается 11210/11211-10 г.).				

По возвращении из отмеченной благодатью поездки Хусрав-хан III распахнул врата казнохранилищ и кладовых [١٥٦] покойного *вали*, в которых хранилось более двадцати *куруров* наличными деньгами (*Курур — полмиллиона*), и оделил простонародье и знатных вилайета, каждого сообразно положению и званию. И столь благодарны и довольны были жители вилайета красотой помышления и чистотой нрава того благородного, / ١٧٢/ что [такого] не видели и [о подобном] не слышали ни при одном из прежних правителей. Ничтожнейший и самый высокодостойный радовались его существованию и были вынуждены [признать] его превосходство. От [всей] души и от [всего] сердца они повиновались (*Букв, “подставили выно для ошейника повинования”*.) ему и приготовились служить, кроме двух султанов из Авромана, Хайдар-султана и Мухаммад-султана. Уповая на многочисленность пушек огнестрельного оружия и [свою] мощь, а [также] по недомыслию и безрассудству они перестали изъявлять покорность и, понадеявшись на каменистые [отроги] и горы Авромана, подняли знамя смуты и мятежа и начали враждебные действия.

Сколько от истоков эмирата ни направляли милостивых посланий для их увещания, ничего не вышло. Их обуяла гордыня, и они отвратили чело от [своего] благодетеля, пока высокороденный Хусрав не посчитал необходимым [принять] меры для наказания подлых смутьянов. Прочитать и наказать их он поручил Мухаммад-хану сархангу, который приходился родным единоутробным братом тому благородному, с конниками и войском Арделана.

Враги, прослышав об этом, своим приютом избрали неприступные горы, стали строить укрепления, готовить все необходимое и собирать для сражения жаждущих мщения стрелков. Предводитель победоносного войска по прибытии остановился в полуфарсахе от их укрепления и два-три дня посвятил отдыху (*Букв, “сидел, отдыхая”*.) И вот утром, когда для врагов утро могущества сменилось вечером и их звезда счастья закатилась, [авроманцы] неожиданно обрушили град (*В тексте “стрелами”*.) пуль из щелей укрепления и разожгли шум битвы, стреляя из пушек и ружей. Благородный хан-военачальник, что в чаше отваги был леопардом, а в море храбрости — крокодил, / ١٧٤/ несмотря на юный возраст и неопытность, посчитал сражение за пиршество, бесстрашно сел на коня и повелел своему войску вступить в бой.

Поскольку возможности сойтись на поле брани не было, обе стороны занялись стрельбой из ружей. С той и другой стороны было убито несколько человек, в том числе Ака Джа'фар Бани Ардалан. От грохота ружей и криков стрелков пришли в содрогание устои семи небесных сфер. Однако, [١٥٧] поскольку враги находились на вершине горы, а победоносное войско у ее подножия, успехов больших не добились.

В конце концов храбрецы Арделана заткнули за пояс подол отваги и устремились на укрепление тех слепцов и теперь отплатили сполна врагам за [проявленную] неблагодарность. Хайдар-султан, главарь и предводитель того беспорядочного сборища и зачинатель великих (*Букв, “видных”*.) смут, без [всякой] на то причины пожелал спуститься с вершины горы вниз и со своими литаврами, барабаном и стрелками остановился на берегу реки, что протекала у подножия горы. Мужики поля брани, не обращая внимания на разящие стрелы и пули (*Букв, “не думая о стрелах стрел и ружей”*.), бросились на того неблагодарного и окружили его [плотно], как кольцо [охватывает] палец. Большинство его приверженцев захватили в плен, большую часть из них предали мечу. Султан, чтобы помочь своему безвыходному положению (*Букв, “излечить свою неизлечимую болезнь”*.), бросился в воду и [под водой] скрылся. Однако в воду вошли несколько героев Сенендеджа, сразили его пулей и из воды отправили в огонь преисподней.

Джа'фар-султан *аджудан-баши* с отрядом поспешил к укреплению Мухаммад-султана с другой стороны. Несмотря на то что пули сыпались на головы (Букв. “темя”) людей градом, они не думали о смерти. С помощью смелых атак они очистили то место от грязи его (Мухаммад-султана.) существования, побросав головы большинства врагов во прах унижения. Султан при виде /'Vо/ [такого] положения не придумал никакого выхода, кроме бегства. Он пустился бежать и прибыл в Шахризур.

Бабанцы, что пришли им на помощь, от лицезрения таких великих побед опечалились и тоже обратились в бегство. Упомянутый выше Джа'фар-султан отрезал им путь из ущелья и стеснил их жизненное пространство. Однако несколько великих [людей] Сенендеджа, как-то: Мирза 'Абдал-карим Му'тамид, Мирза Хидайаталлах Амин, Аманаллах-бек *вакил*, который в те времена был сотником (Йузбаши.), Мухаммад-ака *назир* и правитель Саккыза Мухаммад-султан — посчитали разумным освободить бабанцев, и было приказано открыть [выход из] ущелья.

Хан-военачальник после такой выдающейся победы возвратился в Сенендедж с [богатой] добычей и многочисленными пленниками и удостоился тысячи похвал. Каждый из газиев войска был отмечен какой-нибудь царственной милостью, а Джа'фар-султан вознесен среди равных пожалованием ордена, [украшенного] драгоценными камнями. [١٥٨]

Благородный [Хусрав-хан] так стремился к радостям жизни и любил мирские удовольствия, что при вести об [устраиваемом] им празднестве забывали сказание о Бахраме [Гуре]. Тот благородный соединил [в себе все] человечески совершенства, а за [свою] чистоту почитался вторым Йусуфом.

[Совершенным владением] различными почерками Хусра Третий превзошел мастеров прошлого, в [постижении] разновидностей [высокого] слога достойные *муниши* годились (Букв. “стали”) ему в ученики. Из раковины его *калама* воссияла (Букв. “просочилась”) сверкающая жемчужина, из Омана его памяти появился перл, достойный государя. При его щедрости и великодушии стали выдумкой рассказы о Хатиме, при совершенстве его справедливости [отошла в область] преданий (Букв. “песен”) слав Хусрава Ануширвана. Во времена его могущества газель ее сала молоко из вымени львицы, в его правлении сокол бы защитником куропатки. Словом, в эпоху владычества (В тексте: “эмирата”) Хусрава от гнета и притеснения не осталось и названия.

Палка сборщика налогов [стала уделом легенд, как] облик Симурга и сказочной птицы вместе с рассказами /'Vг/ о эликсире и философском камне. Разве что в начале своего правления он по неопытности, например, приказал арестовать и заковать в кандалы деда, отца и братьев отца сочинительницы [хроники] без всякой [их] вины. [Проявив] всевозможную грубость и неучтивость, он приказал оштрафовать их на тридцать тысяч туманов, пока в конце концов тому благородному не стала очевидна выдумка завистников. Каждого они изволили призвать к себе, облачили в дорогой халат и изволили вознести до высокой должности.

С братьями он тоже обошелся немилостиво, каждого каким-то образом обидел, так что все они утвердились в уголке приниженности. Так, 'Аббас-Кули-хана, которого после смерти отца изволили было возвысить до должности *наиба*, вскоре сместили, заковали в оковы и заточили в тюрьму. Их мать подвергли всевозможным наказаниям, которые не подошли сану и обычаю Хусрава, а их имущество конфисковали.

Хусайн-Кули-хана, который ранее, при жизни отца, был назначен эмиром Исфандабада, несмотря на то что он поспешил на службу [к Хусрав-хану] и проявил покорность и

послушание, [Хусрав-хан] через год сместил и управление той областью препоручил Бабахану Марагайи. Тот несчастный, понимая, что соперник могуществен (**Букв, “велик”**), собрал всю [١٥٩] наличность, которою владел, и, прибавив [к тому] Слово Господа (**Коран**), в полночь отнес к Хусрав-хану и заявил: “Здесь [все], что хранилось у меня в тайниках, и [весь] мой капитал. Бери, [лишь] не отдавай меня палачу и не клади мне на шею оковы порицания!” Таким путем он спас себе жизнь, пока в конце концов в связи с разладом, каковой они изволили внести в дела [моего] деда и отца — о том речь пойдет ниже — его снова не вознесли до управления Исфандабадом и до [должности] *вакила* Курдистана.

Мухаммад Садик-хан после смерти Аманаллах-хана *вали* тоже прибыл в город [Сенендедж] и засвидетельствовал / ١٧٧/ покорность брату, но через год начал бунтовать. Хусрав-хан с помощью притворных любезностей заманил его в вилайет и после конфискации имущества два-три года держал под арестом в верхней комнате рядом с царским залом, пока благодаря вмешательству [его] жен впоследствии его не освободил и не возвысил снова до управления Джаванрудом.

Таким образом, девять лет [Хусрав-хан] пользовался полной независимостью. Ни единой коллочки не вонзилось в подол собирающего цветы в цветнике его эпохи, и вино его времени не показалось горьким ни одному затворнику, если не считать того, что, согласно предопределениям Господа, в дни его власти в начале весны ١٢٤٦/١٨٣٠ года в Арделане началась чума — да убережет нас от нее Аллах! Погибло более восьми-девяти тысяч человек.

Из великих и знатных [людей Арделана] напиток мученической смерти испили сын Назар 'Али-хана Аллах-Вирди-хан, его сын 'Али Мурад-султан и несколько [их] родственников, а также племянник моего отца Джа'фар-султан *ад-жудан-баши*, который был рыкающим львом в чаще отваги. Все [жители] вилайета, страшась болезни, направились в горы и в пустыню и укрылись под сенью милости всемилостивого Бога. Через три месяца, в начале месяца мухаррама ١٢٤٧/июне ١٨٣١ года, чистая вода Господнего милосердия потушила пламя (**Букв, “искры”**) чумы, и оставшиеся в живых возвратились в вилайет.

Когда главнокомандующим [войска] Российского был назначен Паскевич ^{١٢٧} и [русские] решили завоевать Иран, после многих усилий они захватили область, пограничную с Азербайджаном. Акбар-бек, сын Мухаммада Заман-бека *вакила*, и несколько человек [его] близких и родственников посчитали благоразумным примкнуть к русскому войску и пожелали сговориться с сыном *вали* [Аманаллах-хана] Хусайн-Кули-ханом, смещенным с управления Исфандабадом. Его враги тут же обо всем / ١٧٨/ доложили *вали* [Хусрав-хану]. [١٦٠]

Поскольку семье этой бедняжки приписали [владение] наличными деньгами и сокрытыми ценностями, а благородный Хусайн-Кули-хан приходился [моему] отцу племянником (**В тексте: “сыном сестры”**), его высочеством *вали* [Хусрав-ханом] было дано указание втянуть в [ту] историю и [моего] отца, чтобы под тем предлогом все, что у них хранится в тайниках, забрать и присоединить к [своим] сокровищам. С этой целью [дело] поручили Хусайн-Кули-хану, пообещав [ему] управление Исфандабадом. Тот же, еще не изведав от судьбы холодного и горячего и не испробовав горького и соленого [от этого] непостоянного мира, забыл про [свой] долг в отношении дяди ради управления [Исфандабадом]. В конце концов после совещания тот пригласил покойного родителя под предлогом болезни одного из племянников, за дверью поставил людей *вали*, а перед ним распахнул врата вымыслов и уловок.

Около двух часов [продолжалась] беседа (Букв, “совещательное собрание”). В конце концов проговорились, в чем состояло их сокровенное желание, и встали. На следующий день, когда об обстоятельствах дела прослышал великий *вали*, было приказано заковать в кандалы и заточить в тюрьму сыновей Фатх'Али-бека *вакила* Мухаммад-бека и Мустафа-бека, Акбар-бека, который был зачинателем этого дела, Султана б. Назар'Али-бека, отца сочинительницы [хроники] Абу-л-Хасан-бека и еще братьев отца и племянников. Все они подверглись мучениям и были заключены в тюрьму. Немного времени спустя сыновей Фатх'Али-бека и Султана убили в крепости Каслан, Акбар же спасся с помощью тысячи хитростей.

Отца и братьев отца сочинительницы [хроники] из заточения освободили по причине [их] невиновности и изволили порадовать различными милостями. Они (Хусрав-хан.) задумали приблизить к себе [вашу] покорную служанку, и в конце концов я торжественно вошла в славный [ханский] гарем.

Однако история убийства казненных вызвала страх и опасения тех, что остались [в живых] из их семей. Младший сын Фатх 'Али-бека Аманаллах-бек, сын Ахмад-бека 'Али Мухаммад-бек и другие выдающиеся [люди] из их родни числом по меньшей мере в десять человек /1179/ сразу отвернулись [от Хусрав-хана] и обратились за покровительством ко двору [шаха] в Тегеран. Для устранения их смуты Хусрав-хан направил ко двору Фатх'Али-шаха Каджара Мирза Фарад-жаллаха везира, который приходился ему дядей, в надежде, что, быть может, он приведет беглецов [назад] и столпам его власти не будет причинен ущерб. Но поскольку те [просили] [1180] быть посредницей в их деле одну из жен государева гарема, которая именовалась почетным званием Тадж ад-Дауле (“Венец державы”), и обязались служить царевичу Сайф ад-Дауле ¹¹⁸¹, настойчивость везира не возымела действия на сиятельные сокровенные замыслы владыки.

[Тех] благородных препоручили царевичу Сайф ад-Дауле и отправили в Исфахан, пока за год до эпидемии (Букв, “заболевания”) чумы 1245/1182-83 года кортеж падишаха не прибыл в Хамадан. Их заковали в цепи и кандалы и передали Хусрав-хану. Ак-бар-бек, однако, спасся в одежде бедняка-дервиша, остальные [же] уединились в уголке печали. [Так обстояли дела], пока во время эпидемии и запустения вилайета по просьбе Мирза Фараджаллаха везира и Мирза Хидайаталлаха Амина не был освобожден 'Али Мухаммад-бек. Они отправились в селение Балбанабад, что расположено в Эйлаке, и там дали указание своим людям изыскать (Букв, “испросить”) средство для побега. Однако благодаря храбрости сына Мирза Хидайаталлаха Мирза Джа'фара, который находился поблизости, их замысел осуществлен не был.

/1181/ В конце священного месяца зи-л-хиджжа 1249/мае 1184 года внезапно усилилась болезнь того светоча зрочка величия и славы — [Хусрав-хана], ведь он страдал заболеванием печени и, будучи охвачен меланхолией, не занимался лечением и [не заботился об] исцелении, согласно [изречению]: “Так было и с отцами нашими!” Поскольку мне принадлежала честь делить ложе с тем благородным и я была удостоена общения с ним днем и ночью и вознесена до должности везира эндеруна (Женской половины дома.), [ваша] покорная служанка не знала покоя и сна (Букв, “спокойного сна”), ухаживая за больным. В конце концов

[полустишие]:

Обрушилось на меня то, чего я страшилась.

Пока тот повелитель болел, снова началась холера — избави Бог от Божьего гнева! Городские жители тут же покинули город, но — благодарение Аллаху, владыке обоих миров! — болезнь не распространилась, и умерло не более трех-четырёх человек. Между тем недомогание молодого *вали* усилилось, и выздоровление не наступало, пока в четверг второго дня месяца раби'ал-аввала ١٢٥٠/٩ июля ١٨٢٤ года птица его исполненного побед духа не поспешила с тысячей горестей и сожалений к райскому саду ¹¹³.

[Стихи] сочинительницы [хроники]: [١٦٢]

Не было тела, что не свернулось бы подобно волоску в огне от этого горя;
Не было сердца, что не возрыдало бы от такого страдания, подобно грому в пустыне;
В таком горе пребывать будут здесь, пока не наступит день Страшного Суда.
Иисус будет оплакивать [его смерть] в четвертой небесной сфере.

От того, что случилось, распахнулись перед обитателями мира врата скорби, до седьмого неба донесся шум смятения и плача. [Подобные реву] труб [рыдания] обитательниц гарема оглушили ангелов, от смятения стыдливых [жен] треснули устои голубого небосвода. Несколько дней они соблюдали обычаи оплакивания и на долгие времена подняли знамя скорби:

Не знаю, как оба глаза мои возрыдали от горя,
Если подобает, чтобы его молодость оплакала [сама] смерть!

/ ١٨١ / После смерти Хусрав-хана жители Арделанского вилайета, побуждаемые давностью служения [семейству Бани Ардалан] и добрыми намерениями, единодушно вознесли на правление счастливого *амир-заде* Риза-Кули-хана, старшего сына того благородного, [которому] было одиннадцать лет. Однако, прослышав о смерти Хусрав-хана, Ардашир-мирза, брат Мухаммад-мирзы, и сын покойного 'Аббас-мирзы, тот час пожелал захватить Курдистан, собрал войско и выступил из своей резиденции Гярруса / ١٨٢ / с намерением завладеть Сенендеджем.

Благородная царица Хусн Джихан-ханум, чело которой еще покрывал прах траура [после] смерти мужа, бесстрашно собрала арделанское воинство с пушками и замбураками, а в войсковом реестре было записано более семи-восьми тысяч человек, поспешила навстречу Ардашир-мирзе.

В Заге и Акбулаке войско той повелительницы разбило палатки и преисполнилось решимости [вступить] в битву и сражение. Однако, когда Ардашир-мирзе стало ясно, что храбрецы Арделана отрешились от жизни и повязались поясом покорности [госпоже], желая [доказать] самоотверженность, и что сил сразиться с поражающими врага смельчаками у него нет и биться с львами, повергающими львов, он не в состоянии, [царевич] поневоле направил ходатаев и предложил перемирие. В конце концов дело кончилось миром. Он испросил в жены Ханум-и Ханумха, старшую из дочерей Хусрав-хана, которая упоминалась выше, и предложил перемирие; заключили брачный союз и перемирие и, уладив дела, возвратились в вилайет. [١٦٣]

/ ١٨٢ / *Риза-Кули-хан*

Когда произошло [это] ужасное событие, ко двору Фатх 'Али-шах направили Казим-бека Афшара сообщить [о том, что] опаляло душу, [подобно] пламени, и вышеупомянутый (*Букв, “когда вышеупомянутый”*.) доложил. Государь и придворные ханы так опечалились и огорчились, что невозможно описать и представить. Славных *шахзаде* Фатхаллах-мирзу Шуджа'ас-Салтане ¹¹⁴ и Таджли-бигум-ханум, которые приходились благородной Валийе

Хусн Джихан-ханум единокровными и единоутробными братом и сестрой, изволили назначить для участия в оплакивании [покойного] *вали*.

Великие *шахзаде* пробыли в Сенендедже Два-три месяца и поддержали счастливого *вали* [Риза-Кули-хана] в делах правления. На пост везира назначили Мирза Фараджаллаха везира, что, воистину, в делах везирских был вторым Низам ал-Мулком и превзошел Асафа ¹³¹, и бразды разрешения дел препоручили его достойной деснице.

Когда Мирза Хидайаталлаху Амину, который до того был направлен в Азербайджан и, когда наследник [престола] выехал в Тегеран, оказал выдающиеся услуги, поручили поставить [на правление в Керманшахе] брата Мухаммад-шаха царевича Бахрам-мирзу ¹³², а сына покойного Мухаммад'Али-мирзы Мухаммада Хусайн-мирзу ¹³³, что был полновластным хозяином Керманшахана, Луристана, Хузистана и Бахтиарии, прогнать, он запросил у великого *вали* помощи. В середине зимы, [невзирая на] обилие снега и дожди, тот высокородный выступил в сторону Керманшаха [и] с [ним] восемь тысяч конников и полк пехотинцев. В караван-сараях Махидашта он присоединился к Бахрам-мирзе.

Мухаммад Хусайн-мирза, прослышав о прибытии Бахрам-мирзы и Риза-Кули-хана [ему] на помощь, не смог [ни] убежать, [ни] скрыться и с незначительным [числом своих] людей и приверженцев бежал в Тегеран. Там он был схвачен и отправлен в ардебильскую тюрьму и в той области проживает вплоть до настоящего времени, / 134 / [когда] пишутся [эти строки], т. е. до 1262/1845-46 года хиджры. Его высочество Бахрам-мирза благодаря поддержке победоносного арделанского войска без сражения и боя вступил в Керманшах и остановился в резиденции губернатора. После утверждения царевича победоносное войско *вали* тоже возвратилось в Сенендедж.

Когда после смерти Хусрав-хана и назначения Риза-Кули-хана минуло восемнадцать месяцев, его (*Риза-Кули-хана*.) везиры и приближенные начали дурно обращаться с населением [135] Арделанского Курдистана и чинить насилия. Сын покойного Аманаллах-хана Мухаммад Садик-хан, претендовавший на правление, вместе с другим своим братом, 'Аббас-Кули-ханом, который на несколько дней оставлял родные места, с большинством прославленных [людей] Сенендеджа в 1251/1835-36 году выехал в Тегеран. Вначале дела их немного продвинулись, однако впоследствии благодаря стараниям ее высочества Валийе стрела их устремления натолкнулась на камень, и они ничего не добились. Валийе же, разрешив [все] дела, благополучно возвратилась в вилайет Сенне.

Мухаммад Садик-хан после двух лет пребывания в Тегеране оставил те области и поспешил в Керманшахан к Манучихр-хану Му'тамид ад-Дауле ¹³⁴, который в те времена был полновластным хозяином того края. Му'тамид ад-Даул неоднократно обещал разрешить его дело, пока ее высочество Валийе не испросила в жены высокому *вали* [Риза-Кули-хану] одну из сестер шаха, украшенную именем Туба-ханул что значит "рай". Он пожаловал в Тегеран с большинством благовоспитанных [людей] Сенендеджа, чтобы отпраздновать свадьбу. Следуя словам: "Дела связаны со временем, [их свершения]", они (*Мухаммад Садик-хан и Му'тамид ад-Дауле*.) посчитали рошу пустой, [покинутой львами-витязями], а момент благоприятным, с двум сотнями / 135 / конников выступили из Керманшахана, подстрекаемые группой черни Курдистана и [побуждаемые] низменными (*Букв, "плотскими"*.) страстями, и отправились на завоевание Арделана.

Высокодостойный *вали* [Риза-Кули-хан], чей благородный возраст в те времена достигал пятнадцати лет, прослышав том, что произошло, вместе с Фараджаллахом везиром и от

рядом воинов двинулся на Сенендедж с другой стороны выступил с намерением сразиться. В ту же ночь Мухамма, Садик-хан прибыл [в Сенендедж] через Йаминан и Гузре Джар. Поскольку *вали* Риза-кули-хан изволил ехать через Нерран, встреча противников за пределами города не произошла.

Сторонники Мухаммада Садик-хана по прибытии в окрестности города нападали на каждого встречного и одного двух человек застрелили. Семьи Мулла 'Аббаса шайх али-ислама, Мирза Фараджаллаха везира и Мирза Хидайаталлаха Амина, услышав о происходящем, испугались, той же ночью выехали [и] до наступления следующего дня (Букв, “до завтра”.) добрались до племени джаф.

Мухаммад Садик-хан по приезде в город начал собирать войско. Незначительные войска, что находились в городе, к [١٦٥] нему примкнули: одни — по личной злобе, другие — посчитав благоразумным. В общем, назрели смута и раздоры.

Когда слуги *вали* [Риза-Кули-хана] узнали о прибытии его (Мухаммада Садик-хана.) в Сенендедж, они впали в полную растерянность. Дошло до того, что их сплоченные ряды распались и листья ревностной [службы] того неисчислимого отряда осыпались. Тогда отважно выступил вперед сын покойного Аманаллах-хана *вали* Хусайн-Кули-хан, успокоил и обласкал воинов мудрыми советами и поддержал увещеваниями.

/ ١٤٧/ На следующий день утром храбрые курдистанские витязи и искусные стрелки из лука прибыли при стремени *вали* в окрестности города, и Мухаммад Садик-хан укрылся в столичной цитадели, а городские ворота препоручили охранникам. Около часа они обменивались выстрелами (Букв, “они посылали гонцом для взаимных визитов пулю”), и нить жизни нескольких глупцов из вилайета была перерезана ножницами смерти. В конце концов воины *вали* пробили в крепостных стенах брешь и отряд за отрядом вступили в бой, желая сразиться. Военные действия развернулись на крышах [домов] и на площади перед дворцом правителя. До полудня, таким образом, продолжалась битва, и ни одной из сторон не удавалось добиться успеха.

Тем временем Аманаллах-бек *вакил* и Кубад-бек *фарраш-баши* вместе с несколькими *бегзаде* и стрелками из Авромана и Бане сумели обойти здание эндеруна, и обитательницы женской половины дома с помощью веревок и канатов их отважно подняли наверх. Те остановились на плоской крыше эндеруна лицом во двор, [что] известен [как] Дафтархане (Канцелярия.), начали военные действия и поставили засевших в крепости в безвыходное положение.

С другой стороны к дворцовым воротам сплоченными рядами направились остальные жаждающие мщенья витязи. Поражая мечом и стрелой, они их разломали и вошли во дворец. Таким образом, завязался ожесточенный бой, и в конце концов Мухаммад Садик-хан и его люди были захвачены в плен со всем позором. Большинство его приверженцев было ранено и поражено кинжалом, и с обеих сторон в тот день убили и ранили двадцать четыре человека. Оставшиеся в живых из воинства (Букв. “сил”.) Мухаммада Садик-хана тоже были закованы в кандалы и заключены в тюрьму.

В месяце сафаре ١٢٥٧/марте — апреле ١٨٤١ года Махмуд-паша Бабан отрекся от державы рода 'Усмана, / ١٤٧/ и сын Сулайман-паши Ахмад-паша Бабан, который ему приходился племянником, по наущению и указанию султана Рума [١٦٦] прогнал его из Бабанского вилайета. Махмуд-паша прибег к покровительству государя Ирана и от благородного Риза-Кули-хана тоже испросил помощь и поддержку. Благородные Валие и *вали* [Риза-

Кули-хан] поселили Махмуд-пашу в Курдистане (Арделане), распахнули пред ними врата приязни и велико[душия] и исполнили то, к чему обязывала дружба.

Зимой Валийе, *вали* [Риза-Кули-хан] и царевна Туба-ханум вместе с упомянутым пашой, благородными и знатными [людьми] Сенендеджского Курдистана и Бабана направились в Тегеран, чтобы освободить владения [рода] Бабе и [испросить] у каджарского государя помощь. Пока они там находились, несколько злоумышленников, что уже давно выжидали удобный момент, чтобы с помощью наговора и клеветы разлучить шкатулку с самоцветом и с созвездием звезду, расстроить и внести разлад в отношения *вали* и Валийе, которая по причине младости лет сына самолично занималась делами [управления] Курдистаном, воззвали через Туба-ханум, жемчужину из раковины царствования, к столпам (Букв. “главам”.) державы, и государь утвердил правителем и полномочным владельцем благородного Риза-Кули-хана.

Ее высочеству Валийе (В тексте: “Поскольку ее высочество Валийе...”) были в такой степени присущи здравомыслие и природный ум, что уже в начале дела она предвидела его исход. Она понимала, что Риза-Кули-хану при его малолетстве и малой искушенности не справиться с таким великим и трудным делом, а бездействие (Букв. “остановка крыльев”.) породит беспорядок на границе и погубит Арделанский вилайет. После нескольких советов, [видя], что слова [не привели ни к чему] и бутоны ее просьб не распустились в желанном цветнике, она была вынуждена умолкнуть. По этой причине и [благодаря] наущению зложелателей, которые подстрекали благородного *вали* [Риза-Кули-хана], отношения между матерью и сыном закончились враждой. /111/ Покончив с делами, упомянутый паша, Риза-Кули-хан и его свита возвратились в Арделан. Ее высочество Валийе после того несколько дней оставалась [в Тегеране], однако отчаялась и прибыла в вилайет, опасаясь, как бы, не дай Бог, не порвался переплет в книге правления по невежеству и злобе кучки людей, от которых исходило [стремление вызвать] этот разлад, и не рассыпались листы тетради тысячелетнего владычества из-за наговоров и стараний тех, что стали зачинщиками этой непрекращающейся смуты, как это в действительности и произошло (Букв. “как [переплет] порвался и [листы] рассыпались”).

[Валийе] весьма усердствовала в советах и увещаниях, [112] но они не слушали. И не прошло много времени, как подстрекатели собственными глазами узрели воздаяние за противодействие мужественным помышлениям этой скромницы (Букв. “Покрывала стыдливости”). Убедившись, что ласковые ее советы [для них тяжелы], как камень, и [пусты], как кувшин, а в сердце у них притча про купол и грецкий орех (Которые при внешнем сходстве несопоставимы.), она была вынуждена закрыть [на то] глаза и уединилась.

Тем временем от предводителей Бабанского вилайета непрерывно, одно за другим прибывали их паше послания следующего содержания: “Если благородный *вали* и паша выступят в направлении Шахризура, знать и простонародье этих пределов станут (В тексте: “станем”.) слугами при победоносном стремени. Мы очистим вилайет Бабана от скверны существования врагов и передадим во владение ваших наместников”.

Махмуд-паша обратился за покровительством к Риза-Кули-хану и изъяснил ему обстоятельства [дела]. По их просьбе в том же, 1207/1181-82 году поступило предписание пограничным войскам прибыть, и *вали* [Риза-Кули-хан] самолично с [находившимися при его] стремени слугами, с Махмуд-пашой и его людьми изволили отбыть в направлении Бабана (Букв. “места назначения”). В четырех перегонах от Сенендеджа к армии *вали* присоединилось вызванное [им] ополчение из султанов округов, *аширатов* и конников, [охранявших] границы. В округе Мариван они остановились.

Поскольку из Бабанановых достоверных известий не поступало, несколько дней / ١٨٩/ занимались в тех местах охотой, пока не стало известно, что `Абдаллах-бек, брат Ахмад-паши, с небольшим войском, полком сарбазов и семью пушками остановился в четырех фарсах от лагеря [*вали* Риза-Кули-хана], однако [потом] решил бежать.

Прослышав это известие, *вали*, следуя велению судьбы и из-за козней везира, изволил тотчас направить в Сулейманию Аманаллах-бека *вакила* с двумя тысячами человек вместе с Махмуд-пашой и его сторонниками. Кубад-беку с тысячей конников, с авроманскими султанами и стрелками он приказал занять ущелье, что находилось в половине фарсаха от лагеря, а сам остановился несколько позади.

По словам самых знаменитых [авторитетов], Мирза Хидайаталлах везир, чей род долгие годы и дни был приближен [к правителям Арделана],— в те дни из-за [своего] зложелательства он был у благородного *вали* в немилости — сообщил 'Абдаллах-беку и его войскам о том, что армия [١٦٨] [Риза-Кули-хана] разделилась на части, и дал понять, чтобы они подходили.

На следующий день на рассвете, когда военачальник большей частью спокойно спали, а один отряд пас в степи лошадей, `Абдаллах-бек поспешил навстречу в надежде оказать врагам отпор. Когда от дозорных войска прибыло сообщение, что бабанская армия в боевой готовности подошла к лагерю [*вали*] на полфарсаха и спешит сразиться, та малость, что осталась от арделанского войска, пробудилась о; сна. Повскакали с мест — половина безоружными, другие сели на коней, не надевая габа (*Длинная мужская одежда, надеваемая под широкую верхнюю.*) и не опоясавшись шалью. Около тысячи человек таким образом преградили, путь врагам и приготовились рисковать жизнью.

Тем временем ополчение Бабана приблизилось, и дозорные с обеих сторон начали бой. Юноши Арделана трижды заставляли львам [подобных] мужей Бабана повернуть назад. Однако, поскольку воинству [Риза-Кули-хана] были уготованы, как изъяснено выше, поражение и неудача и ранее между ними и родом Бабан / ١٩٠/ были приняты скрепленные клятвами обеты, они разом, не прилагая усилий и стараний, повернули назад от бабанского войска и, радея о собственной пользе, поспешили в Арделанский вилайет.

При виде этого столпы неколебимости остальных содрогнулись, и, хотя враги обратились в бегство, они вслед за ними тоже прекратили сражаться. Некоторые из храбрецов Арделана, что проявили стойкость на поле брани, как-то: Шайх 'Али-бек и Назар 'Али-бек, сын Мухаммад 'Али-бека Мухаммад Риза-бек, Мирза Фазлаллах *мухрдар* (“*Хранитель печати*”) и Мирза Абу-л-Фатх, которые приходились [друг другу] двоюродными и единоутробными братьями, а также Мирза Рахим, сын Мирза Йусуфа, были убиты. Сын эмира Аслан-хана Мустафа-хан и его сын Наджаф-Кули-хан, сын Назар 'Али-хана Мухаммад-Кули-хан и Мирза Мухаммад Рафи' *назир*, ненамного отдалившиеся от лагеря, были сражены пулями сборища сулейманийских курдов и вручили душу ангелу смерти. Оставшиеся в живых, согласно [изречению]: “В тот день, когда человек побежит от своего брата, своей матери и своего отца” (*Коран LXXX, ٣٤, ٣٥.*), не отпускали поводыев бегства, пока [не прибыли] в свой город и область.

С другой стороны Аманаллах-бек с войском [Арделанского] Курдистана и Махмуд-паша Бабан, подъехавшие было к Сулеймании [на расстояние] в один перегон, прослышали о поражении и тоже невольно выпустили из рук поводыя [١٦٩] самообладания, направились в Арделан и присоединились к *вали* [Риза-Кули-хану].

* * *

Несколько дней спустя от врагов *вали* [Риза-Кули-хана] каджарский шах услышал правдивый рассказ [о случившемся]. Ее высочество Валийе Хуси Джихан-ханум, будучи обижена на сына, тоже / 19 / направились в Тегеран и объяснила поражение злым умыслом некоторых благовоспитанных [людей] вилайета. Государевым двором Мусахану Вассафу было поручено заковать в оковы и заточить [в тюрьму] племянника беглербега Мераге Ахмад-хана Баба-хан-ака, который занимал должность *амир ахур-баши-гири* княжеских конюшен; дядю [Риза-Кули-хана] 'Али-хана, чьи деды принадлежали к высокому роду Бани Ардалан и много лет тому назад избрали для поселения Туй-Саркан, а в те дни, [когда происходили описанные события], он был вознесен до поста ве-зира и управителя Арделана; Исма'ил-бека *даруге* и Кубад-бека *фарраш-баши*. Постановили взыскать с них восемь тысяч туманов и востребовать их поручили Аллах-Кули-хану, *иль-хану* каджарского племени.

В результате тех благородных схватили, в оковах и кандалах отвезли в Тегеран, а деньги за короткое время взыскали с их родственников.

В это время с извинениями за поражение в Мариване и докладом о той великой (Букв, "видной".) смуте *вали* [Риза-Кули-хан] направил в Тегеран сына покойного Мирза Шукраллаха, племянника Мирза Хидайталлаха везира Мирза 'Абдалмаджида, который был правителем Джаванруда и племени джаф и, воистину, считался средоточием человеческих совершенств и вторым Платоном по непреклонности и ясности ума и твердости убеждений. Однако сразу по прибытии [в Тегеран] его повесили и казнили без разговоров, без суда и следствия (Букв, "без вопросов и ответов".), поскольку зложелатели и их причислили к подстрекателям. Покойный, обитающий в раю Хусайн-Кули-хан сочинил на его смерть *кит'а* с такой хронограммой:

/ 19 / Год этот очевиден, хронограмма его удивительна,
Заключена она в [словах], начертанных пером: "Шахид-и Дуст шуд 'Абдалмаджид ('Принял мученическую смерть за друга 'Абдалмаджид" — 1207/1281-82 г.)".

После таких событий Риза-Кули-хан тоже отбыл в Тегеран, дабы изыскать выход из положения, поскольку устои [190] его правления пошатнулись. Через два-три месяца выехала из Курдистана и благородная царевна Туба-ханум и прибыла ко двору брата. Его величество государь по братской любви и приязни, каковую он питал к Туба-ханум, провинности Риза-Кули-хана простил, сместил его с поста *вали* и течение восемнадцати месяцев держал в Тегеране. Пока [там] оставался, при *вали* [Риза-Кули-хане] находилось более тысячи человек из сеидов и шейхов, просвещенных и улемов, ханов и знати Курдистана.

В отсутствие *вали* [Риза-Кули-хана] Мухаммад Садик-хан самовольно стал замещать [его] и править, а обязанности везира поручили Мирза Хидайталлаху везиру. Однако в отношении сторонников *вали* они проявили крайнюю грубость так что по ночам никто не знал сна в собственном доме, пока благородный *вали* [Риза-Кули-хан] не снискал милость. Дурное обхождение Мирза Хидайталлаха с населением ускорило дело, и управление Арделанским вилайетом бы, передано ему (Риза-Кули-хану).

Ее высочество Валийе получила для светоча очей, и сравненного своего [сына] Аманаллах-хана Второго, округ Исфандабад во временное управление и [на правах] *сойюргала* и [добилась его] выделения из [Арделанского] Курдистана. Их помощники и заступники, как-то: сыновья Аманаллах-хана Великого Мухаммад Садик-хан, Хусайн 'Али-хан Абу-л-Фатх-хан, Мулла Махди *кази*, Мирза Хидайталла. везир, сын Ахмад-бека 'Али Мухаммад-бек и несколько человек из их дядьев — тоже выехали и поселились в Исфандабаде.

/ 197/ По приезде в Арделанский Курдистан Риза-Кули-хан не обрел покоя, поскольку Валие Хуси Джихан-ханум оставалась в Тегеране, [продолжала] интриговать, и им помогал великий везир Хаджж-мирза-акаси. Через пять месяцев после прибытия *вали* Валие составила опись своего и своих родственников имущества и потребовала его возвратить. Государевым двором Камбар 'Али-хану *сартину* (**Бригадному генералу.**) было поручено покончить с этим делом. Однако вышеупомянутый после одного-двух месяцев пребывания [в Арделане], ничего не добившись, был вынужден выехать в Туй-Саркан, где они остановились, и [обо всем] подробно доложил доверенным [слугам] высокой [Иранской] державы.

Ему с двумя-тремя сотнями конников поручили еще раз получить имущество и разрешить то дело, но на этот раз тоже ничего не вышло — [те] приводили отговорки и тянули время.

Около 1261/1849 года турецкий султан поручил Наджиб [177] паше Багдадскому навести порядок в Шахризуре и наказать Ахмад-пашу Бабана, который болтал о враждебности к Ирану и Турции. Тот пошел на Шахризур с тридцатью тысячами конников и сарбазов и двадцатью пушками и устремил старания на разгром [Ахмад]-паши. С таким намерением он вступил в Кой и Харир и несколько дней был занят переговорами с Ахмад-пашой.

В конце концов Ахмад-паша с четырьмя полками сарбазов, с двумя-тремя тысячами конников и четырьмя пушками бесстрашно устремился навстречу Наджиб-паше и остановился в двух-трех фарсах от его лагеря. В ночь перед утром, когда была назначена битва, в войске Ахмад-паши началась смута и вспыхнули раздоры. Споры довели до убийства. По этой причине дела [Ахмад]-паши поневоле расстроились, и той темной ночью он был вынужден бежать с тысячей конников из знатных и благородных бабанцев и с двумя сотнями солдат регулярного войска, оставив палатки, поклажу (**Букв. “вещи”**.) и артиллерию. До рассвета / 194/ они добрались до Сулеймании, вывезли свои семьи и обозы, и те прибыли в Курдистан-и Сенне.

Багдадский везир без тягот битвы и сражения завладел Сулейманией и Шахризуром, назначил правителем и пашой Бабана и Шахризуром брата Ахмад-паши 'Абдаллах-бека и возвратился в Багдад. Ахмад-паша, со своей стороны, тоже обратился за покровительством к *вали* [Риза-Кули-хану] и был принят *вали* [Риза-Кули-ханом] как гость. С подобающими церемониями его отправили в Равансар и там изволили поселить.

Затем к каджарскому двору выехали 'Абдаррахман-бек от [Ахмад]-паши и 'Абдалкарим-бек от *вали* и настоятельно просили о помощи. Однако, поскольку устои обеих высоких держав, Ирана и Турции, зиждутся на мире и единодушии, было решено, что они оттуда (**Из Равансара.**) выедут и остановятся в Арделане вдали от границы (**Букв. “внутри земли арделанской”**.) [Ахмад]-паша посчитал разумным обратиться к высокой Румской державе, а затем был вынужден с тысячей извинений направиться в Багдад, прибегнув к посредничеству здешнего везира.

23 сафара 1262/20 февраля 1846 года в ответ на [исполненные] враждебности письма ее высочества Валие *вали* Риза-Кули-хан выехал в Тегеран, чтобы изыскать выход [из создавшегося положения] и упрочить свою власть. 10 раби' ал-аввала он прибыл [в Тегеран] и тотчас был допущен к каджарскому государю первым. Однако, поскольку повсеместно *вали* слыл смутьяном сочли благоразумным его [177] сместить и назначить [правителем] солнце небес мужества и благородства — Аманаллах-хана.

Риза-Кули-хан, видя такое положение, срочно послал в Арделан Манучихр-бека *амир-ахура* и дал знать сторонникам. / 199/ Выше упомянутый прибыл [в Сенендедж] в ночь на

среду ١ джумади-л-сани/٧ июня [١٨٤٦ года] и доставил письма. Приверженцы [его] на следующее же утро занялись приготовлениями к отъезду. Царевна Туба-ханум вместе с благородными и знатью тоже посчитали разумным проявить неповиновение и распахнули врата битвы и сражения с тем несравненным владыкой Аманаллах-ханом Вторым, не ведая о том, что —

[стихи]:

Если на светильник, который зажигает Господь,
Подует глупец, он сожжет себе бороду.

Аманаллах-бек *вакил*, желая показать свое усердие, тотчас выехал в Эйлак с группой сторонников. Аманаллах-хан, со своей (Букв. “той”) стороны, тоже изволил направить многочисленные послания к султанам границ, жителям вилайетов и курдским *бег-заде*, и все они проявили покорность.

В четверг ٩-го дня упомянутого месяца по совету Мулла 'Аббаса и Мухаммад-султана царевна Туба-ханум решила не оказывать сопротивления и приказала [своим людям] выехать из Сенендеджа. Некоторые из сборщиков податей, что в тот же день выехали вместе с двадцатью-тридцатью семьями слуг Риза-Кули-хана, отправились в Гяррус и остановились в селениях Мухаммада Рахим-хана Гарруси. По еле того, движимые себялюбием и дьявольским наущением, они пожелали прибыть в Эйлак и сговорились с Аманаллах-беком *вакилем*. За шесть дней они разрушили большинство здешних деревень, следуя по стезе насилия и несправедливости.

В конце концов, когда стало ясно, что устои дел Аманаллах-хана Второго обрели прочность, Аманаллах-бек порекомендовал [свое] сборище 'Аббас-Кули-хану, сыну Аманаллах-хана Великого, который там находился, и возвратился в Сенендедж. Свою семью и домочадцев / ١٩٧/ он вывез и отослал в местечко в Авромане под названием Хушибарани и снова присоединился к войску в Эйлаке. Однако через день дела их расстроились, и они снова возвратились в Сенендедж.

На пятнадцатый [день] упомянутого месяца семьи нескольких известных [людей Арделана] в сопровождении правителя Саккыз Мухаммад-султана направились в ту область (Г. е. в Саккыз). Однако некоторые из родственников [١٧٣] Мухаммад-султана, как-то: его братья Исма'ил-бек *вакил*, Ахе-бек и Йухаммад Салих-бек, сын Йахйя-бека, Мухаммад-бек и другие, что болтали о враждебности к Мухаммад-султану и о преданности Аманаллах-хану Второму и собирались выехать к мукринцам, по прибытии [Мухаммад-]султана и его единомышленников в Саккыз стали сообщать их грабить.

В это время случайно по одному важному делу в Саккыз прибыл правитель Хавшара ^{١٣٠} Сулайман-хан. Те семьи и обозы он увез в Хавшар, расселил их в своих поместьях и оказал должное гостеприимство и внимание.

Аманаллах-хан II

Когда Аманаллах-хан Второй выехал из Каслана и направился в Сенендедж, сборище 'Аббас-Кули-хана и Аманаллах-бека *вакила* рассеялось, каждый направился в [свою] сторону, а лев чащи отваги без промедления и задержки вступил в Сенендедж и [там] утвердился. Знать и простонародье встретили его с покорностью. При гороскопе, сулящем победу / ١٩٧/ и счастье, в воскресенье ١٢ джумади-л-сани ١٢٦٢/٧ июня ١٨٤٦ года они украсили собою трон правления.

Сообразно обычаям того властелина с могуществом Джама он распахнул пред хорошими и дурными [людьми] врата милости, благоволению его обрадовались *раййаты* и воины. Естество [свое] и устремления он сделал неразлучными с правосудием и щедростью, благодаря его справедливости возрадовались *раййаты*, а область стала процветать.

Поскольку Риза-Кули-хан видел свое спасение в [том, чтобы поддерживать] в Курдистане беспокойство и беспорядок, он писал пространные письма выехавшим [из Арделана] знатным [курдистанцам], чтобы те в меру сил сеяли смуту на границе, по мере возможности шли со своими отрядами на службу к царевне Туба-ханум и вместе с ней выступали на битву. Далекие от решительного образа действий и чуждые твердости, они эти речи посчитали неразумными и, согласно [пословице]: “Когда для дичи наступает смертный час, она [сама] направляется к охотнику”, выехали со своими отрядами в Арделан.

Когда об этих пустых мечтаниях стало ведомо мироукрашающим помыслам благородного отпрыска рода Ардалан Аманаллах-хана Второго, он поручил отряду бесстрашных богатырей и сокрушающих врага смельчаков во главе с сыном покойного Мухаммада Хасан-хана Наджаф-Кули-ханом и Исма'ил-беком *даруге* усмирить их смуту и неповиновение. В субботу утром двадцать седьмого [дня] упомянутого месяца отправленное победоносное войско обрушилось на них подобно нежданной беде. Поскольку [те] благородные не [ʿʷʰ] узрели в своем сборище твердости, сражаться они не стали и повернули назад. Некоторые из них остались на поле брани и проявили стойкость в сражении. Тех (Букв, “группу”), что волею судьбы выпустили поводья из рук, схватили, и [они] испытали много бедствий.

/ ۱۹۸/ После этой победы Наджаф-Кули-хан доставил пленников в оковах и кандалах к несравненному эмиру, и правитель приказал казнить, но благодаря заступничеству Хусайн-Кули-хана и Махмуд-хана им было даровано прощение.

Аманаллах-бек *вакил*, который собрал войско численностью от силы в тысячу человек из стрелков Авромана и конников [племен] лек и сурсур, тоже (Букв, “с той стороны”) пошел на город [Сенендедж], не ведая о мощи [того] могучего и сиятельного владыки. Во вторник двадцать восьмого [дня] упомянутого месяца он подошел к крепости Хасанабад. Когда об этом стало известно Аманаллах-хану, вскипело море его ревности и пыла, взревели по его приказу военные трубы, и самолично, драгоценной своей особой он воссел на коня, дабы усмирить смуту Аманаллах-бека, и отправился, чтобы сразиться. Войско он разбил на три части, сам встал в центре, а Махмуд-хану и Наджаф-Кули-хану поручил командование флангами. С раннего утра до полудня (Букв, “до конца полуденного времени”) между храбрецами с той и другой стороны продолжался бой и сражение. В конце концов Аманаллах-бек убедился в [тщетности своих] высокомерных замыслов. Согласно [словам]: “Нет препятствия судьбе его, и нет отказа его непрекаемому приказанию, могущество *вали* [Аманаллах-хана] побудило его сторонников отказаться от дружбы [с ним] и примкнуть к Аманаллах-хану. *Вакил* со своим сыном Асадаллах-беком и племянником Фатх 'Али-беком и еще несколько человек остались в крепости Хасанабад, покинутые помощниками и единомышленниками. Двоюродный брат *вакила* 'Али Мухаммад-бек, который состоял на службе у *вали* [Аманаллах-хана], отправился [в Хасанабад] и доставил их к [своему] благодетелю. По возвращении в Сенендедж Аманаллах-бека отослали в одно из потаенных помещений, держали [там] под арестом и некоторое время спустя воздали за дурные дела заслуженное наказание.

При [описании] событий минувшего года двуязычным пером [нашим] были изъяснены некоторые из обстоятельств [жизни] Ахмад-паши Бабана. Теперь мы / ١٩٩/ закончим о нем рассказ. После того как, разочаровавшись в Иранской державе, он направился со своим отрядом в Багдад и некоторое [١٧٥] время оставался в тех гярмсирных [областях] (Гярмсирными (теплыми) называли долинные области в отличие от сардсирных (холодных) горных областей.). Несмотря на заверения сына Наджиб-паши Ахмад-бека, он не осмелился еще раз поехать в Обитель мира и весной ١٢٦٢/١٨٤٦ года был вынужден отправиться в Сулейманию (Букв, “к сулейманийскому двору”).

В двух фарсах от города он лицом к лицу столкнулся со своим младшим братом 'Абдаллах-пашой. В конце концов, после того как оба войска сошлись, большинство его военачальников спешилось со скакуна битвы и запросило пощады. Сам Ахмад-паша с небольшим отрядом конников пустился бежать и не отпустил поводыев до деревни Тилаку, которая является именем покойного Хусайн-Кули-хана, сына Аманаллах-хана Великого, и относится к Исфандабадскому булуку.

Поскольку с женой Хусайн-Кули-хана [Ахмад-паша] были двоюродными братом и сестрой, две-три ночи он провел там. Несмотря на недостаток средств и состояния, [Хусайн-Кули]-хан, следуя обычаю своих великих отцов и благородных дедов, подарил ему примерно на тысячу туманов коней и мулов, постельного белья, наличных денег и [все] остальное, [что было] необходимо. Обеспеченный [необходимым], Ахмад-паша направился через Кызыл-Узун и Хавшар в Эрзерум и в ту страну (Т. е. в Турцию.), а оттуда выехал в Стамбул. И ныне они пребывают там. После его бегства семья его и родственники и оставшиеся сторонники в сопровождении 'Абдаллах-паши прибыли в Сулейманию и поселились в родных местах.

/ ٢٠٠/ В то время как устои правления Аманаллах-хана Второго обретали прочность, а дела его изо дня в день — все больший блеск, царевна Туба-ханум писала в Тегеран письма, желая (Букв, “основанные на том...”) повредить *вали*, но [из того] ничего не вышло. Единственно благодаря расположению [*вали* Аманаллах-хана] и братскому с ним родству ему (Риза-Кули-хану.) была выдана грамота на [управление] округом Исфандабад, / ٢٠١/ и в воскресенье ١٥ рамазана ١٢٦٢/٦ сентября ١٨٤٦ года вместе со своими сторонниками и единомышленниками он прибыл в Каслан. Они вызвали [к себе] остальных беженцев, которые остановились в Хавшаре, Гяррусе и Колийаи. Через несколько дней все они присоединились к нему, и деревни Исфандабада [Риза-Кули-хан] поделил между ними сообразно их достоинству. [Так продолжалось], пока ١٩-го [дня] упомянутого месяца в Каслане не началась эпидемия (Букв, “заболевание”) холеры — избави [١٧٦] Господь! За две ночи ножницами смерти была перерезан, нить жизни многих и погибли двадцать восемь человек. Н; двадцатый день ее высочество Туба-ханум, согласно [изречению]: “Прибегли они к Аллаху”, выехала из Каслана и поселилась в деревне Вихадж, которая умеренностью климата напоминала райское убежище.

До начала холеры и отъезда из Каслана ее высочестве Туба-ханум послала в Тегеран своего молочного брата Ака Хасана и, побуждаемая страстным желанием добиться правления Арделанским вилайетом, написала жалобу на Аманаллах-хана Второго и изъяснила свое бедственное положение И так она представила, что в вилайете Сенне не осталось ни единого места, где она могла бы жить, и она [была вынуждена] из вилайета выехать. Несколько придворных из любви к Туба-ханум и [желая] услужить дочери государя, это подтвердили, и в результате Риза-Кули-хану было обещано управление [Арделаном]. Через Хаджж-мирза-акаси вызвали благородного [Риза-Кули-хана], который находился в Тегеране, и порадовали доброй вестью о [даровании] ему управления

вилайетом. Через несколько дней грамоту подписали и через вышеупомянутого Ака Хасана радостную весть сообщили ее высочеству Туба-ханум.

/ ۲۰ ۲ / *Риза-Кули-хан (во второй раз)*

[Как] упоминалось выше, его величество государь, следуя обычаю милосердия, постановил дела правления и [оберегание] границ Курдистана возложить на Риза-Кули-хана.

В соединении с недалководностью, отсутствием здравого смысла и низменностью подлой природы бездарного везира Аманаллах-хана [это] расшатало устои власти *вали*. Однако для обитателей мира ясно и очевидно: с тех пор как мать-вселенная радуется своим сыновьям, она не заключала в объятия сына, в законоуложениях, великодушии и мудрости подобного этому владыке с могуществом Джама — Аманаллах-хану Второму, не лелеяла в подоле пестования отрока с разумением (*Букв, “природой”*) старца, равного ему обычаем благородства и владычества. Подобного [ему] не видели око прозорливого и взор просвещенного.

Как упоминалось выше, в субботу ۳-го [дня] священного месяца зи-л-ка'де ۱۲۶۲/۲۳ октября ۱۸۴۶ года благородный Риза-Кули-хан *вали* возгордился грамотой на управление [Арделаном]. Ему поручили навести порядок на границах и в области Арделан и отпустили. ۹-го [дня] упомянутого месяца он послал в Сенендедж сообщить о грамоте. [۱۷۷] Шайх 'Али-хан Маку'и *сарханг*, Хашим-султан, Махмуд-паша Бабан и сын покойного Аманаллах-хана Великого Махмуд-хан сообща схватили неумного везира вместе с Исма'ил-беком *даруге*, Мирза Мухаммад-Ризой, Мирза 'Абдалкаримом и еще несколько самых влиятельных сторонников Аманаллах-хана *вали* и заточили в тюрьму.

В субботу ۱۰ [зи-л-ка'де], когда об этом стало известно царевне Туба-ханум, она направила в Сенендедж Аббас-Ку-ли-хана и еще несколько [человек] и сама тотчас выехала из Канкаре / ۲۰ ۲ / в деревню Башмак (***) . Когда 'Аббас-Кули-хан в четвертом часу ночи прибыл [в Сенендедж], Мирза Джа'фаром, что находился под арестом на квартире Хашим-султана, овладел великий страх. Его люди обратились за покровительством к Рахим-хану и Хашим-султану, поднесли [им] в виде подарка какую-то сумму [денег] и вызволили его из того затруднительного положения.

Благородный Аманаллах-хан тоже к вечеру ۱۱-го дня упомянутого месяца без задержки и беспокойства с несколькими преданными ему людьми и слугами сел на коня и в Коляи присоединился к ее высочеству Валийе. Оттуда они изволили выехать в Хамадан и из Хамадана — в Тегеран. От государя и благородного Хаджж-мирза-акаси они узрели беспредельные милости и услышали извинения.

Царевна Туба-ханум в воскресенье выехала в Чакмах-даре и оттуда — в Салватабад, когда прибыл посланец (*Букв, “человек”*.) его высочества Риза-Кули-хана и объявил, что *вали* только что вступил в эти пределы. В Салватабад царевна [Туба-ханум и его высочество *вали*] прибыли одновременно. Затем во вторник они пожаловали в Хусравабад, а в среду, при счастливом гороскопе, — в обитель благородства и славы [Сенендедж] и утвердились на троне правления.

Сообразно обычаю величия, три дня они оплакивали покойного Аманаллах-бека *вакила*, на должность *вакила* вознесли и возвысили его сына Асадаллах-бека. Затем они вызвали заключенных под стражу и после многочисленных попреков и порицаний каждому приказали уплатить определенную сумму денег. Через несколько дней (*Букв, “ночей”*.)

[Риза-Кули-хан] казнил Джа'фар-Кули-хана, хотя он принадлежал к высокому роду Бани Ардалан, а в том семействе убийство (Букв, “обычай убийства”) причислялось к деяниям недозволенным для высокоблагородных. / ٢٠٤/ Остальные, однако, наказания избежали.

По возвращении Риза-Кули-хана Хусайн-Кули-хан, которому приказом его высочества Аманаллах-хана было [١٧٨] поручено навести порядок на границе с Равансаром, подвергся со стороны местного населения грабежу и обидам. Не постыдились Бога, не постеснялись унизить тот высокий род. Он и еще два-три человека были вынуждены спасаться [бегством]. Через Хавшар он поспешил в Сулейманию и остановился у 'Абдаллах-паши Бабана.

Сын покойного Мухаммада Хасан-хана Наджаф-Кули-хан, которому было передано управление Джаванрудом и племенем джаф, прослышав о том, что произошло, тоже направился через Авроман в Шахризур и приобщился к милости упомянутого паши. Сын Мирза Фараджаллаха Мирза Фаттах, что во времена власти Аманаллах-хана был удостоен управления Саккызом и звания Сахиб-и Ихтийар, тоже поспешил на службу к паше Бабана и [там] обрел отдохновение.

Сын Мирза Хидайаталлаха Мирза Мухаммад Садик, которому было поручено навести порядок в племени сурсур, также был вынужден бежать и присоединиться к остальным. Сын Мирза Йусуфа Мирза Мухаммад и его сын Мирза Мухаммад 'Али, что находились в области Мариван на службе у Хан Ахмад-хана, брата *вали*, в должности старосты, тоже выехали в Шахризур и присоединились к остальным.

Ее высочество Валийе и Аманаллах-хан *вали*, которые с группой [своих людей] находились при кадjarском дворе, подробно изъяснили государю (В тексте: “сановникам государя”) растерянность и истинно бедственное положение своей родни, и в результате благородному Аманаллах-хану снова препоручили Исфандабад. Они же (Аманаллах-хан Второй.) от себя назначили там наместником сына покойного Мухаммада Садик-хана Мухаммада Джа'фар-хана. Вместе с [Мухаммадом Джа'фар-ханом] туда прибыли Наджаф-Кули-хан, Мирза Фаттах и еще несколько сторонников того благородного, что находились до этого в / ٢٠٥/ Сулеймании. Они возвратились и прибыли в Исфандабад, стали проживать с ним в [полном] согласии.

Однако обращение Риза-Кули-хана со сторонниками Аманаллах-хана Второго, которые остались в Сенендедже, с каждым днем становилось все грубее. Так, в один из вечеров он вызвал к себе сына Мирза Йусуфа Исма'ил-бека, который принадлежал к знати, и убил без всякой [на то] причины.

Во время восстания Мухаммада Хасан-хана Салара, что вознес в Хорасане знамя своеволия, а искоренение его смуты кадjarским шахом было поручено победоносным войскам, [государь] неоднократно выражал пожелание и приказывал прислать конников из витязей Курдистана и воинственных львов из той области. До того [дошло], что если бы [١٧٩] направили даже десять конников, то [и это] содействовало бы величественности направленного [государем] войска. Но поскольку благородный *вали* [Риза-Кули-хан] был горячего нрава, а его сподвижники и советники тоже лишены осторожности и предусмотрительности, эти требования они посчитали пустыми (Букв, “за воздух”) и ни одному из приказов не подчинились. Постепенно такие [их] действия вызвали перемену в отношении и настроении шаха. Они решили проучить [Риза-Кули-хана] и даже сокрушить устои владычества этого рода.

Хусрав-хан Армани

Согласно [изречению]: “Если Господь пожелает что-либо, то создаст тому причины”, его высочество *вали* Риза-Кули-хан собственноручно и по недомыслию везира и советника подготовил мотивы для [своего] смещения и упразднения наследственной своей власти, пребывая на стезе беспечности: и бесстрашия. Каджарский шах, со своей стороны, тайно передал вилайет Сенендеджского Курдистана Хусрав-хану Гурджи, а для виду направил его в Зенджан для наведения [там] порядка. Чтобы усыпить страх и сомнения / ۲۰۶/ Риза-Кули-хана, для него [государь] изволили послать почетный халат — халат, в основу и уток парчи которого переписчик судьбы четко вписал письма смещения (**Букв, “снятия кафтана”**.) с управления и владения Арделаном.

Вали [Риза-Кули-хан] и верные его советники посчитали этот дар (**Букв, “вопрос”**.) за доказательство собственной мощи и неограниченной власти, не прочитали заключения к книге своей неосмотрительности и почивали на ложе отдохновения, пока Хусрав-хан Гурджи, заполучивший грамоту о назначении [его] эмиром [Курдистана], не занялся в Зенджане и Хавшаре подготовкой войска и конников, [упрочением] своей мощи и власти. Он собрал подходящий отряд, вместе с Сулайман-ханом Афшаром и Зайнал'абидин-ханом Шахсаваном прибыл в пограничные селения Курдистан-и Сеннеи объявил, что уполномочен навести порядок в делах Керманшахана.

Однако, поскольку племена Хавшара и Гярруса неизменно служили достойной и славной семье [Бани] Ардалан и привыкли ей подчиняться, через гонца они подробно доложили *вали* [Риза-Кули-хану] о выступлении войска и о полномочиях Хусрав-хана Армани и все обстоятельно описали.

Слуги *вали* созвали всю знать, благородных и жителей вилайета. После совета и совещания многие предпочли уехать и бежали в вилайет Бабана, большое число юношей [۱۸۰] и старцев приготовилось покинуть родину и отчаялось остаться в родных местах.

Сам *вали* [Риза-Кули-хан] приказал вывезти всех жен и детей, кроме царевны Туба-ханум, отослал [их] в деревню Давнее, [что находится] в трех фарсах от Сенендеджа, и пожаловал туда тоже за ними следом. Там посовещались еще раз и постановили окончательное решение принять по получении четких вестей от Хусрав-хана.

/ ۲۰۷/ Тем временем Хусрав-хан прибыл в деревню Пандже, [где] проживал высокоблагородный Сайид 'Абдаррахман, и [там] остановился. Достоверность [полученных] сведений *вали* [Риза-Кули-хан] поручил проверить шайх ал-исламу и нескольким вельможам и благородным и послал [их] к Хусрав-хану Армани, но Хусрав-хан успокоил их решительными (**Букв, “грубыми”**.) и суровыми клятвами и Словом Аллаха (**Т. е. клятвами на Коране.**) и заявил: “Нам нет дела до Курдистанского эмирата и управления той областью. Более того, я прибыл в эти пределы ради упорядочения дел *вали* [Риза-Кули-хана], пробуду [здесь] дня два, а затем направлюсь в области Арабистана”. Таким образом посланцы заверили и *вали* [Риза-Кули-хана].

Поскольку искренность и превосходство, верность и благородство составляют сущность (**Букв, “замешаны на воде и глине”**.) и начертаны на скрижали груди и сердца этого высокого семейства, благородный *вали* внял и поверил его [исполненным] обмана речам и лживым клятвам. Хотя несколько верных [слуг] выступили против и не одобрили, он оставил своих чад, домочадцев и [всех] остальных и с небольшим отрядом отправился к коварному Хусрав-хану. В это же время Мухаммад-султан, который в те дни был доверенным лицом [Риза-Кули-хана], и несколько надежных [слуг] вывезли обозы *вали* и людей и отправили в Авроман.

Однако по приезде в селение Калхорабад *вали* Риза-Кули-хан оставил там тех, кто его сопровождал, и с небольшим числом личных [слуг] спокойно и без опасений направился в лагерь Хусрав-хана. Воистину, дичь собственными ногами пошла в ловушку такого вероломного обманщика-охотника.

По прибытии *вали* [Риза-Кули-хана] Хусрав-хан для видимости оказал ему подобающее внимание и почести, еще раз заверил его [клятвой на] Коране, так что [Риза-Кули-хан] совершенно успокоился и в тот же вечер вызвал Исма'ил-хана, брата и остальных / ۲۰۸ / своих верных слуг, которые остались в Калхорабаде.

На следующее утро сразу по приезде Исма'ил-хана [۱۸۸] Хусрав-хан приказал арестовать и заковать в кандалы *вали* [Риза-Кули-хана] и его свиту. В единый миг всех их ограбили и разорили, лишили почета и внимания. Одних арестовали, других, отчаявшихся [вернуть] снаряжение и одежду, принудили раскаяться. На другой день тот зловредный безбожник препоручил Риза-Кули-хана нескольким своим приближенным и отправил в Тегеран.

Поскольку от дерзких выходок его высочества Риза-Кули-хана сердце шаха исполнилось печали, он намеревался проучить и наказать *вали*. Однако, поскольку посланцы Хусрав-хана изъяснили, как был захвачен *вали*, что действия его проистекали из мирных побуждений, в Тегеран поспешила ее высочество Туба-ханум, сестра падишаха, которая была уважаемой законной супругой Риза-Кули-хана, и попросила своего венценосного брата простить его вину, благодаря этому он спасся и избежал гнева государя. Ее высочеству Туба-ханум был пожалован дворец, и *вали* отослали к ней.

Три-четыре месяца спустя *вали* составил несколько монограмм, написал жителям вилайета [письма, в которых] таился намек: “О голубь, берегись, потому что прилетел белый сокол!” Эти письма попали в руки к Хусрав-хану Армани. Он все отправил главам высокой Иранской державы (Г. е. государю. Подобные выражения служили в иранской историографии для обозначения личности самого государя.) и доложил: “В голове у *вали* намерение вызвать в вилайете смуту, и эти послания — явное [тому] доказательство и неоспоримый довод в пользу моих слов (Букв, “притязания”).”. Когда поступило прошение Хусрав-хана и [государь] ознакомился с теми письмами, / ۲۰۹ / пламя падишахского гнева возгорелось еще сильнее. Поступает приказ Риза-Кули-хана арестовать. В результате его забирают снова и заключают под арест в доме Мирза Наби-хана *амир-и дивана* и распаивают перед ним врата усталости. Воистину (В тексте: “Да!”).

Не стыдно льву за [свой высокий] род!

Как упоминалось выше, когда Хусрав-хан подошел к границам Курдистана, обманул Риза-Кули-хана многочисленными клятвами и обещаниями и заманил к себе, Мухаммад-султан и другие знатные [люди] Арделанского вилайета забрали обозы *вали* и людей и отправились в Мариван. В то время пишущая эти строки тоже была в числе [тех] беженцев.

Когда подъехали к месту в Авромане под названием Хушибарани, Хасан-султан Аврами поспешил навстречу [нашему] сборищу, подобающим образом исполнил обычаи [۱۸۹] племени [курдов по оказанию гостеприимства]. Тем временем Хан Ахмад-хан — с его высочеством *вали* [Риза-Кули-ханом] они были перлами из одной шкатулки и звездами из одного созвездия (Г. е. родными братьями), — [будучи] правителем области Мариван и памятуя о нерасположении [к нему] *вали*, посчитал случай благоприятным, собрал отряд и направился в Авроман с намерением захватить беженцев и задержать. Однако,

убедившись, что люди эти отчаялись в жизни и [так] просто на его уговоры не поддадутся, предпочел возвратиться назад.

Ту ночь беженцы — а их было более тысячи человек — провели в Хушибарани и с предрассветной зарей оттуда выехали. Шли трудным путем — [таким], что, пролети там орел небесный, [и] у него бы осыпались перья, а пройди там быстрый месяц [с] небосвода, и тот бы упал в самую преисподнюю. Добрались до одной из деревень Шахризура, что известна под [названием] Саркат, и там остановились.

/ ۲۱۰ / Оттуда Мухаммад-султан и Мирза 'Абдаллах *муниши-баши* отправились в Сулейманию к 'Абдаллах-паше. Паша оказал им подобающее уважение и почет. С упомянутым султаном в Шахризур направили подходящего человека: всех людей из Сенендеджского Курдистана разместить и расселить в тех деревнях.

Когда шла речь о том, как был смещен цветок лугов владычества и первый плод из сада счастья Аманаллах-хан Второй, кратко упоминалось, что в то время все верные, преданные его друзья отправились кто куда (Букв, “из верных, преданных его друзей каждая группа направилась в какую-нибудь область и каждый отряд — в какую-нибудь страну”). В том числе их покойный дядя Хусайн-Кули-хан, который автору книги приходился двоюродным братом, уехал в Сулейманию и проживал там при полном почете. Услышав это известие (О прибытии беженцев.), он сразу послал [своего] человека с многочисленными мулами и лошадьми. [В результате] около ста человек из нашей семьи, мужчин и женщин, вывезли из Шахризура и доставили в Сулейманию, и [Хусайн-Кули-хан] самолично определил каждому место обитания и с каждым обошелся в достаточной мере любезно.

При нем мы жили в радости, но судьба не была довольна нашим благополучием, поскольку некоторое время спустя, ۴ зи-л-хиджжа ۱۲۶۳/۱۳ ноября ۱۸۴۷ года хиджры, благородный Хусайн-Кули-хан заболел и через сутки поспешил в вышний рай. Со смертью его надорвалась [от рыданий] грудь, а глаза наполнились слезами.

Я, Мастуре, тоже одинока в разлуке с тем дорогим. [۱۸۳] Два-три дня уже душа и тело в огне из-за болезни. По воле Бога что будет?

Автор: Мирза 'Абдаллах *муниши-баши*, дядя Мастуре

/ ۲۱۱ / ДОПОЛНЕНИЕ К КНИГЕ

Ничтожнейший из тварей Господних, сын покойного Мухаммад-ака-йи *назир-и Курдистан* 'Абдаллах, который был вознесен и отмечен среди равных при дворе его высочества Риза-Кули-хана *вали* и его светлости солнца небес великодушия и миродержавия Аманаллах-хана Второго до славной должности и благородного сана *муниши-баши-гири*, в то время решил поселиться в Сулеймании и при (Букв, “и служить”) сыне почившего, обитающего [ныне] в раю Аманаллах-хана Великого, покойном Хусайн-Кули-хане, который [этому] бедняку приходился племянником, вместе с покойной Мастуре, автором этой книги и дочерью брата [этого] бедняка.

Как уже подробно описано покойной Мастуре, благородный Хусайн-Кули-хан переселился в рай, а благочестивая Мастуре почил на ложе недомогания, и болезнь затянулась. В конце концов в [месяце] мухарраме ۱۲۶۴/декабре ۱۸۴۷ [года] вдали от друзей и [родных] мест она прошествовала в цветники Ирема (Название одного из

райских садов.), обрела покой к югу от [гробницы] Фатиме Зухра — да приветствует ее Господь! Что же до написания и завершения этой книги, [то] —

[стихи]:

На устах ее остались речи недосказанные, прерывистые и невнятные;
Сомкнулись уста, произнося [их], и присоединилась она к обитательницам небес.

Меня, [пребывающего] в разлуке с теми двумя единственными на [весь] мир с рыдающими очами и испепеленной грудью, охватило неодолимое желание описать и изъяснить дальнейшую историю (Букв, “дальнейшие известия и события”) высокодостойных *вали* [рода Бани Ардалан] вплоть до настоящего времени. Поэтому ныне / ʔ ʔ ʔ / берусь за калам и начинаю писать — желание от меня, а успех от Аллаха.

Отослав его высочество Риза-Кули-хана в Тегеран, тот заблудший обольститель [Хусрав-хан Армани] через два дня самолично прибыл в обитель правления, исполненный [ʔ ʔ ʔ] могущества и независимости. Население вилайета волей-неволей подчинилось. Тот зловредный злодей, чтобы обмануть жителей тех пределов и области, [через] несколько дней препоручил [должность] своего распорядителя и управляющего делами сыну покойного Аманаллах-хана Махмуд-хану и Ака-йи 'Али Мухаммад-беку. Но они даже не успели приступить к делу и посчитать себя распорядителями, как по наущению Сулайман-хана Афшара, что принадлежит к числу злодеев и величайших негодяев эпохи, стали затворниками (Букв, “и отшельниками”) и были отстранены. После этого разрешение дел вилайета предоставили на усмотрение злобного и вероломного Сулайман-хана, того неверного подстрекателя.

Тот упрямый злоумышленник и злокозненный враг по [своей] злонамеренности и врожденной порочности — согласно пословице, из кувшина просыплется [лишь] то, что есть в нем, — с помощью наговоров и клеветы, обмана и хитростей заставил Хусрав-хана сойти с пути любезности и учтивости [в отношениях] со знатью и простонародьем тех пределов и мест, совратил на стезю невоспитанности и дурного обхождения. Дело дошло до того (Букв, “пока дело не дошло...”), что забрали благородного Мулла Фатхаллаха *кази*, что был [духовным] наставником жителей города, вместе с вышеупомянутым Махмуд-ханом. После ареста их подвергли пыткам и наказаниям.

Постепенно отношения у него (Хусрав-хана) с жителями Арделанского Курдистана совсем испортились стараниями и дьявольскими [уловками] того злодея. Население сразу возымело к нему отвращение, он же воинов и *райятов* стал неожиданно бояться и страшиться. С обеих сторон договоренность стала невозможной и ступили на путь / ʔ ʔ ʔ / насилия.

От улемов и ученых мужей, знати и благородных, *райятов*, ремесленников и мелких торговцев города и деревни к каджарскому двору незамедлительно (Букв, “ногами бегства”) направили жалобу на того злодея — искать правосудия от несправедливости того неблагородного к шахскому двору отправилось более двух тысяч человек. Они жаловались на притеснения и насилия того несправедливого и [о том] поведали в надежде, что их стенания и плач оставят след в сердце государя (Букв, “глав державы”) и (В тексте: “или”) пальме их мольбы будет дарован плод. Однако результата не последовало, и ни один из побегов того рассказа не узрел ни единого плода.

Сразу после [отъезда] этой группы погрузили на [ʔ ʔ ʔ] верблюдов золото и серебро и отправили от неверного Хусрав-хана [шаху], а государю он написал, чтобы то сборище со связанными руками отослало к нему.

Пред золотом и серебром того зловредного стенания и жалобы бедняков и несчастных этой страны были бессильны (Букв, “безрезультатны”), и государь приказал схватить и связать смиренных просителей. Прослышав об этом приказе, жалобщики были вынуждены засесть в *бест* в шахской мечети.

Его высочество *вали* находился под арестом в доме Мирза Наби-хана, и в то время жители Арделанского вилайета могли его видеть. Приверженцы и доверенные слуги Хусрав-хана доложили государю, что это сборище намерено ночью забрать *вали* [Риза-Кули-хана], увезти в Арделанский вилайет и ступить на путь мятежа и неповиновения.

Это обстоятельство опечалило и расстроило государя более прежнего, и было приказано перевезти [*вали* Риза-Кули-хана] в другое место, а квартиру и опочивальню *вали* укрепить. Его увезли оттуда в одну из деревень Шамирана и позаботились так его скрыть, что его не видел никто. С другой (Букв. “этой”) стороны, был издан непреложный указ и / ۲۱۴/ неукоснительное повеление всех сидящих в *бесте* силой вывести (Букв, “вытащить”) из мечети и [смуту] пресечь, а если [хоть] один окажет сопротивление, избить.

В день, похожий на день Страшного суда и для этих смиренных ставший предвестником ночи смерти, одному-двум полкам *сарбазов* и *тупчиев* было поручено вывести собравшихся [из мечети]. Они окружили мечеть со всех сторон. [Если сказать] по справедливости, жители Курдистана восседали в той мечети с присущим им мужеством. Они все, как один, отчаявшись в жизни, приготовились к сражению и стали ждать мученической смерти.

Когда главы [Иранской] державы увидели и услышали, что приказ вызовет смуту и распоряжение [приведет к] неповиновению, они были вынуждены послать Хасан 'Али-хана *аджудан-баши* обласкать и успокоить собравшихся. С помощью и при поручительстве имама пятничной [мечети] Мирза Абу-л-Касима взяли несколько человек, как-то: сына Аманаллах-хана *вали* 'Аббас-Кули-хана, 'Али Мухаммад-бека *вакила* и Мухаммад Риза-хана — и отвели к его благородию Хаджжи-мирза-акаси, который в то время был правителем и великим везиром Иранской державы. Вначале тот оказал им должное внимание, полностью поддержал их чаяния, отнесся к их положению с благосклонностью (Букв., “распахнул перед челом их обстоятельств врата благосклонности”) и [۱۸۶] постановил: “Вы отступитесь от *вали* [Риза-Кули-хана], мы же сместим Хусрав-хана и отправим (Букв, “назначим”) с вами любого другого, кого пожелаете”.

Тот день вышеупомянутые пробыли у его благородия Хаджжи, выжидая время, и возвратились назад, сославшие на [необходимость] узнать настроение других знатных и благородных [людей] Арделана. Через два-три дня главам державы стало известно, что жителей Курдистана, кроме *вали* [Риза-Кули-хана], не интересуется никто [другой] (Букв, “вся вселенная”). Шах изволил вызвать 'Али Мухаммад-бека и еще несколько [человек]. 'Али Мухаммад-бека без разговоров привязали к фалаке (Для наказания ударами палки по пяткам.) и наказали палками без счета. Остальные бежали, добрались до мечети и предпочли находиться [там].

/ ۲۱۵/ 'Али Мухаммад-бека под арестом потом отправили в Сенендедж и передали Хусрав-хану. Остальные, отчаявшись [получить помощь] от шаха и [шахского] двора, смирились с неизбежностью мученической смерти, пока шах не заболел и не отбыл на второй [день] месяца шаввала ۱۲۶۴/1 сентября ۱۸۴۸ года из [этого] мира.

На следующий день его благородный *вали* [Риза-Кули-хан] стараниями и с помощью нескольких человек из жителей Курдистана освободился из-под ареста и поспешил в гярусский полк. [Солдаты] того полка, памятуя о былых благодеяниях этого семейства, искренне, от [всей] души решили помочь ему и вместе с *вали* (Букв, “при стремени *вали*”.) устремились в Арделанский вилайет. Сидевшие в *бесте* тоже присоединились к его высочеству *вали* [Риза-Кули-хану], и через шесть дней они прибыли к границам Курдистана.

Когда Хусрав-хану стало известно о смерти падишаха и о прибытии высокодостойного *вали* [Риза-Кули-хана], он отчаялся в жизни, освободил Махмуд-хана и 'Али Мухаммад-бека, которых до того времени держал под арестом, и сам обратился к ним за покровительством. Они оба, как и [подобает] мужам, [а] не так, как принято у того неблагородного безбожника, обязались его охранять, и, когда его высочество *вали* [Риза-Кули-хан] поручил отряду взять его, [вышеупомянутые] поимку того предателя не посчитали целесообразной и воспрепятствовали. Но его имущество и достояние (Букв, “вещи и утварь”), конюшни для мулов и верблюдов были полностью разграблены смельчаками Курдистана. Сам [Хусрав-хан] спасся в одиночку. *Вали* же пожаловал в обитель эмирата и утвердился в резиденции правителя. [١٨٧]

[Все это произошло] до того, как счастливый владыка Насираддин-шах Каджар, который находился в обители султаната Тебризе как наследник престола и полномочный властитель, направился в Тегеран. При готовности и сплоченности [подданных] они утвердились на престоле царствования без проявления непослушания и неповиновения [хотя бы] одним из рабов. Воистину (В тексте: “Да”), “ты даешь царство кому хочешь и отъемлешь царство у кого хочешь” (Коран III, ٢٥. Изречение приведено в искаженном виде.).

/ ٢١ ٧/ Его высочество *вали* [Риза-Кули-хан] тоже обдумал положение, проявил покорность и поначалу направил к государю покойного Мирза Аллах-Кули, сына Мирза Инайаталлаха, с незначительным подношением. В это же время из столицы (Букв, “от истоков царствования”) прибыл отряд, чтобы поставить [на правление] Хусрав-хана Армани, а его высочество *вали* [Риза-Кули-хана] сместить. Но после приезда [в Тегеран] упомянутого Мирза [Аллах-Кули] тот приказ был отменен и издан отмеченный милостью фирман на имя *вали* [Риза-Кули-хана]. [Насираддин] потребовал выслать конников для [шахской] свиты, и его высочество *вали* [Риза-Кули-хан] направил в Тегеран пятьсот конников из витязей области Арделан во главе со своим братом Фазлаллах-ханом и разверз уста (Букв. “язык”) для изъяснения покорности.

Хотя для видимости *вали* Риза-Кули-хан был обласкан, однако, поскольку он из Тегерана бежал и болтал о мятеже, втайне желали его смещения, а чтобы выждать время, оказывали ему внимание и поддержку, относились снисходительно и потворствовали. При этом они в душе мечтали о мудром и просвещенном [правителе] и искали, чтобы его стараниями покончить с этим делом.

Правление Аманаллах-хана II — избранника человеческого и его святости преславного [Господа] (во второй раз)

Выше описывалось, что расстилатель ковра справедливости и благодеяний, распространитель примет памят[ных деяний] и милости, воплощение господних щедрот Аманаллах-хан Второй *вали* из-за недомыслия, неразумности и хитрости глупого Хаджжи (Букв. “Хаджжи без вождя” (ср. рус. “без царя в голове”).) [Мирза-акаси] был смещен с управления Арделаном и уехал в Тегеран. Он получил доступ ко двору покойного

государя Мухаммад-шаха, и [за ним] был [١٨٨] утвержден округ Исфандабад без выплаты ему [какой-либо] суммы денег. Там они оставили несколько своих преданных слуг, /٢١٧/ а других держали при себе.

Утвердившись на престоле царствования, счастливый государь Насираддин-шах оказал его высочеству Аманаллах-хану Второму милости и благодеяния, словом и улыбкой поведал ему тайну [своего] сердца. Согласно [пословице]: “Дела зависят от времени их [свершения]”, после того как в течение шести месяцев они с его высочеством Риза-Кули-ханом *вали* “выводили розы на солнце” (Ср. рус. “**наводить тень на плетень**”), грамоту и почетный халат правителя Арделанского вилайета пожаловали ему (Аманаллах-хану II).

Когда его высочество Аманаллах-хан подъехал к Сенен-деджу на три фарсаха, его высочеству Риза-Кули-хану доложили, что победнозвездный кортеж [Аманаллах-хана] находится, таким образом, волею и милостью Аллаха в трех фарсахах. Выслушав эти слова, Риза-Кули-хан совершенно расстроился и вышел из себя. Без промедления он выехал в направлении Колийаи вместе с семьей [и] группой знатных и благородных [арделанцев]. Через два дня он прибыл в ту область и вместе с родственниками остановился в доме Сайид Ахмада, сына Сайид 'Аббаса.

/٢١٨/ Однако, когда управление этим вилайетом было передано Аманаллах-хану, главы Иранской державы дали строгое указание всем хранителям границ хранимых Богом владений схватить его высочество Риза-Кули-хана, какой бы дорогой и каким бы путем он ни проследовал, и под стражей отправить в Тегеран. Правитель и полновластный владетель Керманшахана Фируз-мирза согласно приказу послал отряд, и Риза-Кули-хана с преданными друзьями и домочадцами отвезли в Керманшахан. Некоторых его верных слуг арестовали, но с самим *вали* [Риза-Кули-ханом] обошлись почтительно и написали ко двору послание с просьбой о его [помиловании]. Однако [ответа] оттуда (Букв, “от него”.) они не получили и были вынуждены *вали* под стражей отвезти в Тегеран.

Через некоторое время его отослали в Тебриз, и поныне, т. е. [до] конца года Собаки, [или] ١٢٦٧/сентября ١٨٥١ года хиджры, он находится там в тюрьме и отчаялся [получить] управление теми пределами.

Через два часа после отъезда его высочества Риза-Кули-хана в субботу ٦ джумади-лаввала его высочество Аманаллах-хан, [ведомый] счастливым гороскопом и благословенной судьбой, вступил в обитель правления [Сенендедж] и утвердился на троне эмирата. Несмотря на то что поймать его [١٨٩] высочество Риза-Кули-хана было возможно и путей было много, [Аманаллах-хан] изволил [от того] воздержаться, памятуя о [связующих] их узах братства и [его] старшинстве. Для виду он послал следом за ним отряд, а в действительности им строго наказал никоим образом не стараться его поймать: “Сохрани Бог, если хоть один поступит непочтительно, в любом случае он погубит свою голову”.

Когда воплощение милости Господа и щедрот всемогущего [Аманаллах-хан] утвердился на троне правления, он закрыл грата гнета и несправедливости, /٢١٩/ обновил устои правосудия и заложил основу великодушия превыше [всякой] меры. *Раийяты* и воинство при виде его справедливости возгордились и успокоились; горожане и сельские жители от обилия его познаний получили царственное (Букв, “шахское”) удовольствие и почили в колыбели мира и отдохновения. Куда ни посмотри, [всюду] *шихне* (Начальник полиции.) его правосудия отрубил руки гнету и насилию; куда ни пройди, [везде] его охранник покарал смуту и несправедливость. Благодаря его заботе наведен полный порядок на

границе, дальний и ближний совершенно успокоились благодатью его милосердия... (Многозначие в тексте книги.).

Поскольку в первое правление его высочества Аманаллах-хана из-за невежества и неосведомленности Мирза Джа'фара везира власть правителя оказалась слабой, и в конце концов он выпустил из рук бразды правления, его должность. [Аманаллах-хан] изволил передать и препоручить сыну покойного Мирза 'Инайаталлаха Мирза Аллах-Кули, который Мирза Джафару приходился племянником. Мирза Джа'фар же, утратив надежды, втайне замыслил (Букв, "заложил основу".) мятеж и предательство в отношении [своего] благодетеля и сговорился с группой из знатных людей своего племени изменить [Аманаллах-хану] и бежать.

[Только] они приступили к [осуществлению] побега и отъезда в Тегеран, как об этом стало ведомо мироукрашающему помыслу его высочества *вали* [Аманаллах-хана]. Он приказал их схватить и заключить под стражу. Мирза Джа'фар тем временем бежал, а остальные были закованы в кандалы. Через некоторое время море человеколюбия его высочества *вали* взволновалось снова, он пожаловал им почетный халат помилования и пощады и изволил отпустить. Но, несмотря на такую милость, они опять обнаружили прежний образ действий и старую ненависть. Они бежали [все] разом, отправились в стольный город Тегеран, предпочли проживать [там] и вопреки [истине] разверзли уста для [190] описания несправедливости и притеснений его высочества *вали* [Аманаллах-хана].

Удивительно, таковы доброта и справедливость *вали*, что, несмотря на проявление столь явного предательства и на такую великую их дерзость и гордыню, он снова последовал обычаю великодушия и благородства, и около пятидесяти, / 220 / имений и *тиулов*, что остались после них в этом вилайете, [Аманаллах-хан] поручил их людям и отдал во владение, дл бы по крайней мере на свое пропитание и на содержание семей они тратили [доходы от] этих имений. Однако, невзирая на такую великую милость, они снова стали выражать несогласие. Истинно,

Благороден и милостив господин: Раб совершил поступок, а ему стыдно.

В том счастливом году, каковым является 1260/1848-49 год хиджры, и доказательство [тому] — восход счастья и власти [Аманаллах-хана], тот несравненный и правосудный властелин задумал жениться. Из дочерей покойного Хусайн-Кули-хана он с радостью и торжеством избрал одну, которая благородством рода и происхождения сравнялась с Зухрой, нежностью и красотой, робостью и благовоспитанностью являлась восприемницей Зубайды и, воистину, была достойна того потомственного обладателя благородства, и взял [ее] в жены.

5-го [дня] месяца ша'бана произошло соединение двух счастливых светил. С тысячей очарований Венера пришла в объятия Юпитера, и то солнце небес красоты и величественный цветник мира влюбленности вступило в покой для новобрачных этого украшения трона владычества и мощи плеча превосходства.

Эта безвестная и бесприметная пылинка — [автор этих строк], который принадлежал к числу слуг того охраняемого [Богом господина], составил и записал *кут'а*, дабы поздравить [новобрачных] с этим радостным праздником. Часть из того [стихотворения я] посчитал подходящим привести здесь:

Чтобы запечатлеть [этот] год, Рунак написал:

Дар хаджлегах-и мах афтаб аст (Перс, “в брачном покое луны находится солнце”. При определении числового значения букв по абджаду получается ۱۲۶۰ г. х.).

После этого празднества преисполненный радости и счастья [Аманаллах-хан] взялся за дела и приложил величайшее старание.

В начале года Собаки вышел приказ глав Османской державы об истреблении и искоренении рода Бабан и [۱۹۱] правителей Сулеймании. Румские отряды (Букв, “сборище”) и войска забрали всех пашей той страны и их детей и отослали к османскому двору / ۲۲ / — кроме 'Азиз-бека, который [принадлежал] к роду [бабанских] пашей и, воистину, храбростью и отвагой сравнялся с легендарным Рустамом. Он начал бунтовать и не побоялся прибытия той армии и войска, не раз вступал с ними в сражение и выходил победителем.

Поскольку турецкие власти были измучены схватками с ним и при всех обстоятельствах было очевидно, что рядом с ним они подобны соломинке [перед] горой, они были вынуждены обратиться за помощью и содействием для его разгрома к высокой Иранской державе. От иранского двора поступило указание его высочеству *вали* [Аманаллах-хану] оказать отпор 'Азиз-беку, поэтому ۱۹-го [дня] месяца зи-л-хиджжа этого года высокороденный *вали* вместе с отрядом из богатырей сражения без промедления сел на коня и со всею поспешностью устроил набег на Зохаб.

'Азиз-бек, до того времени стоявший у границ Зохаба неколебимо, как гора, и от его хождения туда-сюда те области пришли в запустение, прослышав о выступлении *вали* [Аманаллах-хана], тотчас решил уклониться [от встречи] (Букв, “пришпорил коня бегства”), покрыл себя позором бегства и направился в окрестности Керкука.

При виде такого положения *вали* [Аманаллах-хан] написал его благородию Насих-паше, советнику высокой Румской державы, и заявил: “Если они желают полного искоренения смуты и неповиновения 'Азиз-бека, то следует написать нам пару слов, которые послужат государственным документом, дабы с этим отрядом мы прибыли на румскую землю и избавили ту страну от зла смуты 'Азиз-бека”. Однако его благородие советник принес извинения и от их прибытия на румскую землю отказался.

После этих событий [Аманаллах-хан] возвратился в Сенендедж и занялся делами правления. И поныне, до конца месяца джумади-л-аввала ۱۲۶۷/марта ۱۸۵۱ года, этот несравненный и справедливый владыка пребывает на престоле вилайета и на троне эмирата повелителем и правителем. Жители области / ۲۲ / ревностно взялись служить ему, полагая [это служение] основой своей жизни, и порвали отношения с другими. Его высочество [*вали* Аманаллах-хан] тоже никого не понизил в звании, более того, каждого отличил сообразно его положению. Так, меня, эту ничтожную пылинку хотя я не тратил время (Букв, “жизнь”) на служение тому [владыке с] важностью небес и не следовал путем рабской [преданности] тому [۱۹۲] обладателю могущества, [Аманаллах-хан] милости ради так обласкал благоволением и столь отличил и отметил среди равных, что невозможно [ни найти] тому предел, ни представить большее [и даже о таком] подумать. Возвысил он меня до должности составителя [бумаг и документов] и пожаловал мне звание *мунши-баши*.

Дела правления (Букв “распускание и связывание важных дел власти, сжатие и расширение дел правления”) он тоже следуя обычаю здравого смысла и справедливости и истинному помышлению предоставил на усмотрение (Букв, “возложил в ладонь умения и пятерню осведомленности”) благороднейшего из благородных величайшего из великих

Мирза Мухаммад-Риза-йи Му'тамада, благоразумнейшего и старшего [из] сыновей покойного Мирза 'Абдалкарима Му'тамада. [Аманаллах-хан] умножил его полномочия, и, воистину, тот так заботится о выполнении [своих] обязанностей (Букв. “дел”.) и о спокойствии в области, что поныне не видали ни одного такого мудрого и прозорливого.

И его высочество *вали* [Аманаллах-хан] — да будет его правление охраняемо милостью вечного [Владыки]! — при великой [своей] славе, величии и счастье от [всей] души требует [проявлять] доброту к беднякам и неимущим, любит беседовать с отрекшимися от мирских благ и целомудренными. Ученые и совершенные при том небесноподобном дворе пользуются милостью и щедротами, обласканы и вознесены.

[Стихи]:

О Господь! Ты этого государя, [который] заботится о бедняках,
Поскольку спокойствие народа зависит от пребывания под его сенью,
Вечно держи над народом,
Весели его сердце [общим] послушанием!

Поскольку весь народ нашей (Букв. “этой”.) области благодаря лучам милости этого высокородного *вали* [Аманаллах-хана] пребывает в / ۲۲۳ / полном спокойствии и совершенном [благополучии], уповаю на бессмертного бога, что охранит он от упадка его правление ради благороднейших [из] сынов Адама.

Комментарии

۱ Каламом назывались выделяемые из тростника перья. Особенно славились перья из васитского тростника. Васит — до XV в. один из крупнейших городов Нижней Месопотамии.

۲ Касыда, кит'а — названия двух жанровых форм лирики: первая носит преимущественно панегирический или элегический характер, вторая — философский.

۳ Унваном в персидских (и арабских) рукописях называлось выписанное каллиграфическим почерком название книги, богато украшенное стилизованным растительным орнаментом.

۴ Версия заимствована автором из Шараф-наме Шараф-хана Бидлиси (Шараф-наме, т. ۱, с. ۸۱—۸۲).

۵ Таифе — термин достаточно широкого ареала применения в сочинениях курдских историков, писавших на персидском языке. Он означал “племя” независимо от его количественной или иной характеристики, “группу племен” и, как мы видим из текста Та'рих-и Ардалан, одну из основных четырех групп, на которые условно делили курдов. Тюркский термин *иль* служил синонимом арабскому термину *ашират* и означал “племя” или “союз племен”.

۶ Курманджи, или курдманджи (у Мах Шараф-ханум и Хусрава ибн Мухаммада — курмаджи), — самоназвание курдов Северо-Западного Курдистана, синонимичное, по-видимому, в их сознании этнониму “курды”. В Арделане, как можно понять из хроники

Мах Шараф-ханум Курдистани, курманджами назывались непосредственные соседи арделанцев — бабаны. Любопытно, что в настоящее время в научной литературе именно диалект жителей области Сулеймании в Ираке (бабанских курдов) принято называть сорани (соранским) в отличие от курманджи, языка курдов северо-западного Курдистана.

У Название горан (гуран) в различных областях Курдистана понималось и понимается по-разному. Для арделанских курдов горан — этноним, обозначающий конкретную этническую общность, которая ныне представляет племя, обитающее в горах севернее дороги Багдад — Керманшах. В соседних с Арделаном областях, где в хозяйстве доминировал кочевой скотоводческий уклад (в частности, в Бабанском княжестве), горанами, или земледельцами, называли всех арделанских курдов и, следуя извечному антагонизму между кочевниками и оседлым населением, принимали их за более низкую и презираемую “расу”. По определению А. И. Гелавежа (Гелавеж, с. ٦٣), горанами назывались “крестьяне, эксплуатируемые аширатом” (т. е. не аширатные курды), в Южном Курдистане. В Северном Курдистане их называли курманджи.

А Ардашир Папакан — основатель династии Сасанидов (٢٢٦—٢٤١), к которым возводил свою родословную и Шараф-хан Бидлиси. См.: Шараф-наме, т. ١, с. ٤٠٤, ٤٠٦.

А Имеется в виду второй шиитский имам Хасан, почитаемый в Иране последователями шиитской ветви ислама как мученик. Своей версией, что именно его приказом родоначальник династии Бани Ардалан был утвержден на правление (эта версия не встречается ни в одном из известных нам сочинений арделанских историографов), Мах Шараф-ханум стремится подчеркнуть законный характер власти этого дома, ее освященность “повелением имама эпохи”.

А Курдские районы, ныне составляющие северо-восточную часть Ирака.

А Легендарные иранские цари, при которых, согласно преданиям, был “золотой век”.

А Совокупность религиозно-этических установлений ислама.

А Согласно примечанию Насира Азадпура, в тексте рукописи, положенной в основу издания хроники, значится *** измененное издателем на *** (Та'рих-и Ардалан, с. ١٠, примеч. ١).

А По-видимому, автор имеет в виду предпоследнего представителя монгольской династии Шайбанидов, правившей в Мавераннахре, — 'Абдул-му'мина (١٠٠٦/١٠٩٧-٩٨— ١٠٠٧/١٠٩٨-٩٩).

А Иахья б. Халид и Джа'фар б. Иахья — представители могущественной семьи Бармакидов, занимавшей высокое положение при Аббасидских халифах. Устная традиция приписывала им “совершенство щедрости и великодушия”.

А Сведения Мах Шараф-ханум Курдистани о разделе Ма'мун-беком своих владений основаны на Шараф-наме (Шараф-наме, т. ١, с. ١٤٧—١٤٩). Названия округов Арделанского княжества в Та'рих-и Ардалан, как и в трудах других арделанских историков, приведены в несколько измененном виде, что можно объяснить влиянием местной устной традиции, а также возможными разночтениями в списках Шараф-наме. О местонахождении названных районов см.: Шараф-наме, т. ١, с. ٥١٣—٥١٥.

17 В Ахсан ат-таварих (с. 344) Биге-бек именуется вали Шахризура; в главе “Об эмирах галбаги”, которая служит более поздним дополнением к Шараф-наме, — Биге-беком Шахризурским (Veliaminof-Zernof, t. 2, с. 417).

18 Мах Шараф-ханум допускает неточность. Описанное событие имело место в царствование султана Сулаймана (1520—1566), и командовать войсками, направленными на завоевание Курдистана, был назначен правитель Амадии Султан Хусайн-бек (Шараф-наме, т. 1, с. 148).

19 Согласно Шараф-наме (т. 1, с. 148), в 1005/1096-97 г. округ Хилла оставался во владении Ма'мун-бека. Арделанские историки (см.: Хроника Хусрава ибн Мухаммада, с. 30, 108) указывают не 1005, а 1004 г. х. Если учесть, что названный год именуется в Шараф-наме текущим, то разница в сообщениях Шараф-хана Бидлиси и арделанских хронистов представляет несомненный интерес в плане уточнения времени написания Шараф-наме.

20 Бегство Алкас-мирзы, брата шаха Тахмасба, согласно Шараф-наме (т. 1, с. 148), имело место в 906/1049 г.

21 Имеется в виду султан Салим II (1566—1594).

22 Согласно Шараф-наме, Османами был захвачен весь вилайет Шахризура (Шараф-наме, т. 1, с. 100).

23 Лейлах, или Эйлак, по словам Насира Азадпура, представлял собой самый плодородный и заселенный округ в Сенендеджском Курдистане. Его прежнее население составляли исключительно гораны. Позднее там; поселились племена горге, шейх-исмаили, байлаванд и джафы, и “благодаря их общению и связям (с горанами.— Е. В.) в течение двух послед них веков” на смену горанийскому языку пришел курманджи. Женская одежда в Лейлахе вплоть до первых десятилетий XX в. представляла особую разновидность курдской одежды, называвшуюся горанийской. См.: Та'рих-и Ардалан, с. 21, примеч. 2.

24 Племя сулеймани (тур. силвани, курд, слевани), занимавшее к XV в. огромное пространство бассейна р. Батман-су, в настоящее время проживает в Турции в окрестностях Майяфарикина. Хуласат та'рих, с. 374).

25 Имеется в виду сефевидский шах Исма'ил II, недолгое и беспорядочное правление которого приходилось на 1076—1078 гг.

26 Мир-и миран (араб, амир ал-умара, азерб. беглербег) —эмир эмиров, или верховный эмир — титул военного наместника, стоявшего во главе вилайета. В его руках была сосредоточена административная власть и командование войсками вилайета (Петрушевский. Очерки, с. 118).

27 Согласно Шараф-наме (т. 1, с. 101), областью калхоров в то время управлял сын ' Умар-бека. Калхоры — большое племенное объединение позднее разделившееся на две части: мансури и шахбази. Обитает на обширной территории от иранского района Зохаб до Мендели в Ираке.

28 Сийах-мансур принадлежит к крупным курдским племенам и проживает в районе Гярруса (Та'рих-и Ардалан, с. 26, примеч. 1).

٢٩ По словам издателя текста Та'рих-и Ардалан Насира Азадпура, *** (Helu) с твердым “л” по-курдски означает “орел” (Та'рих-и Ардалан, с. ٢٧, этримеч. ١).

٣٠ Имеется в виду султан Мурад III (١٥٧٤—١٥٩٥).

٣١ Насир Азадпур указывает точное расположение крепости Хасанабад: она находилась на горе, в ٦ км к югу от города Сенендеджа (Та'рих-и Ардалан, с. ٢٨, примеч. ١).

٣٢ Крупное объединение курдских племен, проживавшее близ Керман-шаха, на севере Арделана и в окрестностях Кефри. Отдельные представители знати этого племени занимали высокое положение в Иранской державе и даже претендовали на престол (например, Аллах-Кули-хан, во второй половине XVIII в. разгромленный Хусрав-ханом Бани Ардаланом).

٣٣ Рассказ об этом походе на Арделан, якобы предпринятом шахом 'Аббасом, но не состоявшемся, приводится во всех арделанских хрониках и несомненно навеян местной традицией.

٣٤ По свидетельству Насира Азадпура, в Иранском Курдистане и к середине XX столетия продолжали бытовать легенды о любви Кулавзар-ханум (Заррин Кулах) и придворного поэта Усува (йусуфа) Йаски, которого Хан Ахмад-хан приказал замуровать живым (Та'рих-и Ардалан, с. ٣١, примеч. ١; Minorsky. The Guran, с. ٩٣).

٣٥ Действительно, согласно хронике Хусрава ибн Мухаммада, шах 'Аббас Халу-хана “отпустил и направил в Курдистан, и [Халу-хан] озарил лучами прибытия жилище вилайета” (Хроника Хусрава ибн Мухаммада, л. ٢٣). Однако сведения Мулла Мухаммада Шарифа, по-видимому, точнее и подтверждаются свидетельством Искандар-бека Туркимана (Та'рих-и 'аламара-йи ' Аббаси, т. ٢, с. ٩٢٦—٩٢٧), что Халу-хан до конца своих дней оставался “в стольном городе Исфахане”.

٣٦ Мах Шараф-ханум, по всей видимости, имеет в виду желание арделанского князя несколько расширить свои владения за счет соседних курдских племен, подчинявшихся скорее номинально, нежели реально Османской империи.

٣٧ Племя курдов-езидов под названием билбас или билбаси проживало в западной части Иранского Азербайджана и в Северном Ираке (районы Ранийе, Рувандуз) (EI, t. ٤, с. ١٩٦; Minorsky. Mongol place-names, с. ٧٥).

٣٨ Мах Шараф-ханум достаточно деликатно передала сохраненный местной устной традицией рассказ и слова, якобы произнесенные представительницей билбасского племени. Хусрав б. Мухаммад и Мирза 'Али Ак-бар-хан Садик ал-Мулк пересказывают ее пикантные насмешки над “храбрецами Арделана” подробно и с видимым удовольствием, желая тем самым показать женщину-езидку в неприглядном свете (Хроника Хусрава ибн Мухаммада, л. ٢٥٦—٢٦а; Хадикейи Насирийе, л. ١٠٨).

٣٩ Согласно Зубдат ат-таварих-и Санандаджи (л. ١٩٣а), билбасское племя, никогда и никому не платившее налога и не подчинявшееся ни одному правителю, в конце концов власть Хан Ахмад-хана признало, “ему покорилося и подчинилося и не нарушало его приказов и запрещений”.

٤٠ Дасни (тасни) — название езидского племени, проживавшего в районе Мосула в Ираке.

❧ Халиди неоднократно упоминается в Шараф-наме. В XVI в. оно входило в состав племенного союза кавалиси и исповедовало езидскую религию (Шараф-наме, т. 1, с. 83, 86).

❨ Сюбаши называли начальника войска, используемого для поддержания порядка в городе (Longrigg, с. 300).

❩ Кяхйя — управляющий, начальник тюрьмы, высокое должностное лицо. В данном случае кяхйя — первый министр провинциального (багдадского) правительства, подчинявшийся непосредственно паше Багдада (Longrigg, с. 304).

❪ Сефевидские государи, как и Османские султаны, именовали себя халифами, наместниками и преемниками пророка Мухаммада.

❫ По словам Насира Азадпура, на полях рукописи Та'рих-и Ардалан сочинения Кази (имеется в виду Мулла Мухаммад Шариф, кази Арделана, а его “История Арделана” — не что иное, как отдельно выполненный список предпоследней главы Зубдат ат-таварих-и Санандаджи, посвященной арделанским правителям) ему попался стихотворный отрывок, содержащий хронограммы рождения, восшествия на престол, болезни, выздоровления, и смерти Хан Ахмад-хана:

Хан курдов, или Хан Ахмад,
[В] счастливый год прибыл из [мира] небытия (1002/1093-94);

[В] неудачный год получил приказ восшествствовать [на правление] (1020/1111 г.),
Стал бесноваться и потерял рассудок (1039/1129-30);

Снова обрел исцеление, в горести (1040/1130-31)
Обрел власть более прежнего;

[В] год страданий ему нанесли поражение (1046/1136-37),
Покинул он этот подлый век.

См.: *Та'рих-и Ардалан*, с. 40, примеч. 1.

❬ Согласно хронике Хусрава ибн Мухаммада (л. 31а), Хан Ахмад-хан “пустил в обращение самую крупную монету со своим именем”, что говорит о его претензии на независимую власть.

❭ По мнению Насира Азадпура, речь в данном случае идет лишь о какой-то особой разновидности курдской одежды: “Относить курдскую одежду и ее введение ко [времени] Хан Ахмад-хана было [бы] неверно и не подтверждается историческими фактами” (*Та'рих-и Ардалан*, с. 48, примеч. 1).

❮ Мухаммад Ибрахим Ардалани (Supplement, л. 3) датирует приход Сулайман-хана к власти 1048/1130-31 г.

❯ Насир Азадпур дает два весьма любопытных толкования этимологии названия столицы арделанских князей: Сенендедж (Санандедж) = дедж (“крепость”)+1) санан или 2) санан. Санан (курд, “сталь, наковальня”) воспринимается как прозвание крепости, полученное за прочность и неприступность: “Сталь-крепость”. Санан во втором варианте означает “султаны” (от горанийского сан — “султан”), т. е. могущественные властелины, резиденцией которых и была та крепость (*Та'рих-и Ардалан*, с. 00, примеч. 1).

◦◦ Кафше-заррине, или Заррин-кафш, одно из прославленных и известных семейств в Иранском Курдистане, представителям которого неизменно поручались важные должности (там же, примеч. 1).

◦1 Имеется в виду Арделан, или Курдистан Сенендеджский.

◦2 См: Зубдат ат-таварих-и Санандаджи, л. 196а. Правление шаха 'Аббаса II приходится на 1642—1666 гг.

◦3 По словам Насира Азадпура (Та'рих-и Ардалан, с. 93, примеч. 1), Калб 'Али-хан писал прекрасные стихи на горанийском наречии — “некоторые из них сохранились доныне”.

◦4 Мариван — один из важнейших округов Арделанского княжества, где правила местная династия беков и ханов, вассалов дома Бани Ардалан. Ныне Мариван составляет один из бахшей Сенендеджского шахристана и на западе граничит с Ираком. Мариванская долина (Дашт-и Мариван) [198] с самых давних времен служила местом сражений и битв, которые происходили в этой части Курдистана.

◦5 Округ Саккыз представлял северную и северо-западную части владений Бани Ардалан. В настоящее время Саккыз — один из шахристанов пятого остана в Иране и находится между Сенендеджским и Мехабадским шахристанами.

◦6 Авроман — пограничный район Сенендеджского Курдистана. Местная династия султанов находилась почти в постоянной оппозиции к дому Бани Ардалан.

◦7 Джаванруд ныне составляет один из дихиستانов бахша Паве Сенендеджского шахристана.

◦8 Шаддад, сын 'Ада, и Нимруд в мусульманской литературе — образы насильника и тирана. Нимруду приписывали построение высокой башни, с помощью которой он хотел добраться до небес и расправиться с Богом. Однако башня рухнула, и Нимруд был поглощен водой (EI, vol. 3, с. 901).

◦9 Курчи — название гвардейского корпуса, происходит от монг. Хогси “стрелок” (Рашид-ад-дин, т. 1, ч. 1, с. 108).

10 Шах Сулайман Сафави (1666—1694).

11 Бестом в Иране было принято называть места, в которых беглецы считались неприкосновенными.

12 Сулайман-бека Бабана, сына Маванда, который во второй половине XVII в. представлял собою выдающуюся фигуру в Шахризуре, С. Х. Лонгригг (Longrigg, с. 80) называет его основателем великих успехов дома Бабан.

13 По словам того же автора (Longrigg, с. 81), именно к этому походу курдская легенда относит надолго запомнившийся эпизод сражения, когда двенадцать бабанских конников разбили наголову силы персов, на считывающие тысячи. По мнению других авторов (см.: Двенадцать всадников Маривана, с. 83, примеч. 1), легенда связана с событиями XIX в.

14 Авидер (Авийер) — название горной цепи в юго-западной части Сенендеджского Курдистана. Подножие этих гор, где находилось ущелье, зеленели сады и протекал

источник Мамалке, служило местом для отдыха и прогулок (Та'рих-и Ардалан, с. ٦٤, примеч. ١).

٦٥ Хроника Хусрава ибн Мухаммеда, л. ٣٨а—٣٨٦.

٦٦ Джаф — самое большое курдское племя Арделана, обитавшее в Джаванруде, и само название района этимологизируется как “река джафов”, или Джафан-руд. В XVII в. часть джафов эмигрировала на запад и постепенно заняла левый берег р. Диалы, районы Шахризура и Пенджвина. В ١٨-х годах XIX в. последовала еще одна миграция джафов из Джаванруда. Значительные группы джафов поселились в окрестностях Сенендеджского шахристана: кубади, шейх-исмаили, инахи, валадбеки и др. (Та'рих-и Ардалан, с. ٧٠, примеч. ١; Edmonds, с. ١٤١; Soane, с. ٢١٧).

٦٧ В ١٧٢٣ г. турки объявили войну своему поверженному соседу. Из Ирака через Арделан на Керманшах и Хамадан двинулись войска Багдадского пашалыка, к которым присоединились курдские беки со своими контингентами. Арделан был занят Хане-пашой Бабаном и перешел под власть султана.

٦٨ Весьма любопытно, что в своем примечании к тексту хроники Мах Шараф-ханум Курдистани Насир Азадпур старается доказать курдское происхождение Надира Афшара и утверждает, что “народ Курдистана к этому прославленному полководцу питал и питает особую симпатию (Та'рих-и Ардалан, с. ٧٣). Эта якобы присущая курдам “особая симпатия” к памяти Надира никоим образом себя не проявила в сочинениях арделанских хронистов. Более того, и Хусрав ибн Мухаммад, и Мах Шараф-ханум отмечают, с какой великой радостью и облегчением восприняли в Курдистане известие о смерти Надира. См.: Хроника Хусрава ибн Мухаммеда, л. ٤٧٦; Та'рих-и Ардалан, с. ٨٧.

٦٩ Исфандабад (Али-Шакар) — восточный район Арделана, ныне один [١٩٩] из дихистанов бахша Корве Сенендеджского шахристана, отделяемый от Керманшахского шахристана естественной границей высоких гор. Исфандабад — один из плодороднейших районов Арделана, где урожай пшеницы больше, чем где-либо в Курдистане (Фарханг-и джуграфия-йи Иран, т. ٢, с. ١٤٣).

По словам Насира Азадпура, население этого округа в прежние времена состояло из одних горанов, которые говорили на горанийском наречии. Свой древний язык сохранили жители Кала — одного из крупных поселений округа. Остальное население, смешавшееся с курманджами, которые прибыли, как утверждает Насир Азадпур, в этот округ с запада, говорит на особом говоре диалекта курманджи (Та'рих-и Ардалан, с. ٧٤— ٧٥, примеч. ١).

٧٠ В ١٧٣١—١٧٣٢ гг. турки снова заняли Хамадан, Керманшах, Тебриз и вторглись в Хузистан.

٧١ Термин мал-и диван означает в данном случае всю совокупность податных обложений арделанского населения.

٧٢ Насир Азадпур идентифицирует его с Хадджи-ханом сартипом, прославленным полководцем Надира, который, по словам издателя хроники, был родом из хорасанских курдов (Та'рих-и Ардалан, с. ٧٩, примеч. ١).

٧٣ В тексте “харадж и бадж”. Термины бадж и харадж применяются автором в данном случае как архаичное книжное выражение, служившее синонимом мал-у-джихат и обозначавшее всю совокупность податных сборов.

٧٤ Имеется в виду султан Махмуд I (١٧٣٠—١٧٩٤).

٧٥ Рукопись хроники Хусрава ибн Мухаммада из Национальной библиотеки Парижа не имеет авторского названия. В каталоге Э. Блоше (Blochet, vol. ١, с. ٣٠٥—٣٠٦) она значится под условным названием “Histoire de la tribu kurde des Beni Ardelan”, которое не совсем точно отражает содержание сочинения. Как и в хронике Мах Шараф-ханум Курдистани, в труде Хусрава ибн Мухаммада описывается правление княжеского дома Бани Ардалан, а не история курдского племени бани арделан. При исследовании рукописи сочинения Хусрава ибн Мухаммада первоначально мы тоже условно назвали его Та'рих-и Бани Ардалан — “Хроника [рода] Бани Ардалан” (см.: Васильева. Хроника Хусрава ибн Мухаммада, с. ٥—٦).

Сведения Мах Шараф-ханум позволяют установить название, под которым книга Хусрава ибн Мухаммада была известна к середине XIX в., — Та'рих ал-акрад (“История курдов”). Такое название представляется вполне приемлемым, поскольку соответствует концептуальной направленности всего произведения: настоящими курдами Хусрав ибн Мухаммад считал лишь арделанцев, а под Курдистаном разумел Арделанское княжество.

В тегеранском издании хроника Хусрава ибн Мухаммада названа Лубб-и таварих (“Сущность историй”), однако это название в тексте хроники тоже не встречается, поэтому при издании перевода и текста рукописи в ١٩٨٤ г. представилось целесообразным предпослать книге атрибутивное название. См.: Хроника Хусрава ибн Мухаммада, с. ٢٦.

٧٦ В Хронике Хусрава ибн Мухаммада (л. ٤٦а) приводится даже речь, с которой Манучихр-бек якобы обратился к Надиру: “...если бы во времена голода мы не взломали шахский амбар и не поделили хлеб между людьми, погибло бы более миллиона человек. Я вверился судьбе и не дал никому погибнуть... и гордился тем, что буду убит”.

٧٧ Бараз — название известного курдского племени, которое прежде вело кочевой образ жизни, а затем (четыре-пять веков назад) перешло к оседлости и поселилось в деревнях Исфандабада и Эйлака (Та'рих-и Ардалан, с. ٨٥, примеч. ١).

٧٨ Сархад-бек, по-видимому, — военачальник, ответственный за охрану пограничных округов.

٧٩ Ибрахим-шах, племянник Надир-шаха, в ١٨٤٨ г. разбил преемника Надира и вскоре был сам разгромлен и казнен (Бамдад, т. ١, с. ١٦—١٨).

٨٠ Согласно Зубдат ат-таварих-и Санандаджи (л. ٢١٨٦), Субхан-Вирди-хан умер в Хамадане в ١١٦٧/١٧٥٣-٥٤ г.

٨١ См.: Хроника Хусрава ибн Мухаммада, л. ٤٨٦.

٨٢ Имеется в виду преемник Надира 'Адил-шах, брат Ибрахим-шаха разгромленный последним и свергнутый.

٨٣ Замбурак — небольшая пушка, которую возили на спине верблюда. В таких горных районах, как курдские, эта разновидность артиллерии имела большие преимущества.

٨٤ С. Х. Лонгригг (Longrigg, с. ١٧٨—١٧٩) относит утверждение Салим-паши и смещение Сулайман-паши к ١٧٤٧ г. и называет Салима персидским ставленником. К правителю

Багдада, по сведениям этого автора, Салим в продолжение своего двухгодичного правления относился с неизменным презрением.

⁸⁵ Название деревни, расположенной в ۳ км к западу от Сенендеджа (Та'рих-и Ардалан, с. ۹۰, примеч. ۱).

⁸۶ Армянами, по словам Насира Азадпура, жители Сенендеджа называли тех немногочисленных христиан, которые проживали в городе с давних времен (там же, с. ۹۶, примеч. ۱).

⁸۷ Кале Чолан (Longrigg, с. ۸۱: Кара Чолан) — резиденция правителей из дома Бабан и до конца XVIII в. столица Бабанского княжества,

⁸۸ Хусрав ибн Мухаммад в рассказе об этих событиях действительно упоминает Халид-пашу (Хроника Хусрава ибн Мухаммада, л. ۴۹۶), однако речь здесь идет о Сулайман-паше, который был смещен усилиями Салим-паши и в ۱۷۰۰ г. снова пришел к власти, чтобы с перерывами держать ее в своих руках в течение четырнадцати лет. С. Х. Лонгригг (с. ۱۷۹) называет Сулайман-пашу Бабана одним из величайших правителей в этом семействе.

⁸۹ Арделанские историки весьма существенно дополняют сведения по истории бабанских правителей, в данном случае о Салим-паше Бабане. В известной нам исторической литературе лишь сообщается о свержении его силами багдадского наместника и Сулайман-паши в ۱۷۰۰ г., а также о его казни в ۱۷۰۸ г. (Longrigg, с. ۱۷۹).

⁹۰ Свидетельство Мах Шараф-ханум опровергает сведения, согласно которым крепость Хасанабад вместе с другими цитаделями Ар делана: Залмом, Мариваном и Паланганом — была разрушена во времена Сулайман-хана Бани Ардалана в соответствии с условиями ирано-турецкого договора ۱۶۳۹ г. (EI, vol. ۴, с. ۴۳۶).

⁹۱ Мухаммад Хасан-хан Каджар, отец основателя Каджарской династии Ага Мухаммад-хана (годы жизни ۱۱۲۷/۱۷۱۰—۱۱۷۲/۱۷۰۸-۰۹), возглавил после смерти Надир-шаха Афшара одну из группировок феодальной знати в борьбе за иранский престол (Бамдад, т. ۳, с. ۳۶۰).

⁹۲ Брат Сулайман-паши Бабана, дважды захватывавший власть на несколько месяцев (Longrigg, с. ۱۷۹).

⁹۳ На месте этого сада в начале XIX в. был сооружен квартал, который известен как Махал-и Чар-баг (Та'рих-и Ардалан, с. ۱۱۲, примеч. ۱).

⁹۴ Садик-хан после смерти своего брата Карим-хана Занда ведал всеми делами власти в правление племянника, Абу-л-Фатха, но вскоре заточил последнего в тюрьму. После напряженной борьбы с 'Али Мурад-ханом Садик-хан провозгласил себя государем и в ۱۱۹۶/۱۷۸۱-۸۲ г. был убит по приказу 'Али Мурад-хана (Бамдад, т. ۲, с. ۱۶۱—۱۶۴).

⁹۵ 'Али Мурад-хан пользовался большим влиянием и властью в правление Абу-л-Фатха и Садик-хана, оставаясь правителем Исфахана. В ۱۱۹۶/۱۷۸۱-۸۲ г. он вступил в Шираз и завладел престолом. После захвата престола основные его усилия были направлены на отражение натиска Ага Мухаммад-хана Каджара, который рвался к престолу (Бамдад, т. ۲, с. ۴۸۰—۴۹۰).

᠑᠖ Автор имеет в виду хронику Мулла Мухаммада Шарифа, кази Арделана. См.: Зубдат ат-таварих-и Санандаджи, л. ᠒᠒᠔а.

᠑᠗ Тюркский термин лаванд обозначал полурегулярные местные войска, состоявшие главным образом из курдов и луров (Longrigg, с. ᠒᠐᠔).

᠑᠘ В Халхале проживают два крупных курдских племени: калукджанлу и шатиранлу, которые составляют ответвления иля шеккаки (Та'рих-и Ардалан, с. ᠒᠒᠑, примеч. ᠒).

᠑᠙ Махмуд-паша Бабан наследовал своему брату Мухаммеду в ᠒᠕᠕᠕ г., но его правление было весьма непрочным (Longrigg, с. ᠒᠐᠗).

᠒᠐᠐ Джа'фар-хан, по сведениям М. Бамдада (Бамдад, т. ᠒, с. ᠒᠒᠐—᠒᠒᠗), приходился братом матери 'Али Мурад-хана, был назначен последним после его победы над Садик-ханом правителем Курдистана и отправлен в ту область. Ни один из арделанских хронистов не подтверждает сообщение М. Бамдада о назначении Джа'фар-хана правителем Курдистана.

После смерти 'Али Мурад-хана в ᠒᠒᠑᠑/᠒᠕᠕᠔-᠕᠐ г. Джа'фар-хан восшествия на престол в Исфахане и в ᠒᠒᠐᠒/᠒᠕᠕᠗-᠕᠑ г. был убит в результате заговора зендской знати.

᠒᠐᠑ Насир Азадпур приводит описание этой битвы, принадлежащее придворному поэту Хусрав-хана Махди-беку Шиккаки. Стихи Махди-бека представляют собой весьма любопытный образец поэзии, бытовавшей при дворе арделанского князя:

Старейшина-солнце небесную сферу беседы
Озарило лучом такого рассказа,

Царственные всадники арены стихосложения
Так выгоняли гнедого на поле брани:

Когда Аллах-Кули-хан от высокомерия и гордыни
Свернул с пути благоразумия,

Запала ему в голову жажда величия,
Вознамерился он захватить царство.

Первым делом послал он посольного с вестью
К хану мира славному Хусраву:

Мол, “не стало в Иране зендских шахов,
Мне высокое небо власть передало;

Все высокопоставленные здесь
Покорились начертанию моего приказа;

Ты тоже, как друг и помощник,
Неудивительно, если обратишься к нам;

Тому, чье утро счастья наступило,
Не следует оказывать неповиновение!”

Как услышал хан мира такие речи,
Уподобился (Букв, “сморщился, как...”) молнии и извергающему огонь [вулкану],

Пожаловал указ, исполненный величия,
Такое было направлено врагам послание:

“О повелитель страны высокомерия,
Не сворачивай с пути разума и просвещенности!

Не простирай горделиво руку и не бей себя [в грудь],
Протягивай ноги сообразно величине твоего паласа!

Где это было в мире, чтобы лев
Покорился предначертанию приказа лисы!

Воистину, если от кого отвернулось счастье,
Положит он пожитки на пути водного потока;

Когда падет [его] звезда с высоты вниз,
Корабль его счастья унесет в пучину [морскую]!

Когда подойдет к концу жизнь голубя,
Пересечет он дорогу белому соколу,

Да и если смертный час не наступит,
Где голубку играть с соколом?

Олень, путеводителем которого является смерть,
Сам идет к месту, где притаился лев”.

Когда возвратился гонец восвояси (Букв, “на место”),
Доставил Аллах-Кули-хану это послание,

Свернул тот с пути благоразумия,
Напряг десницу гордыни,

Собрал такое неисчислимое войско,
Что войско покрыло [поверхность] земли [в ту] эпоху;

С тысячами богатырей, рвущихся в бой,
Пошел он на Сенендедж.

Центр вселенной — шахиншах (Хусрав-хан Бани Ардалан.), со своей стороны,
Снарядил для сражения войско,

Пошел на врага,
Как свирепый лев на лису;

[Для служения] у его стремени повязали туго стан небеса,
[Помышляя] о битве, взял он боевое снаряжение:

От Стрельца и яркой звезды, молодого месяца и [полной] луны —
Лук и стрелу, [острый] меч и щит.

Хатиф все произносил удивленным голосом:
“Помощь божия, близкая победа” (Коран ХLI, ١٣).

Сошлись две армии,
Повязались [воины] поясом, чтобы сразиться.

Победоносный витязь Хан Ахмад (Старший сын Хусрав-хана.),
Что находился там, подобно душе, в [самом] центре,

Привязал к стану лук тот победитель льва —
Взошло на[д созвездием] Стрельца то сияющее солнце,

Взъярился, протянул руку к копыю,
Засучил (Букв, “рванул вверх”) рукава,

Погнал вскачь необъезженного [коня] на тех злосчастных,
Подобно сверкающему солнцу — на толпу звезд.

Когда враги постигли (Букв, “увидели”) его намерение,
[Узрели] в бою его, [подобного] стальному крокодилу,

[Все] напали на героя,
Как зловещее облако — на горы.

Как увидел такое прославленный владыка,
Побеждающий врага во время битвы,

Эмир Лев-хан, мудрый и прекрасноликий,
Потребовал боевое снаряжение;

Когда стан его обняла кольчуга,
Ты сказал бы, стал он закованным в броню Тахмтаном (Перс, “могучий” — эпитет героя Шах-наме Рустама.)!

Латы привязал он в тот [же] миг к груди,
Возжелала [его] субстанция [обрести прочность] алмаза.

Кто видел в эту исполненную смятения эпоху
Луну посреди четырех солнц (Букв, “четыре зеркала”. Этой игрой слов и объясняется сравнение Хусрав-хана с “луной посреди четырех солнц”).?

Главу свою над [убранством], что вызывает зависть солнца,
Подобно солнцу, сияющему над небосводом,

Он вознес из туч, [в которых] блистали молнии,
Погрузил в огненное мирское море.

Ревущий лев [с] когтями (Букв, “с большим пальцем”) леопарда,
Высокое солнце, молодой месяц, захвативший [добычу],—

Острее разумом он Платона,
Поражает сильнее, чем брови возлюбленной!

Благодаря искусной деснице того воинственного героя
Разорвет враг одеяние жизни,

Для любого врага [тот] отважный государь саван
Выкроит [своим] кинжалом, сошьет стрелой.

От тяжелой палицы того льва
Вошло в землю по пояс небо!

Тысячи героев, подобных Тахмтану,
Будут наказаны острым его мечом.

Когда он сражается, забывают о Кийумарсе,
Когда он щедр, предадут забвению (Букв, “кто такой?”) Бурзу, [сына] Фарамарза;

Когда тот [исполненный] спокойствия
Рустам ведет бой, Небо [плавает], как пузырь в море крови!

Если его стрелы угодят в тело, посыплется
Тысячи [кровавых] тюльпанов из одного [цветка] жасмина, (Т. е. капли крови, брызнувшие из раны.)

Пером копья тот сокрушающий ряды герой
Распишет мастерски холст,

[И если] попытают с ним счастья [поиграть] в нарды сражения,
Воистину, получат мат, попадут в безвыходное положение;

Если такое достоинство и пышность подобают [и] сфере небесной,
То земная поверхность гордится [ими] подавно];

Вмиг собралось вокруг него войско,
Подобно веренице звезд вокруг луны,—

Все были бабочками, окружавшими ту свечу,
[Но] ни у кого не было страха, как у мотылька!

Бесстрашно в тот [же] миг превратились они в саламандр,
Пустились вплавать по огненному морю;

Перекрутилась тетива у лука (Букв, “луку в бровь попал узелок”),
Заплакала кольчуга кровавыми слезами;

Стали сокрушать (Букв, “грабить”) сердца мечи, стрелы и копья,
Как брови, ресницы и стан возлюбленных;

Неудержимо во все стороны неслись стрелы,
Близ [созвездия] Стрельца кружились стрелы как метеориты,

Стрела героев, подобно дуновению утра,
Пронзила девять панцирей небесной сферы (Имеются в виду девять небес, на которые, по представлениям мусульман средневековья, делилась “небесная сфера”);

От конских копыт в том сражении
Показалось [созвездие] Рыбы и спрятался месяц;

Ты сказал бы: та степь стала цветником —
Щиты — розами, копья — шипами;

От крови храбрецов и ружейного дыма
Небо стало мрачным, земля — цвета тюльпана;

От пронсящихся стрел и топоров
Щит стал подобием панциря, кольчуга уподобилась щиту.

От острия копья и стрелы
Чело небосвода покрылось пятнами как спина леопарда.

В тот [же] миг льву подобный эмир
Взревел, как свирепый лев,

Такой огонь обрушил на поле брани,
Что от вражеской крови, от ружейного дыма

Воздух утратил прозрачность, земля стала походить на тюльпан,
Небо устрашилось, обеспокоились ангелы.

Спросило тогда у луны солнце:
“Что испугалось, о небо?”

В потрясении весь мир,
Быть может, наступил день Страшного суда?”

[Луна] сказала: “Нет, эмир сражается — вот
Отчего испугалось небо.

Вражеское войско перед тем героем (Букв, “охотником на льва”.)
Обратилось в бегство, подобно лисице,

Полководец их в тоске и страдании
Разбил шатер в долине небытия,

Все пожитки его были разграблены,
Венценосная глава лишилась короны;

Не думай, что в милости будет этот,
Это очевидно по коловращению небесного свода!”

От кровавого моря в том сражении
Докатилась волна до подола подлого неба.

В то мгновение, когда пошел на врага
Воинственный эмир Лев-хан,

Если бы в том сражении участвовало солнце,
Оно бы восемь раз закатилось при пяти восходах-

Шахиншах курдов, Хатим великодушия,
Из харвара (Мера веса, равная ۷۰۰ кг.) доблести которого я описал единую горсть,

Если лошильщик [бумаги] — солнце с утра до вечера будет водить
По листам этого [исписанного] черным неба,

[Если сам] Меркурий будет описывать его [добродетели], не прерываясь,
Воистину, они не закончат до дня Страшного суда!

Сведения арделанских хронистов о разгроме Хусрав-ханом Бани Ардаланом войск Аллах-Кули-хана Зангане подтверждает придворный иранский историограф Мухаммад Хашим Асаф, в сочинении которого описано правление Зендов и первых Каджаров, но сообщает при этом весьма важное дополнение к рассказу Мах Шараф-ханум, Мулла Мухаммада Шарифа и Хусрава ибн Мухаммада: Аллах-Кули-хан Зангане и Хусрав-хан Бани Ардалан “оба претендовали на иранский престол” (Рустам ат-таварих с. ۴۵۰).

Хусрав-хан, помышлявший, таким образом, воссесть на иранский престол, во всем хотел походить на государя, каждое действие которого фиксировали бы придворные историографы и воспевали поэты, и Махди-бек Шиккаки рисует арделанского князя таким, каким тому самому хотелось быть в глазах окружающих: повелителем всех курдов, центром вселенной, шахиншахом.

Это обстоятельство вносит весьма существенные коррективы в сообщения арделанских хронистов и заставляет усомниться в правдоподобии придуманной ими версии (из соображений чисто политического характера, уже позднее, когда Каджары прочно стояли у власти), что Хусрав-хан сразу принял прокаджарскую ориентацию и фактически проложил этой династии путь к престолу (Васильева, Хроника Хусрава ибн Мухаммада, с. ۱۶).

۱۰۲ Туй-Саркан и Сонкор — названия округов, принадлежащих примыкающей к Арделану с юга области с главным городом Керманшахом Асадабад (в тексте: Саадабад)

— небольшой район и город между Хамаданом и Луристаном (Фарханг-и джуграфия-йи Иран, т. 7, с. 10—11; т. 8, с. 98—100, 309).

103 Джизаирчи — название пехотно-гвардейской части в персидском войске.

104 Из всех арделанских историков только Мах Шараф-ханум Курдистани упоминает о намерении Хусрав-хана завоевать иранскую столицу. И хотя ниже в речи, которую она вкладывает в уста Хусрав-хана, говорится, что он не намерен “протягивать ноги за пределы своего паласа” и удовольствуется “царствованием в Курдистане”, этот факт неопровержимо свидетельствует в пользу автора Рустам ат-таварих (см. примеч. 101).

105 Хатиб — проповедник, возглашающий в мечети по пятницам хутбу — моление о царствующем монархе. Чекан монет и чтение хутбы с именем правителя были равнозначны провозглашению его государем.

106 Махди-бек Шиккаки, придворный поэт Хусрав-хана, родился в курдском районе Азербайджана, в племени шиккаки. Уже в зрелом возрасте — “в середине жизни” — он переехал в Ирак Персидский, а затем в Ардаланский Курдистан и “большую часть времени тратил на восхваление великих”. Затем (по-видимому, после смещения Хусрав-хана) Махди-бек выехал в Исфахан и оттуда в Кашан. В 1214/1799-1800 г. он умер в Исфахане от пьянства. Его стихи “по беззаботности не были собраны” (Анджуман-ихакан, л. 1496).

107 Насир Азадпур в своем примечании к тексту хроники приводит отрывок из этой касыды:

Правитель страны щедрости и великодушия,
Хусрав с великолепием кесаря [и] свитой хакана —

В зеркале его меча тотчас
Враг узрел свою смерть;

Победа и торжество служат ему и повинуются,
Высочайшая милость шествует пред его войском;

Если возгорится огонь его гнева,
Сожжет грязь, как сухостой.

Угнетенный люд он защищает [столь] ревностно,
[Что] от следов овечьего стада волк шарахается в сторону;

Во времена того государя, подобного кесарям,
Сосал ягненок молоко из вымени львицы;

Благодаря великой его щедрости Арделан
Вызвал зависть райских цветников во [всем] мире...

Джа'фар-хан по глупости и упрямству
Отправился завоевать [его] владения;

Когда хан мира услышал такую весть,
Взволновался океан его гнева;

Приказ [непререкаемый, как] предопределение [Бога],
Последовал войску курдов,

Собралась невиданная армия,
Донесся до небес рев литавр и свист;

Когда развернули (Букв, “открыли”) победоносное знамя,
Сердце поверженного врага лишилось жизни;

В [месяце] Дее (Название десятого месяца иранского солнечного года, соответствующего декабрю-январю.) Хусрав с величием
Бахмана (Игра слов: Бахман — имя героя иранского эпоса и название одиннадцатого месяца иранского солнечного года, соответствующего
январю-февралю.)
Вознес шатер, подобный весеннему цветку,

Построил фланги левый и правый,
Поставил стопу на ристалище отваги;

С другой стороны [был] вынужден Джа'фар
Воздвигнуть могучее укрепление;

Под прикрытием замбураков, пушек и ружей
Разжег он [пламя] битвы и сражения;

От огня замбураков, подобных дракону,
Вновь возгорелся огонь в храме огнепоклонников.

Ахмад-хан — тот подобный Рустаму герой,
Перл из моря величия и мастерства,

Звезда из созвездия благородства, славы и достоинства,
Сияющее солнце этого дома —

Стоило двинуться ему на врага,
[Как] стал очевиден облик победы;

[А] отсюда тот бесстрашный эмир —
[Доказательство] могущества Бога, чудо Создателя,

Властитель, которого озаряет сияние прекрасной мудрости,
Воитель с поля брани чести;

... Родник благородства, светоч мира и веры,
Воплощение милостей Мироздателя;

Счастливая луна, светило славы,
Хан с величием (Вместо ***. в тексте читаем ***) Александра [Македонского] и важностью Джама,

Великодушный хан — эмир Лев,
Как саламандра, двинулся в огонь (Букв, “к огню”),

Когда бутон его стрелы коснулся тела,
Вмиг [в месяце] дее на нарциссе [кожи] выступили [похожие на] тюльпаны [капли крови];

[От] мечей взлетели такие молнии [искр],
Что грянул гром на ниве небосвода;

Сошлись друг с другом жизнь и смерть,
Утратила материя зримые формы...

Сколь губительно копье смельчаков!
Похищало оно души на том поле боя;

Словом, от меча эмира Льва
Воистину, стал очевиден лик победы;

...[Тому] хакану, [что] сражается, [как] лев,
Помогает Господь славною победою!

От того подобного солнцу Хусрава (Игра слов: Хусрав — и имя собственное, и “солнце”, “владыка”) Джа'фар
Предпочел бежать, как летучая мышь;

Войско его под ударами острого меча
Обратилось в бегство;

Доблестные, как лев, храбрецы [устремилась]
Следом за тем отрядом, что вел себя как лисица...

١٠٨ Весьма примечательно, что Мах Шараф-ханум обходит молчанием приезд Хусрав-хана в Тегеран. Принятый Ага Мухаммад-ханом с величайшими почестями, он фактически стал шахским пленником до конца своих дней. О болезни князя и его кончине в хронике упоминается, но при этом чувствуются недоговоренность, стремление автора умолчать об истинных отношениях Хусрав-хана и первого каджарского шаха, которые, как мы знаем (Васильева, Хроника Хусрава ибн Мухаммада, с. ١٦; Хроника Хусрава ибн Мухаммада, с. ٨٦—٨٨) носили далеко не идиллический характер.

١٠٩ Насир Азадпур принимает эмира Аслан-хана (аслан, арслан — тюрк, “лев”) за персонаж, якобы упоминавшийся в касыде Махди-бека Шиккаки. С таким утверждением издателя текста хроники Мах Шараф-ханум Курдистани невозможно согласиться, поскольку и в первой, и во второй касыдах эмиром “Лев-ханом” поэт называет самого Хусрав-хана.

١١٠ По сведениям Мулла Мухаммада Шарифа, Хусрав-хан умер в ١٢٠٨/١٧٩٣-٩٤ г.

١١١ Мулла Мухаммад Шариф определяет численность войска Лутф 'Али-хана в этом походе в ١٠ тыс.

١١٢ Абдаррахман-паша возглавлял Бабанский эмират с ١٧٨٩ по ١٨١٣ г. (Халфин, с. ١٨; Джалиле Джалил, с. ٥٥—٦٢).

١١٣ Отцу Хусрава б. Мухаммада Бани Ардалана, автора хроники Та'рих ал-акрад.

١١٤ Насир Азадпур приводит хронограмму рождения Аманаллах-хана, принадлежащую “одному из поэтов Курдистана Садику”:

Назвали его Аманаллахом, дабы всегда
Мир пребывал под защитой Господа от бедствий (Аман — перс, “защита, прибежище”);

Написал, произнося хронограмму его [рождения, Садик]:

“Буд гул-и чаман-и хусрави Аманаллах” (Стал розой полей владычества Аманаллах), что соответствует ١١٨٩/١٧٧٥-٧٦ г.

١١٥ Аманаллах-хан, подобно своему великому родителю, прославил себя возведением прекрасных дворцов, поражавших современников пышностью и великолепием. По его приказу строились мосты, бани, подземные оросительные каналы и невиданные по красоте сады (см.: Rich, vol. ١, с. ٢٠١, ٢٠٤—٢٠٨; Malcolm. Sketches of Persia, vol. ٢, с. ٢٧٧).

Отдельные постройки сохранились до середины XX столетия и носили имя их основателя (Та'рих-и Ардалан, с. 100, примеч. 1).

116 С. Х. Лонгригг (Longrigg, с. 232) упоминает, что вначале шах обратился к багдадскому паше с посланием и просил его восстановить 'Абдаррахман-пашу на престоле Бабанского эмирата, однако ответа не последовало.

117 Мухаммад 'Али-мирза Даулат-шах — старший сын Фатх 'Али-шаха Каджара, после 'Аббас-мирзы Найиб ас-Салтане самый отважный и вы дающийся из сыновей этого государя. Годы жизни — 1203/1788-89—1237/1821-22 (Бамдад, т. 3, с. 430—431).

118 По-видимому, автор имеет в виду Фараджаллах-хана Афшара. В начале правления Фатх 'Али-шаха он занимал должность насакчи-баши. В 1221/1806-07 г., когда в пределах Керманшаха и Арделана началась война между Иранской и Османской державами, шах на помощь армии Мухаммада 'Али-мирзы направил Фараджаллах-хана. В 1227/1812 г. он участвовал в числе других предводителей войска в разгроме войск багдадского правителя 'Абдаллах-паши (Бамдад, т. 3, с. 47—48).

119 Халид-паша Бабан — родственник 'Абдаррахман-паши, использованный турками в их борьбе с 'Абдаррахманом (Джалиле Джалил, с. 56, 73).

120 Мах Шараф-ханум имеет в виду войско багдадского паши Кючюк Сулаймана.

121 Битва произошла в окрестностях Кефри в 1812 г., и причиной выступления 'Абдаллах-паши было чрезмерное усиление бабанского эмира (Longrigg, с. 226—227).

122 Вина Фатх 'Али-султана Банеи состояла в том, что он выступил против и убил Ахмад-хана, назначенного Аманаллах-ханом правителем той области (Та'рих-и Ардалан, с. 162, примеч. 1).

123 'Аббас-мирза Найиб ас-Салтане — второй сын Фатх 'Али-шаха (годы жизни — 1213/1798-99—1249/1833-34), в возрасте одиннадцати лет назначенный наследником престола и правителем Азербайджана (Бамдад, т. 3, с. 210—222).

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Аверьянов — Аверьянов П. И. Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов. Исторический очерк. Тифлис, 1900.

Анджуман-и хакан — Рук. библиотеки ИВАН D 369.

Ахсан ат-таварих — A chronicle of the early Safawis being the Ahsan ut-ta-warikh of Hasan-i-Rumlu. Vol. 1 (Persian text), ed. by C. N. Seddon. Baroda, 1931.

Бамдад — ***

Васильева. Жизнь и творчество Мах Шараф-ханум Курдистани — Васильева Е. И. Жизнь и творчество Мах Шараф-ханум Курдистани.— Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. XIII. Курдоведение. Ер., 1980.

Васильева. О жизни Мах Шараф-ханум Курдистани (Мастуре) — Васильева Е. И. О жизни Мах Шараф-ханум Курдистани (Мастуре).— Сборник в честь 50-летия А. Н. Болдырева. М., 1982.

Васильева. Хроника Хусрава ибн Мухаммада — Васильева Е. И. Хроника Хусрава ибн Мухаммада “Тарих-и Бани Ардалан” как источник по истории и этнографии курдов Арделана XVIII—XIX веков. Автореф. канд. дис. Л., 1977.

Гелавеж — Гелавеж А. И. Краткая экономическая характеристика системы “эл” и “ашират”.— Труды Института экономики. Т. 4. Баку, 1908.

Двенадцать всадников Маривана — Двенадцать всадников Маривана. Новеллы курдских писателей. М., 1978.

Джалиле Джалил — Джалиле Цжалил. Курды Османской империи в первой половине XIX века. М., 1973.

Диван-и Мах Шараф-ханум Курдистани — ***

Диван-и Нали — ***

Занан-и суханвар — ***

Зубдат ат-таварих-и Санандаджи — ***; Рук. библиотеки Кембриджского университета.

Карнаме-йи занан-и машхур-и Иран — ***

Лубб-и таварих — ***

Маджма' ал-фусаха' — Риза-Кули-хан “Хидайат”, Маджма' ал-фусаха'. Т. 1—2. Тегеран, 1290/1878.

Маруф Хазнадар — Маруф Хазнадар. Очерк истории современной курдской литературы. М., 1977.

Мусаэлян Ж. С. Курдская поэтесса Махшараф-ханум Курдистани “Мастуре” — Мусаэлян Ж- С. Курдская поэтесса Махшараф-ханум Курдистани “Мастуре”. — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. IX годичная научная сессия ЛО ИВАН. М., 1973.

Никитин — Никитин В. Курды. Пер. с франц. М., 1964.

Петрушевский. Очерки — Петрушевский И. П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., 1949.

Рашид-ад-дин. Т. 1.— Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. пер. с перс. Л. А. Хетагурова. М.— Л., 1902.

Рустам ат-таварих — ***

Стори. — Стори Ч. А. Персидская литература. Биобиблиографический обзор. Пер. с англ., переработал и дополнил Ю. Э. Брегель. Ч. 1—3. М., 1972.

Та'рих-и 'аламара-йи 'Аббаси — ***

Та'рих-и Ардалан — ***

Та'рих-и гитигуша-йи Зандийа — ***

Фарханг-и джуграфийа-йи Иран — ***

Хадике-йи Насирийе — *** История Курдистана (т. е. владений Ардалан) Мирзы Али Акбер-хана “Векайе-негара”, рукопись ЛО ИВ АН СССР (1330/1917 г. из собрания В. Ф. Минорского).

Хажар — ***

Халфин — Халфин Н. А. Борьба за Курдистан. Курдский вопрос в международных отношениях XIX века. М., 1973.

Хроника Хусрава ибн Мухаммеда — Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан. Хроника (история курдского княжеского дома Бани Ардалан). Изд. текста, пер. с перс, введ. и примеч. Е. И. Васильевой. М., 1984.

Хуласат та'рих — ***

[Каир, 1939]. ***

Чириков — Чириков Е. И. Путевой журнал русского комиссара — посредника по турецко-персидскому разграничению 1849—1852 гг.— Записки Кавказского отделения Императорского Русского географического общества. Тифлис, 1870, кн. 9.

Шараф-наме — Шараф-хан Бидлиси. Шараф-наме. Т. 1. Пер., предисл., примеч. и прил. Е. И. Васильевой. М., 1977.

Abdollah Mardukh — Abdollah Mardukh. Contribution a l'etude de l'Histoire des Kurdes sous la dynastie Ardalan du XVIIe siecle au XIXe siecle. These de doctorat... presente par: Abdollah Mardukh. P., 1988.

Blochet — Blochet E. Catalogue des manuscrits persans de la Bibliotheque Nationale. P., 1900.

Browne — Browne E. G. A descriptive catalogue of the oriental MSS. Cambridge, 1932.

Edmonds — Edmonds C J. Kurds, turks and arabs, Politics, travel and research in North-Eastern Iraq 1919—1920. L., 1907.

EI — Encyclopedie de l'Islam. Leyden—Paris.

Kinneir — Kinneir J. M. A geographical memoir of the Persian empire... by J. M. Kinneir, political assistant to brigadier general sir J. Malcolm, in his mission to the court of Persia. L., 1813.

Lescot — Lescot R. C. A Storey. Persian literature.— Bulletin d'etudes orientales de l'Institut francais de Damas. Le Caire, 1938, t. 7—8.

Longrigg — Longrigg S. H. Four centuries of modern Iraq. Oxf., 1920.

Malcolm. Histoire de la Perse.— Malcolm I. Histoire de la Perse, depuis les temps les plus anciens jusqu'à l'époque actuelle; suivie d'observations sur la religion, le gouvernement, les usages et les moeurs des habitants de cette contrée. Traduit de l'anglais de sir J. Malcolm. P., 1821.

Malcolm. Sketches of Persia — Malcolm J. Sketches of Persia by J. Malcolm, author of "History of Persis", "History of India", etc. L., 1849.

Minorsky — Minorsky V. Persian literature by C A. Storey. Bulletin of the School of Oriental Studies (University of London), vol. 9/1, 1937—39.

Minorsky. Mongol place-names — Minorsky V. Mongol place-names in Mukri Kurdistan (Mongolica, 4).— Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1907, vol. 19, pt. 1.

Minorsky. The Guran — Minorsky V. The Guran.— Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1943, vol. 11, pt. 1.

Minorsky. The tribes of Western Iran — Minorsky V. The tribes of Western Iran. — Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and an account of a visit to Shiraz and Persepolis by... CI. J. Rich.

Morley — Morley W. H. A descriptive catalogue of the historical manuscripts in the Arabic and Persian languages, preserved in the library of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. L., 1804.

Rich — Rich CI. J. Narrative of a residence in Koordistan and on the site of ancient Nineveh, with journal of a voyage down the Tigris to Bagdad and an account of a visit to Shiraz and Perseopolis by... CI. J. Rich. Vol. 1—2. L., 1836.

Rosenthal — Rosenthal F. A history of Muslim Historiography. Leiden, 1968.

Soane — Soane E. B. To Mesopotamia and Kurdistan in disguise. With historical notices of the Kurdish tribes and the Chaldeans of Kurdistan. L., 1926.

Soane — Soane E. B. To Mesopotamia and Kurdistan in disguise. With histo- (рукопись библиотеки Королевского Азиатского Общества).

Veliaminof-Zernof — Veliaminof-Zernof V. Scheref-nameh ou Histoire des kourdes, par Scheref, prince de Bidlis, publiée... par V. Veliaminof-Zernof. Vol. 1—2. St.-Pbg., 1860—1862.